

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

5 '86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

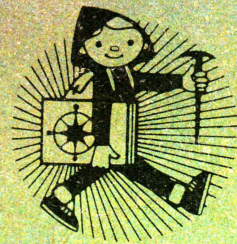
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

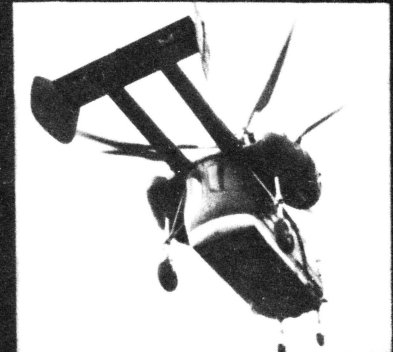

В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ САМОМУ ПОДНЯТЬ ВЕРТОЛЕТ В НЕБО... МЕЧТА! А СЛАВА УСМАНОВ (НА СНИМКЕ СЛЕВА), КАК И ДРУГИЕ КУРСАНТЫ УФИМСКОГО АВИАСПОРТКЛУБА, ЗНАЕТ, ЧТО ОНА НЕДАЛЕКА ОТ РЕАЛЬНОСТИ.

ЗНАЕТ ОН И ТО, СКОЛЬКО ТРУДА, ТЕРПЕНИЯ НУЖНО, ЧТОБЫ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА ИЗУЧИТЬ СЛОЖНУЮ МАШИНУ, НА ЗЕМЛЕ ОТРАБОТАТЬ ДО ТОНКОСТЕЙ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ, НАУЧИТЬСЯ ПРОВОДИТЬ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ. И ВСЕ ЭТО — В СВОБОДНОЕ ОТ УЧЕБЫ В СПТУ ВРЕМЯ.

ВИНТОМ — В НЕБО!

На снимках: сверху — школьники и пэтэушники начинают самостоятельные полеты после первого года обучения в клубе. Внизу — заправлять нужно не только вертолеты.

Снимки И. Горячева

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

5 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ Ф. Селянин
ОГОНЬ С СОЛОМОЙ НЕ ДРУЖИТ
- 6/ Н. Мережников
МАГНИТОГОРСК, МУЗЕЙ РУЧЬЕВА...
- 9/ Н. Дудников
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЛЕТ. Повесть
- 29/ А. Филатов
БИРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
- 29/ В. Васильев
«СЛУХ О МОЕЙ СМЕРТИ СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕН...»
- 30/ Р. Енакаев
ФУАТ БУЛАТОВ, ДРУГ ДЖАЛИЛЯ
- 30/ Б. Чельшев
ДОКУМЕНТ ИЗ ПЕРВЫХ РУК
- 32/ С. Шумков
И ПУЛЯ, И СЛОВО...
- 33/ А. Балабуха
ПОЛЕ НАДЕЖДЫ. Повесть
- 49/ ВИКТОРИНА: КАКОЮ ЕЙ БЫТЬ!
- 50/ И. Непенн
ПЕРМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ
- 52/ Т. Буруковская
В НЕМ ДИВНО ВСЕ ПЕРЕПЛЕЛОСЬ...
- 55/ В. Шумов
НА НЕГО ССЫЛАЛСЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ
- 56/ И. Юхнов
ДВОЕ В ЛЕСУ
- 59/ В. Машин
КОЛОДЕЦ. Рассказ
- 61/ С. Парфенов
ДЕЖУРНЫЙ ПО РЕЙХСТАГУ
- 64/ М. Хрипко
СКАЗКА ЩУКИНА
- 67/ В. Пантелеев
ЗНАКИ ИЗ ИРКУТСКА
- 68/ И. Беляев
РАСТЕНИЯ-КРАСИТЕЛИ
- 72/ Б. Рябинин
ТЫСЯЧА ПИСЕМ И ЕЩЕ ОДНО...
- 74/ Ю. Линник
МАСКАРАД С УЧАСТИЕМ ЛИМОННИЦЫ
- 77/ Ю. Борисихин
НЕИЗВЕСТНЫЙ ОКЕАН

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки рисунок В. Ганзина

ОГОНЬ С СОЛОМОЙ НЕ ДРУЖИТ

Из записок качканарца

Федор СЕЛЯНИН

Рисунок Е. Охотникова.

Я хочу рассказать о моем добром знакомом Караме Яппарове. Известность пришла к нему не сразу, и путь его к качканарской вершине не был легким, и трудные дороги, по которым вела его служба, начинались тогда, когда и самого-то Качканара на карте не было, — города, то есть не было, а сама гора, конечно, стояла.

Стояла и словно ждала таких, как Карам, закаленных жесткими ветрами людей, испытанных жизнью на прочность.

Да, известен сейчас Карам. А было время, когда наиболее интересным в его жизни обстоятельством было то, что воспитывался он в детдоме вместе с Сашей Матросовым. Тем самым, будущим героем, что грудью лег на амбразуру дзота. Это мгновение было ярко стремительным в пестрой событиях жизни, но запомнилось навсегда. Было в ней и другое: ранний труд, и война, и радости первых открытий рабочей биографии.

Карам приехал в деревню Зильдирово летом тридцать первого. Вернее сказать, пришел пешком — вместе с отцом и старшим братом Сагитом. Шли они восемь верст, следом за старой скригучей арбой. В арбе лежала домашняя утварь — кое-какие вещи, что остались после пожара, в пламени которого сгорела большая часть домов их маленького хутора.

В Зильдирово стоял дедушка Карам — известный в районе мастеровой Яппар. Невысокого роста, лысый, с большой седой бородой, он, несмотря на то, что ему было уже давно за шестьдесят, обладал недюжинной силой, и все четверо взрослых сыновей его и любили, и побаивались.

Дед был неграмотный, но старался дать сыновьям образование. Его старший сын Харлам — отец Карам — окончил агрономическую школу и стал одним из первых председателей колхоза в Зильдирово.

В деревне насчитывалось больше двухсот крестьянских дворов. В доме деда — одна большая комната, как во всех домах этой татарской деревни. Взрослые спали в закутке, отгороженном матерчатой ширмой, дети же укладывались все на полу под одним одеялом.

Из дома деда Яппара 1 сентября 1933 года Карам в первый раз уходил с отцом в школу. Босиком. В домашних рубашке и штанишках. Дед смастерил внуку деревянный ящичек, где лежала графитовая доска и специальный карандаш. По первому заморозку мать купила Караму лапти.

Свой первые школьные дни Карам вспоминает и по сегодняшний день и при этом улыбается доброй, чуть грустной улыбкой.

В далекие годы детства познал Карам и горе. Оно пришло с известием: отца ранили кулаки. На хуторе Ильича раздавали колхозникам кулацкое зерно. Тяжелым шкворнем кто-то ударил отца сзади, он рухнул прямо на пороге склада. Долго болел отец, но выжил; избрали его секретарем райсовета. Отец много ездил. Однажды простуженный, долго кашлял, проболел всю зиму, а в мае 1935 года умер. Хоронили Харлама Яппарова в солнечный весенний день в родной деревне на склоне горы Шаукау-Тау, что в переводе с башкирского означает «Гора голубей», — была здесь и вправду тьма голубиных гнезд. Поставили памятник из белого мягкого камня. Жена Харлама Яппаровича не провожала мужа до кладбища, одни мужчины были при погребении: таков обычай. И только после войны мать Карам оказалась возле могилы отца: ее похоронили рядом. «Ани-аним! Мама-мамочка!» — шумят ныне листвою высокие зеленые тополя над могилой первого председателя колхоза и его верной Рабиги, а ветры, бегущие с «Горы голубей», поют им веселые весенние песни.

...Осталась Рабига с шестью детьми. Самому старшему — Сабиту — 12 лет. Высокая, сильная темно-русая Рабига была примерной колхозницей: в поле вязала снопы, на току — молотила зерно, на ферме — доила коров, зимой возила сено на лошадах. Ей помогали Сабит и Карам.

Как-то осенью в колхозе открыли свиноферму. Но работать на ней охотников не было: мешали религиозные предрассудки. Председатель колхоза, чуть не плача, говорил ани Рабигу послать на свиноферму Карам.

Трудно пришлось маленькому свинопасу, когда наступила весна. Сбивая в кровь босые ноги, голаясь он то за одной, то за другой стропивой хрюшкой, те ни за что не хотели пастись в одном месте и все время разбегались. Но главная обида была не эта. Детки бывших богатеев учинили настоящую травлю, издеваясь над преступившим законы Шариага.

И тут наступил первый перелом в жизни Карам.

Неокрепшая душа не выдержала унижений; собрав однажды в узелок полбулки хлеба, немного картошки и взяв у матери три рубля, ушел Карам из дому. Ушел босиком на станцию Аксеново, что в 60 километрах от дому, дорогу знал хорошо: ездил с колхозными подводами сдавать зерно на элеватор. Товарным поездом добрался до Уфы: мечтал он найти в Уфе дядю Губая, лейтенанта Красной Армии.

Никогда Карам не видел такого красивого, огромного каменного здания, каким показался ему вокзал станции столицы Башкирии. Но еще больше удивило его множество народу. В деревне все знакомы, а здесь... «Вы не знаете дядю Губая?» — спрашивал он у прохожих, но те только пожимали плечами. Так Карам стал беспризорником. Жил в подвалах, оставшихся от маленьких деревянных домиков на берегу реки Белой. Питался рыбой. За рекой паслись кони; ребятки выбирали обычно белого коня и из хвоста выдергивали конские волосы, сплетали их в длинную леску.

Однажды выдергивая из хвоста коня волос, не успел отскочить. Конь ударил мальчика в грудь. Только под вечер пришел Карам в себя.

Праздная жизнь не очень радовала привыкшего к труду подростка, однажды повезло, устроился на работу в речном порту: катал одноколенные тачки с песком. За работу платил десятник каждый день. Купил себе юный грузчик первые в жизни ботинки.

С наступлением холодов все чаще проводил свободное время на вокзале. Однажды какая-то женщина подняла крик: «Чемоданы украли, чемоданы украли!» Отделение милиции. Через несколько дней в КПЗ зашел милиционер — худощавый, среднего роста башкир. Ласково улыбнулся Караму и сказал: «Поехали, сынок».

На улице Карла Маркса возле двухэтажного деревянного дома остановились. Теперь этого барака уже нет. На его месте сейчас чудесный парк имени Александра Матросова. Тогда же, в тридцать восьмом году, в «коммуне» размещалась детская трудовая колония для беспризорных ребят, в которой воспитывался и будущий Герой Советского Союза Александр Матросов. Карам познакомился с Сашей Матросовым во время дежурства: ему поправился этот черноволосый мальчик — заводила ребят-колонистов. Карам был на год моложе Саши и ростом пониже. Воспитанники трудились в столярной мастерской, на приусадебном участке, выращивали картофель, огурцы, капусту. Мансур Зиганшин — тридцатилетний воспитатель, худощавый, смуглый спортсмен-легкоатлет — увлек ребят: построил с ними спортивную дорожку. Любимого воспитателя звали ласково Абый — родной, добрый человек. Это он приучил их к большим спортивным перегрузкам, которые так помогли ребятам в годы войны.

Никто-никто не упрекнет меня,
Что в жизни я опасностей боялся.
И рано взрослым выйдя из огня,
Я, как ребенок, искренним остался.
О жизнь! Поток твой яростный носил,
Бросал меня и в сердце бил с налету.
И если скажут в будущем: «Он жил»,
Так, значит, я боролся и работал.
В дни трудные быстрее распознаешь,
Кто недруг наш — он в эти дни виднее.
Нас не пугает пуль смертельный дождь:
В бою с врагом становимся сильнее.

Ноябрь 1941 года. Раннее утро. Карам еще спал, когда в комнату общежития зашел дядя Леня — мастер производственного обучения. Жалко — крепко спят ребята, но надо будить. «Карам, вставай! Иди в депо, — тихо сказал мастер, — поедешь сопровождающим состав в Куйбышев».

...Война. Все перевернулось в жизни страны. Старшие воспитанники детской трудовой колонии, еще вчера мечтавшие стать машинистами паровозов и водить быстрое составы в дальние рейсы, ушли на фронт. Вместе с ними добровольцем ушел их любимец Абый. Карам и одноклассники заменили рабочих, призванных в Красную Армию. Дни и ночи, не высыпаясь и недоедая, точили ребята гильзы для снарядов.

На станции Аксаково дядя Захар, машинист паровоза, пробурчал: «Все, мать-телега, приехали». Кончился уголь. На их счастье под вечер там же остановился состав с углем. Всю ночь ведрами перетаскивали его в тендер своего паровоза. Было холодно, но Карам быстро разогрелся. Иногда останавливался отдышаться. На другой день почувствовал — весь горит, к вечеру слег без сознания. С встречным эшелонном раненых отправил машинист паровоза своего помощника в тыл...

Слабым после болезни вернулся Карам в родную деревню. Бабушка и мать выходили его настоями степных трав, и, когда в декабре 1942 года исполнилось Караму семнадцать, он пришел в военкомат и попросился на фронт. Как и Саша Матросов, всегдашний пример для Карамы.

Морозным декабрьским утром бабушка подвела внука к двери и повернула к себе лицом: «Иди, внучек, из дома спиной вперед». Так в деревне провожали на фронт, веря в примету, надеясь на возвращение.

В первом бою Карам был подносчиком патронов. Запомнились разгрузка с эшелона в ночном прифронтовом лесу, тяжелый бой с ходу, непрерывные атаки немцев... А потом начались трудные фронтовые дороги, и как самое горькое из пережитого — выжженные, изувеченные деревни на пути освобождения.

Летом 1943 года часть заняла оборону под Белой Церковью. Пехота окопалась, а пулеметные расчеты, в одном из которых служил семнадцатилетний боец, заняли свои точки. Командир отправил вечером Караму с термосом на полевую кухню. Когда Яппаров вернулся, товарищей уже не было, не было и пулемета, — ночью ворвались на позиции немцы. А через несколько дней в подвале церкви освобожденного городка нашли изуродованные тела командира расчета, сорокапятилетнего башкира Нуриддина, и его второго номера русоволосого мальчишку.

Командиром расчета стал Карам. Во всем он стремился походить на мужественного земляка Нуриддина, принявшего мученическую смерть, но не покоровшегося врагу.

Однажды завязался тяжелый бой под Витебском. В этом бою Карам был тяжело контужен. Но остался в строю. Его мужество отметили медалью «За отвагу». А когда, во время другого боя, он понес донесение командира батальона в штаб полка, его тяжело ранило. Начались скитания по лазаретам. Санбат, потом госпитали, две сложные операции.

Кончилась война, но долго еще служил Яппаров в войсках МВД и демобилизовался только в пятидесятом году.

Сняв погоны старший сержант и задумался: куда

теперь? Чем заняться — ведь ФЗО из-за войны он так и не закончил.

Вспомнил Карам своего однополчанина, бывшего резчика Алашаевского металлургического завода Ивана Гагарина. Однажды, во время боя в батарее, где воевал Гагарин, кончились боеприпасы, а немецкие солдаты лезут, лезут... И поклялся тогда Гагарин: если выйдет живым из боев, то после войны обязательно станет металлургом! Пусть не знает Родина недостатка в металле.

Так надумал Карам пробиваться поближе к металлу, к огню.

К чему только не тянется человеческое сердце, в чем только не выявляется чувство любви, привязанности, влечения! Любят горы, любят леса, любят березки. Один писатель рассказывает о любви к трем апельсинам, — так обозначились чувства героя. А почему бы и нет! Ведь знаем же мы столяров, влюбленных в дерево, шоферов — в автомобиль, сталеваров — в мартен.

Карам Яппаров влюбился — не сразу, не вдруг, но прочно и безоглядно — в... агломерат.

За годы работы освоил он много рабочих профессий: был машинистом шламовых насосов и шаровых мельниц, работал флотатором, слесарем. Но покорила и увлекла его горячая профессия агломератчика. Аггломератчик, понял для себя Карам, это человек, который дает жизнь доменным печам.

Карам, откинув голову назад, как бы становится немножко выше своего роста. Улыбаясь, говорит: агломерат наш — это не только сырье для домен, где рождается чугун. Что такое агломерат? Сплав, соединение, железованадиевый концентрат, смешанный с известняком и коксом. Это — для домы. А для нас, рабочих-металлургов, это — соединение мужества и терпения, любви к металлу, верности и вдохновения, умения терпеливо, изо дня в день десятилетиями работать у жаркого горна.

Подлинный талант рудопека проявился у него в Качканаре, где выпустил он самую первую тонну концентрата и создал свою, яппаровскую, школу мастеров. Пройдет несколько лет, и его агломерату как особому виду доменного сырья первому в стране присвоят государственный Знак качества.

В Качканар Карам прибыл с направлением Кузнецкого горкома партии: член горкома партии, он добровольно поехал на Всесоюзную комсомольскую стройку нового горнообогатительного комбината. Тогда, в мае 1964 года, всего четыре коммуниста было на строящейся аглофабрике: инженеры Виктор Георгиевич Власов, Евгений Сергеевич Савлов, Павел Васильевич Путилов и он — Яппаров. Вместе с мужем с первых дней стала работать на новой фабрике машинистом конвейера и его жена — Раиса Тимофеевна. Работать с первых дней — это значит и цеха строить, и оборудование грузить, а потом монтировать его вместе с монтажниками, и технологию осваивать, и производство налаживать. Только через год Карам Яппаров, радостный, возбужденный, увидит, как рождается на аглолите первый агломерат: пористый, твердый, прочный — «яппаровский».

Аггломератчику не надо, рискуя жизнью, на огромной высоте монтировать металлоконструкции или технологическое оборудование, не идет он и таежными тропами, отыскивая новые месторождения руды. Его героизм — в повседневной, полной упорства и напряжения работе. Аггломерат рождается в условиях высокотемпературного режима: при плавке железа на полетах температура доходит до 1800 градусов. Мастерство умельца, как и вся-

кое мастерство, проявляется в творческом отношении к делу.

Агломашина — агрегат сложный и живой, имеющий свой характер, особенности, которые мастер должен знать, учитывать. Взять хотя бы ту же шихту, ее приготовление. Многолетний опыт позволяет Караму буквально на ощупь определить, какого она качества. Например, надо узнать, какова влажность шихты. Берет Карам щепоть концентрата, встряхивает ее на ладони. Если остается темный след, шихта влажная. Карам внимательно смотрит, встряхивая еще раз, если не рассыпается на ладони, значит, переувлажненная. Дает команду: убавить воду в смесительном барабане; когда же следа на ладони не остается и шихта рассыпается как песок, добавляет воду.

Опыт мастера не уступает лабораторному анализу! Но опыт — это только добавка к знаниям.

Характер и повадки машины старший агломератчик знает и чувствует во всех четырех зонах технологического процесса: подсушки, переувлажнения, горения и в зоне готового агломерата. А как бригадир Яппаров досконально знает особенности и других профессий на аглофабрике: он сам работал на всех участках.

Начинается смена. Как вчера, как неделю, месяц назад. И всякий раз Карам чувствует себя, как во время первой весенней грозы: на душе прилив радости, предчувствие подъема. Завороженно смотрит на огонь: видятся в пламени горна родной дом на хуторе, коммуна на улице Карла Маркса в Уфе, вспоминает Сашу Матросова, ценой своей жизни спасшего сотни советских бойцов, в общем-то, таких же, как он, Карам, семнадцати-, восемнадцатилетних рабочих и крестьянских парней. Саша погиб не зря — жизнь продолжается, новая, интересная.

Творческие поиски, смелость мыслей и поступков выделяют Караму Яппаровича среди работающих на фабрике, но он остается скромным, готовым прийти на помощь любому, живет, как говорится, в захлеб, без страховки. А главное, что его отличает, это высокая степень надежности, преданности делу.

Трудные, крутые времена выпали на долю Карамы и его товарищей.

В шестидесятых годах особенно тяжело приходилось рабочим на участке горячего возврата, где мелкий отсев обрабатывали в специальной дробилке перед возвратом в шихту. На конвейерах, по которым шел горячий возврат, было особенно тяжело: пыль, духота, жара. Долго ломал Карам голову над тем, как облегчить условия труда, и нашел решение: предложил заменить конвейер горячего возврата течкой на смесителе первичного смешивания. Условия труда сразу стали лучше. Так на фабрике исправили одно из неудачных проектных решений. А в другой раз бригадиру пришлось, наоборот, отстаивать верность первоначальному проекту. Кто-то из инженеров предложил убрать конвейеры под агломашиной, а просыпи устранять гидросмывом. Эта «рационализация» привела к исключительным, невыносимым условиям труда: насадки постоянно забивались, тонкую просыпь из-под аглоленты приходилось убирать вручну. Карам вспоминает, как от этих «ураженных» фуфайки на спинах горели.

Однажды во время ночной смены на агломашину поднялся высокий плотный мужчина в синем берете. Лицо полное, смуглое, с еле заметными неровностями, как бы выщербленное, а глаза большие, веселые. Спросил человек Караму: «Как идет работа? Что вас печалит?»

Старший агломератчик хотел сказать: «Какое вам дело?», да уж больно понравилась улыбка незнакомца.

«А вы-то, собственно, кто?» — «Толочко, новый директор комбината», — представился человек. И поведал Карам директору свои печали: как мучают завалы просыпи людей, как лихорадит фабрику из-за этой «рационализации», как стыдятся руководители комбината признать свои промахи, ведь зря выплачено вознаграждение за неразумную рационализацию.

Толочко пообещал исправить дело и слово сдержал: вернулись к проектному решению. И радовался Карам, и огорчался: ведь сколько людей ушло с фабрики! Утешало, что сам не сбежал от трудностей, и верные его товарищи Рудик Рогозин, Вася Кузьменков, Виталий Полищук, Виктор Герасимов, Саша Савиных, люди твердого характера, остались рядом.

Но только ли дело рабочего человека «вкальвать» да, зная себе, обслуживать машину! Творческий дух не дает мыслям и сердцу закипеть, заставляет думать, искать, примериваться: а нельзя ли еще что-то улучшить, усовершенствовать, упростить?..

Вот она эта громадина — агломашина, каждый день перед глазами пышет жаром. Шесть секций у нее, целый пролет. Пока пропустит партию агломерата, раскалит его чуть не до солнечного жара: температура «широга» в конце машины, на выходе, — 800—900 градусов. Самобалансовый грохот и тот не выдерживал такой температуры. Да и металл воздушного чашевого охладителя тоже коробило. Аварии замучили агломератчиков. «А что, если уменьшить число секций горна?» — эта мысль не покидала Яппарова. Поделился своими задумками с инженером-уралмеханобровцем Вигдорчиком. «Дельное предложение», — сказал проектант. — Уменьшим зону горения и оставим только две секции из шести. Некоторые скептики боялись резкого охлаждения «пирога». Но жизнь, работа Яппарова опрокинули сомнения. Две секции горна обеспечили нормальный режим агломерации, сократился расход топлива, улучшилось качество продукта, устойчивее стало работать оборудование. Аглофабрика вышла в правофланговые Всесоюзного социалистического соревнования... За успехи в работе Яппаров был награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

Весной 1977 года Карам с волнением читал Указ Президиума Верховного Совета СССР. За выдающиеся успехи, достигнутые в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию черной металлургии, ему присваивалось звание Героя Социалистического Труда.

В ту торжественную минуту, когда поднимался он на сцену Дворца культуры, когда получал высокую правительственную награду, Карам, наверное, вспомнил старый израненный дуб на родине. Больше ста лет назад между Зильдярово и хутором, где родился Карам, дед Яппар посадил невысокий дубок. Вырос саженец ветвистым, кудрявым, крижистым, могучим дубом. И сейчас все земляки Карамы зовут его «дуб бабая Яппара». Стоит дуб у дороги. Каждого пешехода приветит: укроет от дождя, спасет от грозы и зноя. Много ран на старом стволе: не раз мощные удары молний принимал дуб-богатирь.

Каждый раз, когда Караму случается побывать в Башкирии, едет он в родную деревню, добирается от Зильдярово пешком до этого дуба. Стоит под кроной долго-долго, словно читает по ветвям стойкого дерева повесть о борьбе, о мужестве, о любви к жизни.

Качканар — Свердловск

Николай МЕРЕЖНИКОВ

Рисунки О. Горячевой

Магнитогорск, музей Ручьёва...

В Магнитогорске — лето...
 Дымы... дымы...
 Угорий голизна.
 Полынный зной.
 Был этот город
 Самый твой любимый.
 Его не променял ты
 На иной.
 И —
 Вот ты! —
 Вижу:
 Кепка,
 Плащик,
 Трость...
 Чуть припадая телом,
 Крепко сбитым,
 Ты вместе с намиходишь,
 Словно гость,
 В тот дом, где жил здесь,
 У горы Магнитной.
 Как ты напрягся,
 Чуть не крикнул:
 — Люба! —
 Когда жена твоя,
 Теперь — вдова,
 К нам вышла торопливо
 И слова,
 Негромкие,
 Невнятные сперва,
 Аукнулись
 Глухой музейной глубию.
 И стало тихо-тихо.
 Мир широкий
 Одним лишь начал жить —
 Твоим стихом.
 И странно
 Вдруг свои
 Услышать строки,
 Как будто ожил
 Сам в себе самом.
 Вот здесь ты жил.
 Руда горы Магнитной
 Вся вынута.
 И стала та руда
 И штык,
 И плуг,
 И в небесах звезда.
 Жизнь скреплена
 Ее стальною нитью.

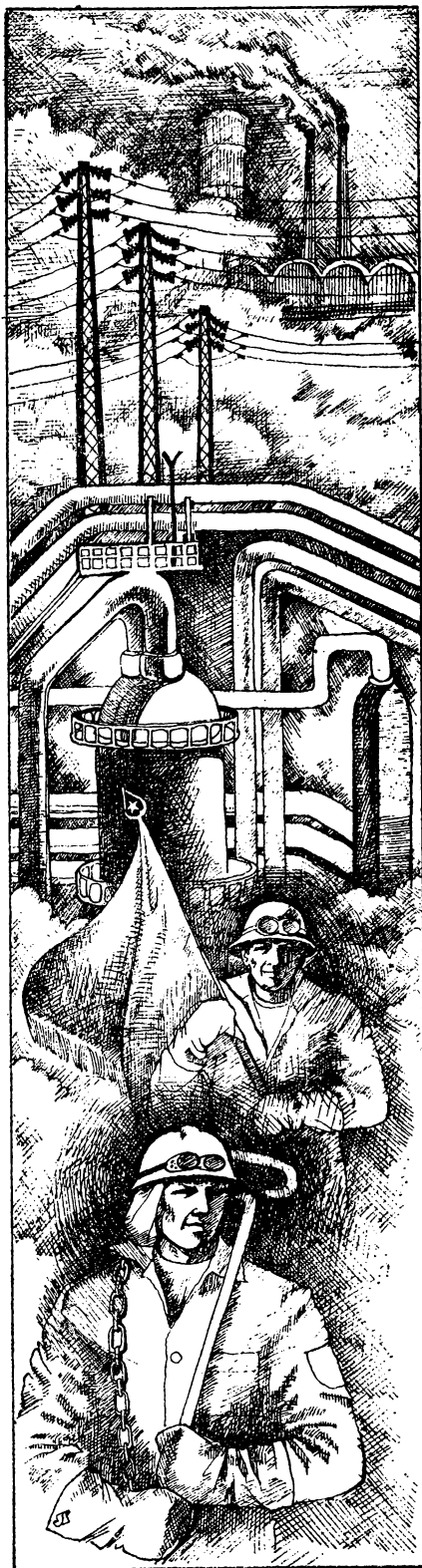
Она — Победа наша
 Навсегда,
 Послание наше
 В дальние года,
 Наш звездный час,
 Час истинно зенитный.
 Магнитка!
 Что и мир наш —
 Молодой,
 Не ты ли поднимал
 Ее стропила.
 С великой жадой строить,
 С жаром-пылом.
 И разве не был ты
 Ее рудой,
 Ее в года грядущие
 Посылом.
 И с ней ты жив,
 Пускай тебя и нет.
 Ты, где металл ее, —
 Везде, повсюду.
 И это, может, равносильно
 Чуду,
 И это чудо —
 Каждый, кто поэт.
 Горы Магнитной
 Все ветвятся жилы —
 И жив твой стих.
 И — слышишь ты его.
 Но ей-то, ей-то, ей-то
 Каково,
 Жене твоей!
 Какие надо силы!
 И где их взять —
 Понять и превозмочь
 Дистанцию между
 Живым и мертвым,
 Речь о тебе вести сейчас,
 Точь-в-точь
 Как о живом —
 О мятом, битом, тертом.
 Как было в первый раз
 Ей отделить
 От трепетного, бешено-живого
 Вот этого, музейного
 Ручьёва?
 А отделить —
 И значит:
 Отдалить...

Ты вслушался,
 Как будто о себе
 Узнать бы мог ты
 Что-нибудь такое,
 Что объяснило б вдруг
 В твоей судьбе
 Все, что произошло,—
 Твоей строкою.
 Вот юноша
 С тетрадкой стихов
 Покинул отчий край
 И отчий кров.
 Индустрии гигант —
 Магнитострой! —
 Стал родиной тебе
 Второй.
 И знал ли ты тогда,
 Высот каких,
 Каких вершин,
 Каких свершений духа
 Достичь тебе придется,
 Чтобы с них
 Достать Магнитку
 Зрением и слухом.
 Но ты достиг,
 И жил ты вровень с ней
 Все дни, когда —
 Так вышло! —
 Север Крайний
 Стал родиной твоей,
 Двум первым —
 Равной,
 А может, даже
 Чем-то и родней.
 Душа сначала
 Словно замерла,
 Как перед непомерностью задачи:
 Огромный край лежал,
 Что круг наждачный,—
 Без искры света,
 Крапинки тепла.
 Но все ж дано
 Поэзии не зря
 Такое право —
 Называть своими
 Далекie, забытые края
 И новое, свое
 Давать им имя.
 И, право,
 Эта истина стара,
 Что нет земли
 Ничем не знаменитой.
 И там, где ты,
 Там каждая гора
 Назваться хочет,
 Как твоя,—
 Магнитной.
 И оторопь душевная прошла,
 И, жаждою поэзии
 Охвачен,
 Ты словно высек
 Искорку тепла
 Из неподатливых
 Глубин наждачных.
 И здесь, где иней
 От дыханья цвел
 И вести с фронта
 Отдавались глухо,
 Был у тебя
 Такой же точно долг

И подвиг тот же —
 Вечный подвиг духа.
 Пусть в хвое луч,
 Как день удачи,
 Редок,
 Пусть тяжек труд
 И холод пусть свиреп,
 Но делишь ты
 И радости, и беды
 Со всей страной,
 Как воздух, соль и хлеб.
 И как бы сам ты
 Ни был отдален
 От города, где вырос ты
 Как мастер,
 Ты — часть его,
 Ты — в нем,
 И это счастье,
 И в целом мире
 Нет того, кто властен
 Тебя из близких
 Вычеркнуть
 Имен.
 И ты готов
 Поверить был порой,
 Что словно в пору
 Юности прекрасной,
 Тебя встречает вновь
 Вагончик красный
 И надписью своей
 «Магнитострой»,
 И колоколом медным,
 Громогласным.
 И ты опять,
 Чтобы в мозоли, в пот
 Избыть себя
 Со всею силой страсти,—
 Опять ты мастер
 Земляных работ
 И снова ты
 Работ бетонных мастер.
 Не зачеркнуть невзгод.
 Что было —
 Было!
 Но даже в самый-самый
 Трудный год
 От смуты,
 От неверия хранила
 Поэзия поэта
 Своего.
 Отринул ты
 Предвзятость и навет,
 Безверье свить гнезда
 В тебе не смело,
 А час от часу вера
 Лишь прочнела.
 И рос в тебе —
 На вере рос! —
 Поэт.
 Раскроет небо
 Северный сполох
 До глуби донной,
 До первоосновы.
 Погаснет
 И легко взовьется снова —
 Как на морозе
 Заискрылся вздох.
 В снегу и инье,
 Что тяжелоступ,
 Одышливо, с раскачкою шагая,

Ты мерил,
 С головой уйдя в тулуп,
 Простор зимы —
 Первопроходчик края.
 Что юностью твоей освящено —
 Измерено строкою,
 Как промером.
 Поэзия и вера —
 Суть одно,
 Поэзия —
 Синоним слова «вера».
 Ей эта вера —
 Верная сестра.
 Она сошлась с врагами
 Грудью к груди.
 Стоит —
 В огне и громе —
 У орудий,
 Несет вперед
 Охрипшее
 «Ура!»
 Ее руки крутой не отведешь,
 Когда она
 Перстом своим укажет
 На хуторок ли,
 Разбомбленный сплошь,
 На девочку ль в петле,
 В удавке вражьей.
 И ей не скажешь:
 — Это не по мне!
 Ты б на иное взгляд мой
 Отворила.
 И жить —
 С ней на одном стоять огне,
 Парить в одном полете
 Острокрылом.
 Как быть хотел ты
 На передовой
 И, яростным подхваченный
 Порывом,
 Бежать,
 Сойтись с врагом
 И стать счастливым —
 Живым ли, мертвым —
 После штыковой.
 И дым идет
 От мокрых рукавиц,
 И ритм строке
 Вновь ритм работы мерит.
 И снова ты в поэме,
 Как в карьере:
 Не отступить
 И не рухнуть ниц.

Ты ощущал
 Прилив таких же сил,
 Какие бы несли тебя
 В сраженье.
 И ты сражался,
 Ты творил,
 Ты жил —
 Кипеньем сил,
 Их удесятереньем.
 И ночь при скудном свете
 В записной,
 В кирпичик спичечный
 Величиной,
 Все сыплет-сыплет
 Бисерную нанизь.

Душа твоя,
 Бедсю общей ранясь,
 Лишь ею дышит
 В холода и зной.
 Ты был со всеми —
 Значит, был огромно,
 Вмещен во всех —
 Считаю: неуязвим.
 А нынешнее пламя
 Старых домен
 Не так же ль нынче
 Светит здесь другим.
 И каждый, кто здесь жил,
 Нелегкий путь
 Прошел в труде,
 В боях десятилетий.
 И в каждом —
 Та же правда, та же суть
 И каждый
 Тем огнем святым
 Сам светит.
 Народ велик,
 Велик своим трудом.
 Своею мыслью,
 Здравой, неустанной.
 Своею к правде
 Тягой постоянной,
 Своим в веках встающим
 Чередом...

Пора назад...
 Знакомые ступени.
 Но Любин голос выйти не дает.
 Пройти бы перед нею
 Легкой тенью,
 Овеять лишь,
 Но не задеть ее.
 Не подойдешь,
 Не скажешь ей:
 — Пора!
 Пойдем!
 Я поведу тебя к Магнитной.
 Стоит, как встарь,
 Всегда стоит гора,
 Стоит всегда,
 Хотя она и скрыта.
 Стоит она,
 Сеченная ветрами,
 Накрыта тучей,
 Темной иссиня...
 А может, это,
 Ввысь взойдя, как пламя,
 Вершинится
 Поэзия
 Твоя?
 В Магнитогорске — лето...
 Зной и дым.
 Сойдет поэт
 По лестнице устало.
 И в город выйдет.
 И сольется с ним.
 С его огнем святым,
 С его
 Металлом.

**Николай
ДУДНИКОВ**

Рисунки Э. Захарова

ПОСЛЕД- НИЙ ПЕРЕЛЁТ

Когда куропатки на своих лохматых лапках начинают проваливаться в снег, утрамбованном и сбитом за зиму ветрами до бетонной крепости, значит, пришла на нашу землю — к берегам Ледовитого океана — весна. Она еще хрупка, как таловая веточка. Наступишь — сломается. В иные годы уже из сугробов живой позвани-

Николай Федорович Дудников родился в 1948 году в хантыйской деревне Азовы Ямало-Ненецкого округа. После окончания Кемеровского университета вернулся в родные края и, сменив профессию историка на журналиста, в течение двадцати лет работает сначала в комитете по радиовещанию, а затем в окружной газете «Красный Север».

Повесть «Последний перелет» — первое произведение автора. Публикуется в журнальном варианте.

вающей струей потекут ручьи и на стелющихся карликовых березках появятся почки в серебристом пушистом одеянии, как вдруг мороз и пурга. И снова нежится зима на Севере. Гонит по обледенелой, как лакированной, тундре снега. И начнут метаться в поисках спасения звери и птицы. Куропатки с высоких мест опустятся в лога и распадки, где можно напиться никогда незамерзающей болотной воды и понежиться на мягких пуховиках еще как следует не тронутого солнцем снега. Но день настанет. Небо прояснится. От солнца, плывущего высоко над горизонтом, начнет наступать на тундру тепло. От земли его еще отбивает холодный воздух снегов и поэтому тепло пока только ласкает верхушки

кустарников. Но это сигнал к пробуждению. Задубевшая, смерзшаяся за зиму кора начинает темнеть, расправляться, и в ее трещинках появляются светлые, как слезы, капли живительных соков. Но настоящим барометром устойчивого тепла служат птицы.

Вначале вдали покажется несколько темных точек. Постепенно увеличиваясь в размерах, они примут очертания гуменников — отчаянных гусак с полосатыми, будто морская тельняшка, животами. Круглый день над землей летят песни: «Га-а-г, пи-пи-и, тюрл-ли!»

Домик старого Варкаи стоял на краю поселка. Зимой к нему вела еле заметная тропа. В сильные бураны и снегопады на ней было больше песчовых следов, чем человеческих. Ленивые ходить по глубокому и мягкому снегу, белошубые зверьки охотно пользовались тропой. И Варкаи не пугал их. Наоборот, теплее становилось на душе, когда стремительно и мягко, будто тени, рядом проносились песцы. Но весной тропа превращалась в дорогу — широкую, торную. Ее пробивали к домику Варкаи охотники — за мастерски выструганными из пенопласта и дерева чучелами уток и гусей.

Вот и на этот раз крыльцо и завалины были превращены в мастерскую. Сбросив на снег малицы, охотники сосредоточенно вырезали пенопластовых уток и отдавали их на суд Варкаи, который либо браковал изделие совсем, либо ножом с односторонней заточкой ловко, в два-три приема, доводил чучело до нормы.

...За столом, а точнее на большом брезенте, застелившем истоптанный и заваденный стружками снег, появились дымящаяся оленина, куски нутряного, с красными прожилками, жира и аппетитная нельма. Из нее взялся готовить строганину сам Варкаи. Он острым и узким, как шило, охотничьим ножом вначале аккуратно срезал пласт кожи со спины, потом с живота. Затем провел рукой по бокам рыбыны, согревая ее, и, убедившись, что шкура отмякла, повлажнела, надрезал ее у самого хвоста и, намотнув на нож, потянул на себя. С шипением, похожая на серебряную кольчугу, шкура слезла, оголив желто-красный жирный бок нельмы. Сглотив слюну и откровенно любуясь работой деда, Алексей подумал, что он все такой же умелый и сильный. Вот только левая рука пару раз соскользнула с рыбыны в тот момент, когда Варкаи стал тонкими завитушками гнать строганину. Но тому была причина. На руке не хватало двух пальцев: дед был на фронте.

— Почему меня не зовут?! — капризно топ-

нув ногой в модном «казачке», на крыльце дома появилась поселковая учительница Алиса, подвязанная, как фартуком, старой рубахой Варкаи. Она частенько помогала Варкаи хозяйничать. Вот и на этот раз вызвалась готовить угощение к приезду внука.

Гости разошлись глубокой ночью. Охотники интересовались, окончил ли учебу Алексей и надолго ли приехал к деду. Крепыш Саварка после рюмки спирта вдруг обнаружил в себе тьму болезни и просил молодого доктора его осмотреть. Алексей вначале ссылаясь на свою неопытность, но потом, чтобы не обидеть старика, обещал на днях заглянуть к нему. Наконец дед и внук остались одни. Варкаи включил «Спидолу», на корпусе которой, на блестящей пластинке, красовалась надпись: «Варкаи Лыдаковичу Лапгандеру за добросовестный труд от дирекции совхоза». После долгой разлуки маленькая комнатка казалась Алексею особенно родной. Слева от порога на стене висела тасма, которую иметь посчитал бы за честь каждый тундровик. Алексей слышал, что за нее деду отдавали упряжку оленей. По широкому полю из черной юфти бежали фигурки, точнее — вылитые из меди силуэты оленей. Каждую из них пунктирами очерчивали шляпки

стреляных малокалиберных гильз. В полумраке комнаты медь теплилась мягким светом. По нижнему краю тасмы тянулись волчьи и медвежьи клыки, говорившие о доблести охотника и, по старому ненецкому поверью, спасающие его от болезни спины. Но главным украшением тасмы, конечно, были ножны. Вырезаны они были Варкай из мамонтового бивня. По желтому, до блеска отшлифованному боку ножен сияющим орнаментом лежали коричневые и голубоватые камушки. Их дед разыскал на оленьих тропах Полярного Урала. Огранил как сумел, затем, просверлив костяную крепость ножен, вставил туда камушки и залил осетровым клеем. Ручка ножа была украшена скромнее. Во всю высоту рукоятки тянулась цепочка узоров в виде оленьих копыт. Такой отпечаток оставило на кости раскаленное клеймо. Плоская, с легким закруглением и небольшим набалдашником на конце рукоять удобно ложилась в ладонь. И венчала это произведение искусства затейливая костяная цепочка, которой ножны крепилась к тасме.

С тасмы взгляд Алексея переметнулся на большую фотографию. Она висела на середине противоположной стены. С пожелтевшего, местами покоробившегося листа смотрели на него двое — мужчина со сброшенным с головы совином малицы и женщина, тоже в малице, подпоясанная свитым наподобие кушака цветастым платком.

— Это мы с бабушкой на фактории Той-Яха, — прозвучал сзади голос Варкай. Фигура деда осталась прежней, молодцеватой. Только разве плечи чуть ссохлись и ссутулились. А над лицом время поработало основательно. Перечеркнули лоб широкие морщины, некогда тугая кожа на щеках собралась в дряблые складки, а жесткие волосы окончательно поседели и походили на щетку оленя. Так называют ненцы провололочной колочести оленьи волосы, обрамляющие его точеные копыта.

Варкай понял, о чем думает в эти минуты внук. Вздыхнул и вышел на улицу. Нарубил мелко тальника, привезенного накануне на собаках, чтобы утром затопить кирпичную печь, сложенную по его просьбе совхозным печником. Долго занимался чучелами. Старые, изрешеченные дробью, с обломанными носами, приготовил для ремонта. Вынес собакам таз с едой и присел рядом на завалянку. Четыре молодых рослых кобеля, пушистых и спокойных, и рыжая гладкошерстная сука; она постоянно норовила вырвать из-под их носа кусок побольше. Варкай одобрительно смотрел на псов. Пахальство Пуро простить, действительно, было можно, ведь в конуре ее дожидалась целая свора щенят. Варкай не запрягал Пуру в упряжку почти всю зиму. По устоявшейся при-

вычке, когда еды в тазу не осталось, подозвал к себе ездовых псов, вычистил слипшийся между когтями их лап лед. И только тут с огорчением заметил, что шерсть у Пуро стала сворачиваться в сосульки. Ненцы знают, что бывает это только в двух случаях: когда собака страдает от недоедания или еда не идет уже впрок. Варкай внимательно посмотрел на старую собаку и невольно вспомнил взгляд внука.

Владимир Михайлович Соснин — начальник Яхинской нефтегазоразведочной экспедиции — был дома, а точнее, в небольшом, но уютном номере гостиницы. Ноги его тонули в мягкой шерсти медвежьей шкуры. И он, чтобы ненароком не пролить на нее кофе, которое выфыркивалось из рожка маленького чайника, подставил под него тарелку, и все же несколько капель упали туда, где на груди медведя, как солнечный зайчик, красовалось белое пятно. Но и это не могло испортить настроения щепетильно аккуратного Соснина. Закинув ногу на ногу, он поудобнее уселся в кресле и, хищно раздув ноздри, некоторое время втягивал в себя нежно-горьковатый аромат кофе. Затем стал маленькими глоточками отпивать его из керамической крохотной пиалы, и приятные думы охватили его.

Хоть и случилась авария на одной из буровых, экспедиция все же с планом пяти месяцев справилась. Почти неделю не выходил Соснин из домика радиостанции. Начальник ее по этому поводу, шутя, заметил: «Вам бы сюда, Владимир Михайлович, и раскладушку поставить».

Аварию не могли устранить в течение трех месяцев. Генеральный директор объединения Шибанов, смирившись уже с этим, как-то сказал Соснину: «Брось ты с ней возиться. Выговор получи и довольствуйся. Пусть стоит до тепла, а пока раскинь план на остальные бригады и жми на них».

Чего-чего, а требовать Владимир Михайлович умел. И, впрочем, никто на него не был за это в обиде. Потому что ему, начинавшему с рядового, секреты бурения были знакомы до тонкостей.

Представив себе аварийную буровую, с которой, как с оплавленной свечки, свисали огромные сосульки, он все же решил вдохнуть в нее жизнь. В ущерб другим бригадам выдал на ремонт буровой все самое необходимое и дефицитное и как от сердца оторвал легкий и надежный ГАЗ-71 — вездеход, служивший ему для поездок по буровым и в районный центр. Отдавая бригадирю машину, Соснин пообещал: ликвидируете аварию — выговоры сниму и выдам премии... Люди старались всю, зная слово Соснина. И уже через

три недели радист, сияя, вручил ему радиограмму: «Аварию ликвидировали тчк Начали проходку тчк».

Об этом сообщении Владимир Михайлович запретил говорить кому-либо, он хотел, чтобы, настроившись на выполнение повышенного задания, бригады не расслаблялись. И маневр удался. Благодаря этому, а также помощи выпешей из аварии буровой, экспедиция план выполнила. И сегодня впервые за долгое время Соснин был не на радию, а дома.

Смакуя кофе маленькими глотками, он прислушивался к шагам в коридоре и думал: «Придет или нет?»

В свои тридцать лет Владимир Михайлович считал, что достаточно хорошо уже изучил психологию женщины. Поэтому после знакомства с Алисой тоном, не допускающим возражений, потребовал, чтобы она пришла к нему сама.

— А моей ноги в твоём общежитии больше не будет.

— А если не подчинюсь?

В ответ Соснин только хмыкнул. Мол, как хочешь, так и понимай...

Владимир Михайлович услышал стук уличной двери. Кто-то вошел в сени, но дальше, словно выжидая, не проходил. Наконец, послышались осторожные и торопливые шаги по коридору. Соснин отвернул задвижку на комнатной двери, и в объятия ему юркнула Алиса.

— Что, бесовестный, дождался, сама к тебе ходить стала,— смущенно и вместе с тем кокетливо выпалила Алиса.

— Ну, ты сразу же обижаться,— добродушно проговорил Владимир Михайлович и помог снять ей пальто. А когда Алиса уселась рядом, спросил:

— Ну, что слышала?

— Не получается из меня, Соснин, разведчицы. Потому, наверное, что я ровно ничего не понимаю в твоих гусях.

— Ну хоть названия мест запомнила, куда собираются старики?

— Нет. И на что тебе эти гуси?

— Не мне они нужны,— раздраженно бросил Соснин,— а товарищам сверху. Понимаешь?

— Снова не понимаю.

— Какой же вы, бабы, бестолковый народ. Запомни. Успех всякого производства зависит от материально-технической базы. А у нас вечно то того, то другого не хватает. На прошлом совещании мне удалось познакомиться с одним ответственным работником, министерства. Невидный такой. Весь в прыщах, а одет модно. Джинсы с молниями, пиджак велюровый. Подошел он ко мне и обратился, как к старому знакомому:

— Ты, старик, с Севера?

— Да,— отвечаю.

— Тогда у меня дельце к тебе будет. Думаю, часик-два мне вечером уделаешь?

И хотел бы я ему отказать, да нельзя. Во-первых, он все-таки из министерства. Во-вторых, по интонации чувствую, что для него мое согласие не особо важно. Он придет без приглашения.

В общем, встретились. Сидели почти до полуночи. Разговаривали обо всем. И я, было, уже подумал, что просто он рассказы о северной экзотике послушать пришел, как вдруг перед самым уходом он спросил меня: «А гуси у вас есть?» Я, помню, в глупой улыбке рот растянул: «А как же!».

И тут Игорь сбрасывает свой плащ и выжупает из кармана похожую на фляжку бутылочку коньяка. Разливаю я коньяк по стаканам и смотрю, что глаза у Игоря, как фосфорные, так и горят.

«Устрой мне, Володя, охоту. А за это что хочешь проси».

— Ну что ты, Игорь. Охоту устроить — пустяк. А запросы у меня гигантские. И сможешь ли их удовлетворить — просто сомневаюсь,— подзуживаю я.

А он, как это бывает у молодых, петухом кукарекает. Грудь свою выпятил. Пот со своего красного угреватого лица стирает. И наступает на меня: «Не смотри, что я только начальник отдела. Зато отец мой всем материальным снабжением министерства руководит».

Тут я по-настоящему понял, что печальная встреча мне действительно может оказаться полезной. И молчу, обдумываю, с чего бы начать, что в первую очередь выпросить. А он мне сам предлагает: «Можно добиться выделения нескольких вездеходов или тракторов, двух-трех новых буровых станков. Да, наверное, самых обыкновенных брезентовых верхонок в твоём хозяйстве не ахти как много».

Я согласно киваю. И прикидываю, что если только это богатство действительно отгрузят, то оно до экспедиции не дойдет. Непременно оседет в объединении. Поэтому попросил, чтобы все было направлено к нам централизованно. На том и порешили. Допили остатки. Я и пьянеть от радости перестал. Игорь снова засобирался домой, но вижу, не дойти ему, и чуть ли не насильно застаю его ночевать у меня. Уснул я быстро и не знаю, спал ли он, но только слышу, тормозит. Открываю глаза, рядом на корточках Игорь сидит и так ехидно улыбается.

«Вижу,— говорит,— здорово ты обрадовался и забыл спросить меня, почему я именно на гусей хочу охотиться и причем не на гумеников, а на краснозобую казарку».

— Кого? Краспозобую казарку? — приподняла Алиса голову. — Но ведь она в Красной книге.

— И я ему про это. А он: «Бог не выдаст, свинья не съест». Ты, надеюсь, знаешь укромные уголки, где она проходит весной? Вот там мы и будем охотиться. А почему именно казарку — просто вычитал в каком-то журнале, что этот гусь доверчивее любого другого. И подлетает к человеку близко. Вот я с него и начну. Ведь, по правде говоря, об охоте я только мечтал, а бывать еще не приходилось. Что молчишь? Или передумал?

— Но он же изверг, — возмутилась Алиса.

— Почему? Я тоже люблю стрелять по летящим и бегущим мишеням. Кажется, всю злость, скопившуюся на работе, в них вколачиваю.

— Значит, ты согласился на это убийство?

— Не на убийство — на охоту.

— Не охоту, а браконьерство.

— Ну и что. Зато буквально вчера получил телеграмму, что централизованным порядком в адрес экспедиции направлен груз: горючее, транспорт, трубы и станки. Значит, опять в газетах о нас писать будут. — И не дав Алисе раскрыть рта, Владимир Михайлович снова поинтересовался: — Ну хорошо, ты не запомнила мест пролета гусей. Тогда хоть знаешь тех, кто у этого старика на посиделках был?

— Да много их было, — нехотя ответила Алиса. — Из Омты слова клещами не вытянешь. Сэроко тоже молчун. А вот Тумба Окоатто — тот знает и наверняка сказать может, если найдешь подход к нему...

Отца Варкаи помнил плохо. Он умер, когда мальчишке минуло пять лет. Кроме чума, другого имущества семье не оставил. А человек в тундре без оленей — самый последний бедняк. И, поглаживая по голове притихшего Варкаи, мать, вероятнее всего, успокаивая себя, говорила:

— Ничего, Варкаи. Скоро возьмешь ты отцовское ружье и научишься стрелять. А потом выследишь зверя. И мы досыта наедемся мяса.

Насчет ружья мать после этого не заикалась. А вот отцовские пленки на куропатку взять разрешила. И с тех пор, как помнил Варкаи, ему голодать уже не приходилось. А мерзнуть — всегда.

Кутая свое худенькое тело в старую малицу и теснее прижимаясь к матери, он дрожал и не мог уснуть. Сквозь дыры в стенах чума нахально заглядывали звезды, ярко разгоравшиеся к морозу. Поэтому в чуме было так же светло, как на улице, и так же холодно.

Однажды, когда Варкаи исполнилось шестнадцать лет, они с матерью пошли за дровами. Вышли спозаранку. Добрались до ручья и уже вы-

копали яму, как поднялся ветер. Он перевернул и покатиł нарты, чуть не сбил с ног Варкаи. Мать снизу прокричала, чтобы спускался к ней.

— Да захвати лопатку, — посоветовала она.

Когда Варкаи скатился в яму, мать укрепила свою лопатку поперек нее и набросала сверху веток. Вскоре на ветки набросало снега и, спрессовавшись, он, как крышка, захлопнул яму.

Варкаи поинтересовался:

— Зачем вторая лопатка?

— А как ты вылезешь, если сверху навалит снега. Но пока она нужна нам для других дел. Чувствуешь, как в яме стало душно. Надо продырявить потолок.

Варкаи поднял лопатку над головой и, когда хлынул из отверстия холодный воздух, повернулся к матери.

— Сейчас садись, садись, — успокоила она сына. — И слушай, не стихает ли метель.

Но отверстие потемнело, а ветер рвал по-прежнему.

— Придется нам с тобой оставаться в куропачьем доме, видно, до утра, — решила мать и, придвинувшись к Варкаи, участливо сказала: — В таком доме спать опасно, можно задохнуться или замерзнуть. Бери снова лопатку, просунь в отверстие и крути.

Сколько они занимались этой нудной работой, мать с сыном не знали. Водянистые мозоли на ладонях лопнули, из рап сочилась липкая кровь, а они все продолжали крутить по очереди лопатку. Мать вставала все неохотнее. Варкаи тормошил ее и напоминал, что спать под снегом нельзя. Она соглашалась, а потом уснула. Сонную, Варкаи пытался поднять ее на ноги и разбудить, а мать, как ватная кукла, валялась на бок.

На следующий день мужчины селения по лопатке, торчавшей из снега, нашли их. Мать была мертвой. Приютил осиротевшего мальчишку Лытак Окоатто. Человек оленный, зажиточный. Ему давно хотелось иметь работника. Причем такого, которому хозяйское добро было бы тянуть некуда. Тут уж Варкаи подходил по всем статьям.

Когда Варкаи в первый раз зашел в чум Лытако, тот встретил его вопросом:

— Видишь, у самого входа висит палка?

— Вязку.

— Ею, вообще-то, сбивают снег с кисов. А отец мой учил этой палкой ленивых работников. Много с тех пор прошло времени. Сучки обломались и палка стала гладкой. Но не думай, что бьет она не больно.

Тумба, развалившись на цикурах рядом с отцом, захихикал и показал язык. И хотя Варкаи еще никто не тронул пальцем, он содрогнулся и весь оцетинился. А Окоатто продолжал:

— Ты будешь моим охотником. Поймаешь песца — накормлю досыта. Станешь лениться — забью.

С тех пор так и пошло. Если рядом с чумом Варкаи на длинном шесте появлялась шкурка песца, чтобы холодное зимнее солнце и снег отбелили ее, ему приносила похлебку старшая жена Окоэтто. А в случае неудачной охоты сидел Варкаи на одном чае.

Через две зимы никто не мог в нем признать прежнего Варкаи. Длинная, волочившаяся по снегу малица теперь едва доходила до колен и трещала на его плечах. А кожаная отцовская опояска подчеркивала стройность фигуры.

Стрелял Варкаи без промаха, умело настораживал пасти на песцов. Но всякий раз, забирая от него шкурки, жена Окоэтто говорила, что добывает он мало, и хозяин им недоволен.

Из всех времен года любил Варкаи раннюю весну. В апреле ночи уже не бывает. Укатанная за зиму ветрами тундра становится тверда, как камень, и гладкий ледяной панцирь блестит на ней от края и до края. Лыжи сами летят по путику. Отмахать много километров за день кажется Варкаи сущим пустяком. И возвращаться в свой дырявый и холодный чум совсем не хочется. Помнится, и в тот день он подходил к стойбищу поздно. Издалека увидел, что у чумов суетятся работники. Одни таскают к нартам ягушки, постели, мешки, другие их накрепко привязывают. «Собрался хозяин до появления первого теленка в стаде откочевать к летним пастбищам на берегу моря», — догадался Варкаи. А подойдя к чумам поближе, увидел, что не только сборами заняты люди. У чума старика дымились два костра. В обоих булькало варево. Двое мужчин освеживали оленя, чтобы приготовить из него айбат. «Что-то не похоже на хозяина, чтобы он для нас так расщедрился», — подумал Варкаи и тут же за чумом увидел две нарты, запряженные пятерками оленей. Чьи они — Варкаи не знал, а объяснил все Тумба. Он, раскрасневшийся, вывалился из чума и, вытирая скользкие от оленьего жира руки о подол рубахи, зло зашипел.

— Чего клыки оскалил и рыщешь здесь? Проваливай в дырявый чум и высовываться не вздумай, не то мою невесту напугаешь.

В просторном чуме было шумно. Пахло жирным оленьим мясом и водкой. Но пьяными были только хозяин и Тумба. Гости, отодвинув недопитые стаканы с водкой, вприкуску с сахаром пили чай. Их манеры, их лица и одежда удивили Варкаи. Однако тут же он вспомнил, что мать рассказывала ему о зырянах. Живут они по реке Каре, как раз почти в том месте, куда на лето выгоняет свое стадо Окоэтто.

— Варкаи, а-а Варкаи, — пьяно, по-совиному выпучив глаза, уставился на него Окоэтто. — Ты что, забыл о моей палке? Ею я бью не только лентяев, но и тех, кто лезет в мой чум без спроса. Поддай мне, Тумба, палку!

— Не надо, я сам.

Покраснев от натуги, Тумба едва поднялся на ноги и потянулся к палке. Но взять ее не успел. Варкаи сшиб его с ног. Размазывая по щекам кровь, Тумба силился встать снова, а хозяин судорожно шарил по поясу руками, отыскивая нож. Варкаи ждал, что с минуты на минуту нагрянут работники и тогда ему уже точно не поздоровится. Только повернулся, чтобы уйти, как вдруг молодая гостья, которую Тумба прочил себе в невесты, поднялась из-за стола.

— Ты, наверное, хочешь есть. Возьми читето, — сказала она и подала чашку с мясом.

Сконфуженный Окоэтто положил на место нож. А смолкнувший на минуту Тумба снова заканючил:

— Чего ты ждешь, отец? Бери скорее палку...

Варкаи оставил миску с мясом и ушел. Вскоре в чум к нему вошел Окоэтто. Старик принес все ту же миску с мясом и ломти крупно нарезанного хлеба. Как будто впервые увидев нищету своего работника, Окоэтто пообещал к осени дать из своих запасов малицу. Варкаи неожиданно возразил:

— До осени я работать у тебя не буду. А новую малицу я уже заработал.

Поняв, что лестью парня не возьмешь, Окоэтто сменил милость на гнев:

— Я разнесу по тундре весть, будто ты украл у меня десять песцов. Нет, не десять, а сто. И мне поверят, а вслед тебе плеваться будут.

Не успел Окоэтто закончить фразу, как Варкаи выбежал на улицу и втолкнул в чум три шеста. Сверху донизу они были в зарубках.

Окоэтто попытался. Он никак не рассчитывал, что его неграмотный бедняк окажется таким прытким.

— Так теперь ты мне, может, скажешь, кто у кого украл песцов? За все, что ты на моем горбу заработал, сейчас отдашь две упряжки оленей и новую малицу.

Старик окончательно напуганный, согласно кивнул.

Той же ночью Варкаи уехал из стойбища. Свой чум наметил он поставить на Каре. Соседство Окоэтто его не беспокоило. Да и задерживаться надолго здесь Варкаи не намеревался.

«Постою на побережье до осени. А как только спадет гнус — переправлюсь в Щучью». Туда, слышал Варкаи, какой-то русский приехал. Совет его зовут. Так вот тот Совет над деревянным чу-

мом тряпку алую, как кровь, повесил. Говорит Совет, что на Ямале бедных скоро не будет. А в лавке, которую он открыл, только за одного пса дают ружье и мешок муки.

Облюбовав место, поставил Варкай чум. Оленей отпустил рядом, а сам охотой занялся. Благо, плетки имелись готовые, и куропаток на побережье хватало. Но, откровенно, за зиму надоело ему их горьковатое постное мясо и ждал он появления гусей. Каждый день, пускаясь в путь, поглядывал Варкай на небо, подолгу прислушивался. Но, как это бывает, прилет стаи все же пропустил. Она плавно прошла над головой. Гуси нетерпеливо ворочали головами и, наверное, узнав родные места, загоготали.

С прилетом птиц побережье ожило. Кряканье, писк, гогот не смолкали ни на минуту. Увидев, что почти рядом с чумом построили свои гнезда краснозобые казарки, Варкай перегнал оленей на другое место. А птицы, понимая, что находятся в безопасности, нисколько не боялись человека. И не было для Варкай лучшего отдыха, чем любоваться их жизнью. Увидев, с каким трудом строят себе гуси гнезда, он не ленился, ползая на коленях, парезать для них охапки сухой травы. И за ночь они исчезали. Правилось казаркам смотреть на костер, а если из него вырывалась и летела яркая искра, какая-нибудь из птиц непременно срывалась за нею с места.

Однажды, вернувшись поздно с побережья, Варкай обнаружил, что гусята с поляны исчезли. А вместо них ходят два олененка.

«Окотэтто метит по-другому, — подумал Варкай, разглядев надрезы на ушах оленят. — Чьи же тогда?» Так и не ответив на этот вопрос, Варкай лег спать. Но не успел сомкнуть глаза, как рядом с чумом услышал голос. Он показался знакомым. И тут же в чум влетела девушка, в которой он узнал невесту Тумбы. В легкой весенней малице, с разметавшимися по плечам длинными русыми волосами, она, отыскивая в полутьме хозяев, громко спросила:

— Кто здесь?

— Я, — растерянно ответил Варкай.

— Так все-таки кто?

— Я, Варкай Лаптадер.

Потом Катерина призналась, что несканно растерялась, печаянно встретившись с парнем, о котором постоянно, с момента мимолетной встречи, думала. Он понравился Катерине.

— Не то, что этот жирный и ленивый Тумба, — говорила она отцу. — Тумба богатством хвалится, но оно ведь не его, а отцово. Вот за Варкай замуж я бы пошла.

— Что ты, Катерина! У него ведь за душой ни конейки. Да и договоренность с Окотэтто полная.

Катерина возражать отцу не стала, но, зная,

как он ее любит, надеялась, что только стоит ей захотеть,— не откажет. А Окоэтто пусть ищет для своего увальня другую жену.

Варкаи Катерина тоже пришлась по душе. Он изумился ее смелости в хозяйском чуме, когда она, нарушая пенецкий обычай, заговорила первой с мужчиной и, будучи гостьей, сама подала ему вкусное угощение. Но окончательно покорила она Варкаи на следующий день. Вылавливая из стада для своих упряжек оленей, он услышал за спиной звонкий и задорный голос:

— Сразу видно, что охотник ты, а не пастух. К чему нужны тебе сырицы? Важенки надежнее. Они выносливы, а главное — без приплода не останешься.

Привыкший полагаться на свой ум, Варкаи хотел сказать, что как-нибудь обойдется без советов. А оглянувшись, так и застыл. На опущенный совик малицы падали вьющиеся колечками русые волосы Катерины. Из-под узких, будто нарисованных бровей смотрели смеющиеся карие глаза. Яркие, чуть влажные губы смеялись тоже. И Варкаи, забыв слово «стыд», смотрел на нее не отворачиваясь и удивлялся, что вечером не разглядел красоту девушки...

Первой в себя пришла Катерина. Осмотрев убогое жилище, она перевела взгляд на топтавшегося в нерешительности у костра Варкаи.

— Откуда ты здесь? — удивленно спросила она.

— Поправилось место. Вот и остановился. Или кому-то помешал?

— Да кому ты можешь помешать двумя своими упряжками? Только почему к нам глаз не показываешь? Мы не кусаемся и стоим всего в трех поворотах от тебя по Каре. Поехали?

И снова Варкаи удивился. «Разве не осудят ее за то, что в стойбище из тундры приедет с незнакомым мужчиной, да еще молодым?»

Словно догадавшись, о чем думает Варкаи, Катерина уверенно пообещала, что отец его знает, а до остальных ей нет дела.

Так оказался в зырянском стойбище Варкаи. Потом встречались с Катериной в тундре. Обо всем сказали друг другу и решили пожениться.

— А как Тумба? — однажды заинтересовался Варкаи. — Ведь Окоэтто учинит скандал, и опозорят нас с тобой на всю тундру.

Катерина заговорщицки улыбнулась:

— Отца я давно уговаривала. А все остальное беру на себя. Окоэтто ко мне придут свататься, когда зацветет морошка и маленькие твои гусята научатся летать. Тогда же я пошлю к тебе человека. И вот, представь, рассядутся за угощением на улице гости, сваты начнут расхваливать Тумбу и меня. Отец покажет приданое. А я вый-

ду и скажу, что женихом назову того, кто, оказавшись со мной по колению в Каре, обмскнет мою голову в воде. То есть покажет силу и опять же старый обычай соблюдет. Ведь Кара считается у зырян самой чистой тундровой рекой, и если жениху удастся окунуть голову своей невесты в ледяную воду, то она беспрекословно становится его женой. И на многие лета вперед очищает река обоих от их грехов.

— Да,— неопределенно протянул Варкаи.— А если он тебя все же окунет?

— Зачем? Тебя я вызову первым, и ты только притронешься ко мне, я не то что голову — вся окунусь в реку,— Катерина доверчиво прижалась к Варкаи, и оба засмеялись.

Так все и произошло. Выпужден был Тумба уступить Варкаи свою невесту, но при этом пообещал:

— Моя пуля будет за тобой гоняться по всей тундре, как палка за паршивой важенкой..

Поднялись с глухих тундровых озер краснозубые казарки и, с шумом рассекая воздух, пронеслись на юг. Озера замерзли. Шивя и разбрызгивая воду, как большие пароходы, поплыли по Карскому морю льдины. А Варкаи все жил на Каре. Он ждал, когда, подобно шкурке песка, упадет на тундру белый и мягкий снег, и тогда уж точно, не боясь растрясти находящуюся в тягостях Катерину, можно будет решиться на дальнюю дорогу. Впрочем, не только дальнюю, но и опасную.

Двое суток после снегопада погода стояла ясная, а на третье утро упряжки окунулись в снежную карусель. Но вскоре, ничего не видя впереди, Варкаи остановил оленей. Катерина, ласково приложив к его щекам свои ладони, оттаяла на бороде куржак и предложила:

— Пусти вперед меня. Ты в пургу ездить не умеешь.

— Почему? — удивился Варкаи.

— А потому...

Оказавшись впереди, Катерина вела упряжку, глядя не вперед, а почему-то вниз. Так они ехали до тех пор, пока, наконец, мучимый сомнениями Варкаи не остановил ее.

— Вот ты-то, мне кажется, заведешь упряжки неведомо куда. Смотреть надо вперед, а ты под нарты уставилась.

Катерина по-детски рассмеялась. Потом по-серьезнела и стала поучать:

— Если морозная темная ночь, то мы как уздаем дорогу?

— По приметным местам и звездам.

— Правильно. А теперь их не видно. Речек

и озер тоже. Значит, глядеть надо только под ноги. Двое суток назад ветер мел по всей тундре и наделал заструг. Когда мы выезжали с Кары, я заметила, что эти снежные волны смотрели на север, зная, где север, я знаю, где юг, запад, восток. Другой ветер нарежет другие заструги не раньше, чем через день. За это время мы уже будем на месте.

Как сказала Катерина, так и вышло. Еще не ложились в Щучьей спать, а муж с женой уже были там. Варкай пожелал сразу же увидеть Совет. Дверь у крайнего дома оказалась открытой. На пороге стоял мужчина в белом фартуке. Катерина, умевшая немного объясняться по-русски, спросила:

— Ты Совет?

Мужчина вначале не понял, что от него хотят, а затем, улыбаясь во весь рот, объяснил:

— Я пекарь и продавец. А Совет — это следующий дом.

Варкай постучал. Дверь открыл высокий и на вид очень суровый русский.

— По какому делу? — осведомился Совет.

— Чего людей с дороги на морозе держишь? — раздалось в глубине комнаты.

— Да-да, — сконфузился Совет. — Проходите.

Напоив гостей чаем с мягким, только что выпеченным хлебом, председатель Щучьинского сельского Совета узнал, зачем они пожаловали.

— Значит, в колхоз хотите?

— А что это такое? — поинтересовалась Катерина.

— Мы собираем бедняков и делаем одно хозяйство. То есть одно стойбище. У кого есть олени, капканы, пасти — складываем, и всем этим пользоваться теперь будет все стойбище, или колхоз. Каждый в нем станет получать столько, сколько заработает.

Варкай одобрительно закивал, но тут же усомнился:

— Оленей-то у нас почти нет. Капканов и охотничьего провианта столько же. Сможем ли мы большое стойбище прокормить?

— Сумеем, — заверил Совет. — Пушнину, мясо и рыбу сдадим государству. А оно не купец — не обманет. И взамен мы получим муку, сахар, масло, дробь и порох. А оленей придется забрать у богатых.

— Как забрать? — не понял Варкай.

— Очень просто. Ты у кого в работниках был?

— У Окоэтэто.

— Вот мы дадим тебе помощников, бумагу с печатью и, когда стада будут выпасаться невдалеке от Щучьей, поедешь к нему. Грамотные люди посчитают у Окоэтэто оленей, а ты поможешь пригнать. Понял?

Варкай слушал и не верил своим ушам.

С того дня муж и жена Лаптавандеры стали помощниками Совета. Они первыми свернули чум и поселились в маленькой комнате при пекарне. Продавец, обрадовавшись помощнице, быстро выучил Катерину печь хлеб. Варкай носился по тундре, отбирал у кулаков оленей, сопровождал аргиши с рыбой и пушниной в районный центр. В дороге и узнал, что Катерина родила сына. Назвали его в честь умершего отца Катерины Иваном. Ненадолго задержался дома счастливый папаша. По рекомендации Совета, отметившего его рвение и преданность, районный комитет партии вызвал Варкай на курсы ликбеза. А потом избрали его председателем колхоза. Забот прибывало. Катерина не обижалась на отлучки мужа. А если удавалось в чем-то ему помочь, то делала это с радостью. Не имела она привычки надоедать мужу. Поэтому он очень удивился, когда однажды накануне забоя оленей она примчалась в кораль. Побелевшая и взволнованная, отозвала его в сторону:

— Слышишь, в округе Тумба объявился.

— Ну, для него же хуже. Большинство оленей скрыл, Совету отказался подчиняться. Поймают и накажут.

— Да подожди ты. Он до тебя дотянуться хочет, а там уж, говорят, «что тюрьма, что милость — одинаково». Берегись!

Ночью со звоном и хрустом разлетелось в их крохотной комнатке окно. Кто-то, осторожно глянув в чернеющий проем, вырвал из чехла нож и, прильнув к подоконнику, попытался влезть в комнату. Варкай прыгнул, вырвал у него нож и слегка прижал острое лезвие к горлу напавшего. Человек ойкнул и, чувствуя смертельную опасность, замер.

— Кто ты, зачем пришел? — спросил Варкай.

— Тумба послал убить тебя, Катерину и сына. А я его работник.

— Кто ты — пусть выясняет Совет.

Заколотив окно и кое-как успокоив Катерину, Варкай отвел непрошеного гостя к Совету, а сам решил проверить кораль, куда для забоя были загнаны перед вечером олени. Кораль оказался пустым. Приставленный к нему сторож лежал связанный возле сломанной изгороди. На вопрос, кто угнал оленей, ответил, что не знает, а распрыгался какой-то Тумба.

Начальник районной милиции, приехавший на расследование, сетовал:

— За год из колхозных стад угнано пятнадцать тысяч голов. Посоветуй, как поймать воров. Может, взять их летом?

— Нет, летом не годится. Лучше на весновке — с телятами далеко не уйдешь, — Варкай на-

рисовал подробный план, где до появления зелени пасет свое стадо Окоятто.

Начальник милиции оказался хватким. Прямо на весновке и настигли Тумбу. Когда повезли его в район, он в толпе отыскивал глазами Варкаи и крикнул:

— Говорят, гусей на Каре растил ты, а поел их я. Хороши! Но, главное, узнал я теперь, где летуют эти дуры-казарки. Ты корми их снова, а я вернусь — откручу головы им и тебе!

Утро выдалось серое. Моросил дождь. Своими тупыми иглами вонзаясь в оперение, он однако не мог пробить плотный слой пуха. И тело Подранка — самца краснозобой казарки — оставалось неувязным и горячим.

Подранок зорким глазом видел, как люди в широких шароварах и чалмах, вооруженные колушками, мокрые и злые, шныряли на остроносых лодках по лиману. Это они выпутывали уток из растянутых над водой и погруженных в глубину лимана сетей. Их добычей особенно часто становились доверчивые к людям краснозобые казарки. Набив лодки дичью, люди в чалмах направляли их к дымящей трубами день и ночь фабрике.

Подранок облегченно вздохнул. На этот раз он сумел сберечь свою стаю. Как и подобает вожаку, прежде чем посадить ее, Подранок несколько раз облетел лиман, придирчиво осматривая воду и камыши. От его взгляда не ускользнуло, что на месте постоянной остановки стаи появились длинные бамбуковые шесты с туго натянутыми между ними проводами. Достаточно было птице коснуться их лапкой или кончиком крыла, электрический разряд убивал ее. Провод заставил старого вожака вздрогнуть и молниеносно взвиться ввысь. У самой кромки камышей он увидел чуть покачивающийся на волнах предмет, чем-то напоминающий опрокинутую соломенную шляпу. Человека в ней не было видно, но Подранок знал, что он здесь. И только ждет момента, как бы ловчее сбить выстрелом оказавшуюся над ним птицу. В таком положении как-то однажды оказался Подранок, когда он был не вожаком, а несмышленышем: увидев в камышах такое же оружие, он из любопытства снизился, и в этот момент внизу что-то грохнуло, плеснуло в крылья, и они перестали слушаться. Обезумевший от страха и боли, Подранок минуту-другую лежал на воде без движения. Потом, услышав сепение собаки, встрепенулся, попробовал взлететь — только захрипел от боли: А морда пса все ближе. И Подранок вспомнил, что он может ускользнуть от погони под водой. Окунул голову и что было

силы гребнул лапами, но крылья никак не хотели складываться, и Подранка выталкивало наверх. Поняв, что и этим ничего не добьется, гусак решил пойти на хитрость. Выбрав густые заросли камыша, он подплыл к ним, открыл рот и жадно втянул воду. Тело его, отяжелев, погрузилось в глубину, а сверху осталась только маленькая дудочка черного клюва. Пес, только что увидевший барахтающегося беспомощного гуся и не находя его ни чутьем, ни глазом, закружился на месте.

Выплыв к коренному берегу лимана, Подранок оказался у торфяного заросшего островка. Вода вытянула много крови, и, ослабевший, он едва смог на него влезть. В этот год улетели птицы на север без Подранка.

Со своего островка Подранок выплывал только ночью. Вдоволь насытившись, обмывшись чистой водой, он затаивался так, чтобы днем ястреб не смог его высмотреть в камышах.

А теперь Подранок — вожак стаи. Она собирается на север. Обрастают гуси теплым пухом, кормятся, набирают сил — дорога их ждет нелегкая. Поведет свою стаю Подранок над морями и реками, а компасом ему будет ветер. Если в крыльях станет свистеть студеный — значит, правильного курса придерживается вожак.

Старый Варкаи, оторвавшись от воспоминаний, тревожно глянул за окно. Сероватый клочок неба стал вдруг голубым, из глубины его проступала позолота. Это солнце уже гуляло по небу. «А я все нежусь», — подумал Варкаи и сбросил одеяло. Осторожно, на цыпочках, стараясь не брякать посудой, взял со стола электрический чайник и, долив в него воды, включил в розетку. И снова выглянул в окно, рот его растянулся в улыбке. Пуро и Налто были тут как тут. Вопросительно уставившись на хозяина, они словно бы говорили: «Спать ты горазд, а кормить нас кто будет?»

— Сейчас, сейчас, — одними губами прошептал хозяин.

— С кем это ты разговариваешь? — вдруг раздалось за спиной. Сзади с полотенцем на плече стоял Алексей.

— Вот так! Я стараюсь не шуметь и не будить внука, а он уже на ногах.

— Боялся проспать рассвет.

— Э-э, да ты в своей Тюмени позабыл, что ночи в наших краях весной и летом не бывает... Проспали мы с тобой утро. А значит, надо торопиться, чтобы хоть к обеду дойти до места.

Миновав речунику, дед с внуком оказались на берегу круглого и большого озера. На льду его,

как в блюде, стояла вода. Варкаи предостерег Алексея:

— Смотри под ноги. Выбирай лед гладкий, а ноздреватый обходи. Он сейчас уже крепости не имеет и под ногою обваливается.

Увидев, как внук нерешительно ступил на лед и после его слов стал прощупывать и внимательно осматривать сантиметр за сантиметром, Варкаи посоветовал Алексею ступать за ним след в след.

Часа два ушло на переправу. До места охоты оставалось перевалить только извилистую и узкую протоку. Варкаи по-прежнему шел впереди и не видел, как Алексей, чуть свернув в сторону, ушел под лед. Но тут же вынырнул и, держась за край майны, закричал. Варкаи метнулся к внуку. Течение все сильнее затягивало под лед, и, чтобы вытащить Алексея, дед бросил в воду волочившийся за нартами конец тынзына, до предела напрягся сам и заставил вожака удерживать упряжку на месте.

— То, что обувь и одежда промокли, — ерунда, — сказал Варкаи и приказал Алексею бежать по оголившемуся, но еще мерзлому берегу протоки до поворота.

— Там, — объяснил Варкаи, — будет моя землянка. Перед дверями бутылка с соляркой на шнурке привязана. Плесни на дрова и сушишь у печки. Стой! Стой! Спички сухие возьми.

Когда дед с нартами дошел до землянки, из ее трубы валил дым. А в открытую дверь было видно, как внук, переминаясь с ноги на ногу, в одних трусах крутится вокруг печи.

— Обсох хоть? — поинтересовался дед.

— Почти.

— Бери из рюкзака запасную рубаху со штанами и одевайся.

Варкаи наскоро скипятил чай, нарезал крупными ломтями отварную оленину.

— Сейчас поедим и будем мы с тобой, внучек, рыть окопы.

— Что-то ты, дед, войну вспомнил? Наверное, обычные ямы в снегу?

— Нет, окопы, — возразил Варкаи, — потому, что скрасть на белом снегу утку, а тем более гуся — дело хитрое. Надо замаскироваться так, чтобы нас не было видно, а внутри соорудить полки для патронов, сухой обуви и рукавиц.

Работа оказалась непростой, тем более что копать оттаявший, отяжелевший снег приходилось веслом. Расставив плоские чучела гусей, дед с внуком притаились. Вскидывая бинокль, Варкаи вглядывался в пронзительно-голубое небо, по птице не видел. И Алексей, отчаявшись, уже стал дремать в своем укрытии, когда услышал шипящий шепот деда:

— Идут. Не торопись и стреляй только после меня.

Алексей чуть приподнялся. Черные точки, появившиеся на горизонте, становились все четче. По бокам их, как тонкие усы, шевелились крылья, и вот уже стали различимы длинные вытянутые серые животы.

«Гуменники», — успел подумать Алексей и тут же услышал выстрел, за ним другой. Две птицы выпали из стаи. Шарахнувшись в сторону, одна птица вышла на него. И плавно нажав курок, Алексей почти одновременно почувствовал сильный удар в плечо.

— Так тебе, — благодушно заметил дед. — Не будешь мечтать. А теперь подбирай гусей и — в землянку. Вечерний перелет закончен и надо немного поспать, чтобы открыть глаза ровно в ту минуту, когда начнется утро.

Алексей снов не снилось, но деду стоило немало труда разбудить его. Ароматный запах наполнил землянку — в котле варилась гусятина. Самый большой и жирный кусок достался Алексею.

— Так незаконно, дед.

— Все законно. Это твоя первая охота. И выстрел был меткий.

Когда позавтракали, Варкаи велел Алексею убрать посуду, а сам достал из вещевого мешка маленького деревянного божка. И, как бы извиняясь перед внуком, сказал:

— В бога я не верю, но такой у нас порядок, — помазал божка рыбьим жиром. — Ты Яб — бог удачи и сильнее бога Сэрада, и поэтому прошу тебя, чтобы небо было чистым, а птицы шли над нами. — Хитро прищурившись, дед глянул на Алексея. — Раньше дед с бабушкой вымажут Яба самым вкусным лекарством — оленьим вемом, а мы, ребятишки, подкрадемся и слижем его. — Потом опять, словно забыв о внуке, продолжал: — Перед тобой я, Яб, ни в чем не виноват. Ружья ни ребенку, ни женщине в руки не давал. Пошли мне, Яб, удачи.

— А зачем ты, дед, сказал своему божку, что ни ребенку, ни женщине ружья не давал. Разве это так важно?

— Важно, Алексей. Кто не умеет обращаться с оружием и с огнем, большую боль природе приносит.

— А что, разве только с плоскими чучелами охотятся на гусей? — перевел разговор на другую тему Алексей.

— Почему? Где-то, я слышал, делают так: посыпают снег кусочками битого стекла, и гуси, думая, что блестит вода, снижаются. Иногда охотятся с собаками.

— Как это?

— А вот так. Вбивают в землю кол и привязывают к нему белую собаку.

— А почему именно белую?

— В этом вся соль. Будь собака другого цвета, она не привлечет внимания гусей, а белая похожа на песца, который съедает яйца и давит птенцов. Тут уж гуси не пролетят равнодушно мимо врага.

Солнце уже успело размягчить подстывший за ночь снег, и на каждом шагу охотники проваливались. Пока дошли до окопов, Алексей вспотел, хотел уже расслабить дедовскую тасму, но услышал предостерегающий шепот. Алексей осторожно осмотрелся. Прямо на чучела, но довольно высоко летела какая-то птица. По редкому взмаху крыльев и крупным размерам он решил, что приближается орел.

— Орел, — чуть слышно сообщил он деду.

— Это мы сейчас посмотрим, — скороговоркой ответил тот.

На миг птица попала в слепящий глаза солнечный круг и заслонила его, от этого ее оперение еще больше потемнело. Алексей опустил ружье, полагая, что не ошибся в своем предположении. Но когда птица уже была над головой, увидел красные лапы. И снова его опередил дед. Гуменик упал в сугроб. Алексею пришлось изрядно потрудиться веслом, прежде чем удалось откопать гуся, пробившего почти метровую толщцу спрессовавшегося снега. К обеду на счету Варкаи было пять убитых птиц, две удалось сбить Алексею. Промажнувшись несколько раз, он истратил свои десять патронов и потянулся в дедов окоп за новыми. И удивился:

— А что ты, ири, взял так мало патронов? Я слышал, что поселковые охотники брали в магазине по сотне, а то и по две.

— Потому что ваш брат-молодежь любит шуму-грохоту наделать. Что поймают на мушку, в то и стреляют, иногда по пустым бутылкам. Пользы нет — сплошной вред. Будь моя власть, я на охоту бы с водкой не выпускал. Мало того что такие охотники все живое уничтожают, они часто и друг друга калечат. А потом и другое учти, — голос деду напрягся, зазвенел, — многие стрелять ладом не умеют и отпускают подранков. А это с любой стороны — браконьерство. Или, наоборот, навалят птицы мешками, а потом выкинут ее. Они забыли законы, которым подчинялись люди в тундре веками. Я вот помню, мне даже собаку иметь мать не разрешала, опасаясь, что та обьет нас. Особенно тяжело было летом. Морошка еще не спелая, а рыбу ловить — сетей нет. И все же на дармовое мясо мы не зарились, хотя оно ходило рядом. Целыми днями гомонили возле чума гуси и утки. На гнездах своих сидели.

И пожелаей, за день добыл бы я не один десяток гусынь, ведь не боится в это время птица ни зверя, ни человека. И случаи бывали: выпадет на побережье среди лета снег по колено, замерзнут гусыни, а с гнезда не сойдут.

Когда поднимались птицы на крыло, добывали их, чего же. Только каждый столько, сколько требовалось для пропитания. А чтобы излишек или ради забавы — такого не было. Помню, — заулыбался Варкай, — ушел я на фронт и вскоре получаю от Катерины письмецо. В нем каракули Ивана, твоего, значит, отца: «Сколько раз, папа, несется чайка?» Ну, я понял, о чем речь идет. И сообщаю, что если брать у нее из гнезда яйца, кладется она по три раза. Через полтора месяца получаю от Кати весточку снова, и сердиться мне бы надо, а я хвалю Ивана. И за что, ты думаешь? «Ванюша все ждал твоего письма, а когда оно пришло, из яиц птенцы уже вылунились. Так яиц мы нынче и не попробовали». Видишь как. Боялся твой отец нечаянно, как говорят, природу ранить. Теперь, смотришь, лосей с вертолета стреляют. Поэтому-то они, бедные, из тайги к нам в тундру перекочевали. А как песца добывают? Настигают его на снегоходе и гусеницами давят. Это я сам видел...

Последние слова деду Алексей не слышал. Он метнулся к кромке окопа и прицелился, но выстрелить не успел: тяжелой рукой выбил у него Варкай оружие. И тут же над чучелами пронеслась стая небольших желтощеких и каких-то особо законченных в своей форме птиц.

— Ты что, дед, — опешил Алексей. — Так низко шли. Я бы пару наверняка свалил.

— Ты же целился в краснозобых казарок, а они в Красной книге. — И было у него желание еще добавить что-то о бережном отношении к природе, но, устало махнув рукой, Варкай предложил: — Давай-ка, внук, собираться. Хватит гусей себе и соседей угостить.

Соснин любил свой кабинет, построенный из соединенных балков. Отделанный в пластик и темной полировки древесные плиты, он не уступал кабинету руководителя какого-нибудь солидного учреждения на Большой земле. Правда, кое-кто пробовал роптать, что, мол, слишком много позволяет себе Соснин, когда на буровых и базе не хватает жилья. Но Владимир Михайлович, любивший жить широко и с комфортом, внимания на пересуды не обращал. Расплатившись щедро с краснодеревщиком, он дал команду начальнику отдела рабочего снабжения экспедиции — достать хоть из-под земли современную кабинетную мебель. И тот расстарался. Появил-

ся двухтумбовый стол и ажурная — под мореный дуб — стенка. Все тот же столяр ее немного перестроил, и появилась полка для переносного телевизора. Нашлось место для бара. А под ним — с чугунной решеткой и мерцающим электрическим огоньком камин. Имелся за полированными дверцами стенки холодильник, а на самом виду — полки с книгами. Завершала убранство кабинета внушительных размеров чеканка, отражающая труд буровиков.

В то утро, войдя в кабинет, Владимир Михайлович слегка поморщился от стойкого запаха лаков и красок и собирался уже сделать в календаре пометку о приобретении кондиционера, как нетерпеливо затрещал телефон.

— Соснин слушает... Здравствуйте, здравствуйте, Алексей Петрович. Дела? Как всегда. Шестимесячный по проходке выполним досрочно. Отстаем, правда, с монтажом — авиация подводит. Но будем стараться. Что? Так. Слушаю.

Улыбка с лица Соснина сошла, уступив место страдальческому выражению. Он хотел было возразить Шибанову, но вовремя опомнился. Уж кто-кто, а Соснин знал генерального директора объединения. Тот непослушливых не балует.

— Хорошо, Алексей Петрович, согласен вырвать объединение, но разрешите высказать свои соображения. Предположим, мне дадут вертолеты, а заправлять-то их нечем. Горючим запаслись только в расчете на два борта. Значит, единственная возможность, чтобы в срок смонтировать на Утренней буровую и начать проходку, — это построить переправу... Правильно, лишние людские и материальные затраты. Наконец, время. А что мне делать? Ну, вертолеты так вертолеты, — смирившись с доводом Шибанова, Соснин уже хотел попрощаться с ним, но неожиданно его осенила новая идея. — Алексей Петрович! Алексей Петрович, вы меня слышите? А что, если пересыпать Яху песком? И по дамбе перегнать на противоположный берег технику с оборудованием. Да, вода поднимется. Нет, нет, заповеднику она вреда не причинит. Он стоит на высоком берегу. А нам только будет выигрыш. Землеройной техникой не поможете? Хорошо, обязательно буду ждать.

Повесив трубку, Соснин возбужденно заходил по кабинету. Дело, которое предложил ему начальник объединения, было выигрышным во всех отношениях. Заканчивалась пятилетка, и экспедиция, из года в год выполнявшая планы по бурению и приросту газа, выходила на первую ступень в республиканском соревновании. А это не меньше, чем медаль на грудь ему, начальнику экспедиции. А если еще форсировать работы на Утренней, то и на орден можно рассчитывать.

Подогревала и другая мысль. За экономию средств на строительстве переправы через Яху и своевременную заброску грузов Шибанов гарантировал немалую премию. А его слово — кремень.

Подойдя к карте, Соснин нашел на ней Яху. Ее лента против поселка сужалась, и Владимир Михайлович в этом месте решительно поставил точку. И тут же связался по селектору с главным инженером.

— Подберите двух экскаваторщиков. Будем пересыпать Яху.

— Тогда и трактористы понадобятся.

— Не пужно. Шибанов пошлет к нам два «кэтерпиллера» с трактористами, а вот на экскаваторы люди нужны.

— Владимир Михайлович, один вопрос. А не вызовет дамба затопления тундры и в том числе Яхинского заповедника?

— Все рассчитано уже. И не задавайте ненужных вопросов. Лучше действуйте.

Закурив, Соснин набрал междугороднюю и попросил Москву. Дали связь почти сразу.

— Алло. Игорь? Это я, Соснин. Все получили. Большое спасибо. Благодарим, благодарим. Нет, ничего с охотой не выходит. Придется отложить на осень. Настаивает Шибанов разбуривать Утреннюю сейчас... Но что я сделаю? Не обижайся. Осенью устроим. И специалиста-аборигена я уже нашел. Всего наилучшего тебе. В августе звони.

На следующее утро Соснину сообщили, что баржа с двумя экскаваторами и двумя «кэтерпиллерами» прибыла. Владимир Михайлович, облачившись в легкую стеганую фуфайку и высокие резиновые сапоги, направился к пристани. Ему самому хотелось руководить пересыпкой Яхи, а заодно посмотреть, что это такое — «кэтерпиллеры».

Разгрузка на пристани шла вовсю. Один экскаватор благополучно сошел по деревянным брускам, перекинутым на мапер трапа с баржи на берег. Как желтое чудовище, хищно оцетинившееся холодной отполированной сталью лопаты и угрожающе нависшим над палубой клыком-рышлителем, стоял «кэтерпиллер». Одобрительно прищелкивая языком, Владимир Михайлович обошел машину и, благодаря начальство за расторопность, думал: «Такой техникой быстрее, чем лопатой ручей, можно запрудить Яху». И почувствовал себя полководцем, которому поручено выиграть ответственное сражение.

Выбрав наиболее высокую точку на берегу Яхи, он подозвал к себе механизаторов и показал

место, через которое намечено перекинуть дамбу. Один из механизаторов — седой, спокойный на вид мужчина — внимательнее и дольше других осматривал берега реки.

— Вы знаете, товарищ начальник, — неторопливо начал он, — я всю жизнь проработал на газопроводах и знаю, что этот ручеек двум экскаваторам и «катерпиллерам» засыпать не составит труда.

— Вот и отлично, — обрадованно хлопнул его по плечу Соснин.

— Подождите, я не закончил, — не обратив внимания на похвалу начальства, недовольно продолжал тракторист. — Поселковские сказали, что вот тот остров на противоположной стороне — заповедник. Говорят, ученые за островом наблюдают и все никак не могут отгадать загадку, откуда в голой тундре взялся такой оазис с лиственницами и черемухами. Так вот я, калач тертый, думаю, что мы не только заповедный остров утопим, но и еще много дел наделаем. Перекроем реку, рыба и все живое в озерах погибнет подо льдом.

Соснин едва выдержал, чтобы грубо не оборвать тракториста.

— Все это болтовня, — бросил он. — Переправа нам потребуется в течение одного-двух дней, и если поднимется вода, то ненадолго. А рыба... Наверное, со всех озер едва на уху наскребешь.

Штурм Яхи одновременно начали с двух сторон. Вгрызаясь в берега, экскаваторы ссыпали грунт под ножи тракторов, и те, упираясь, толкали его в реку. Соснин, забросив все дела в конторе, неотрывно наблюдал за тем, как шли работы. Он понимал, особенно после перепалки с трактористом, что дамба через Яху — палка о двух концах, но отступать уже не было времени, и потому торопил людей, метался с берега на берег, как заведенный. С каждым часом полоса воды между идущими навстречу друг другу тракторами становилась все уже, а уровень воды начал подниматься. Надо было торопить службу главного инженера и механика с погрузкой материалов и всего необходимого для строительства буровой. Глубокой ночью, когда была отсыпана сплошная дамба через реку, грузовики, напутствуемые Сосниным, тронулись на Утреннюю.

Склоняясь под тяжестью рюкзаков и опираясь, как на посохи, на гребни от калданки, дед с внуком долго шли по тундре, прежде чем показавшая высокий песчаный мыс, а на нем — чернеющая смоляными боками калданка. Подозвав к себе собак, Варкай, хитро улыбаясь Алексею, сказал:

— Не видел, как перевозят груз на калданке по снегу? Сейчас посмотришь.

Рюкзаки сложили на дно лодки, и подбадриваемые Варкай собаки легко потянули ее по косягу к видневшейся впереди речке.

Алексей едва успевал за упряжкой.

— Ири, — запыхавшись, взмолился он. — Сил уже нет. Останови собак.

Варкай окликнул жожака, и упряжка послушно встала. Присев на край калданки, Алексей, положив свою руку на руку деда, улыбнулся:

— Знаешь, дед, я вначале обиделся на тебя, что не дал сбить казарку. А теперь знаю: прав ты был.

— Хорошо, что понял разницу между браконьерством и охотой, — одобрил дед. — А метко стрелять, я ручаюсь, ты научишься...

Не доверяя внуку, Варкай сам сел в калданку за гребни. А Алексей зорко всматривался вперед, чтобы лодка не налетела на торчавшие из воды коряги и осenniцы. Осenniцы — это льдины, которые осенью пристыли к пологим склонам берегов, а весной, оттаяв, с бешеной силой выскакивали наверх. Ударь такая льдина о дно, и лодка, если не расколется, как семечко, то перевернется наверняка. Но не корягу и не льдину увидел впереди Алексей, а большую болотную кочку, посредине которой было гнездо с пятью белыми, чуть меньше куриных, яйцами.

Дед удивился:

— Гнездо утиное, и не такая уж утка бесшабашная, чтобы строить его совсем рядом с водой.

— Ири, смотри, смотри — еще одно гнездо, — закричал Алексей.

Построенное из больших сучьев и палок рядом с калданкой плыло гнездо с двумя крупными яйцами.

— По-моему, гусиные, — закричал Алексей.

— Верно. Но почему гнезда плывут? — встревожился дед и направил калданку к берегу. Сорвав с кочки соломинку, он воткнул ее в снег рядом с водой и стал наблюдать. Алексей тоже вперился взглядом в нее. Буквально на глазах вода скрыла соломинку.

— Уровень в реке поднимается, — заключил дед.

— А почему? — поинтересовался Алексей.

— Такое бывает во время ледохода. Какая-нибудь большая льдина застрянет между берегами, на нее налетит другая, третья и так натрамбует льда до самого дна — чем тебе не плотина. Но чтобы случилось это через неделю после ледохода — не помню.

К ночи калданка выплыла к последнему повороту перед поселком, и дед с внуком отчетливо услышали надсадный и мощный гул техники.

Варкай качнулся в лодке, едва ее не перевернув: на том месте, где должен быть заповедный остров, гуляла вода! И как редкие кустики виднелись над ней вершины берез и лиственниц. Лосиха с лосенком, выгнанные водой с острова, пугаясь гула техники, плыть боялись и кружились по середине реки.

— Что это такое? — шептал дед побелевшими губами. — Погибнет вся птица по берегам, задохнется рыба ниже плотины. А лиственницы? Наши прадеды считали их святыми и не стреляли на острове ни птицы, ни зверя.

Покачиваясь, как пьяный, Варкай ступил на берег. Но растерянности в нем уже не было. Подбежав к сердито рокочущему трактору, он едва не попал под гусеницы, но все же сумел схватить тракториста за полу телогрейки.

— Ты что, старый, спятил? — закричал тот.

— Зачем плотину нарыли, зачем затопили заповедник? Зачем нас, стариков, не спросили, какое зло может причинить река?

— А я при чем? Беги к начальнику экспедиции. Он, говорят, сильно премии захотел, но погорела, дед, у него премия, пилорама и все склады затонули.

Начальника экспедиции Варкай нашел у дамбы. Потный и злой Соснин не захотел его даже слушать.

— Пошел ты, старик, со своим островом. У меня склады, понимаешь, склады утонули и не вся еще техника на Утреннюю переброшена. — И тут же при Варкае Соснин отдал команду водителям «катерпиллеров», чтобы они еще выше нарастили дамбу.

Уговоров внука, советовавшего не волноваться, Варкай словно не слышал.

На телефонной станции Варкай заказал председателя райисполкома. Тот хорошо знал Лаптандера — в районе до войны и после не было председателя колхоза, который бы пользовался таким авторитетом, как он.

Собравшись с мыслями, Варкай коротко и толково рассказал председателю райисполкома о трагедии. В трубке некоторое время было тихо. Потом что-то запищало и прорвался голос Потапова:

— Варкай, мы старые с тобой знакомые. Верю, верю. Но не надо так волноваться. И пойми, что снять Соснина или, как ты говоришь, гнать его с поста мы не можем. Ведь он строит дамбу не для себя, а в государственных интересах. Он ищет на Утренней газ.

И еще что-то говорил Потапов, но Варкай его уже не слушал. Он не мог понять, что случилось с Потаповым, с которым когда-то вместе поднимали колхозы. На слабых, как ватных, ногах он вышел к берегу и увидел: на самой сере-

дине река прорвала дамбу и медленно, как тяжелый жук, по подмытому откосу стал сползать в воду «катерпиллер». К нему бежали люди.

Протопав грязными ногами по медвежьей шкуре, Соснин, не раздеваясь, упал на кровать.

— Устал чертовски, — сказал он вслух, — но все же победил.

И перед глазами его снова стала переправа — лента земли через реку, по которой все грузы до последней крошечки удалось перебросить на противоположный берег. Правда, чуть не потопили трактор, но тракторист действительно оказался бывалым. Он настоял, чтобы за фаркоп прикрепили трос, и вот этот страховочный конец выручил. Когда трактор уже клюнул воду своим носом, трос успели зацепить за второй «катерпиллер», и он выволок своего собрата.

Помывшись под душем, Владимир Михайлович пошел искать Тумбу. Домишки, построенные еще во времена создания колхоза, были маленькими и какими-то приплюснутыми, до крыши занесены сугробами. Несколько раз провалившись в глубокий снег, под которым уже ручьи пробивались, Соснин, наконец, отыскал дом Тумбы. В сенях без дверей было полно снега. Пошарив, нащупал скобу. Тяжело, со скрипом дверь отворилась в комнату, которая служила и кухней и спальней. В ней было грязно и неприбрано. У противоположной, промазанной в пазах, но не беленой бревенчатой стены лежал соломенный мат, а поверх его две-три оленьих постели и малица без сорочки.

Щуплый и худой, Тумба двигался с суетливой быстротой. Подвязанные к поясу кисы на его кривых, но цепко ступающих ногах хлябали и морщились. Кожа лица обвисла, как на шаманском бубне, не нагретом еще на жарком костре. Зато маленькие глаза глядели из щелок живо и с любопытством.

Поставив посередине комнаты единственный табурет, Тумба предложил его Соснину. Владимир Михайлович посчитал, что лучшей завязкой для разговора, тем более для такого, какой предстоял, будет спирт, и вынул из кармана пальто нераспечатанную, с голубой наклейкой бутылку.

Угодливая улыбка на лице Тумбы сменилась на какой-то миг растерянностью, но, сообразив, что начальник с таким угощением пришел не иначе, как о чем-то просить, моментально приосанился. Выдвинул из закутка у печки низенький столик, за которым можно было сидеть только поджав ноги. Проворно сбегал в сени и принес

кусок соленой рыбы. А затем демонстративно, чтобы видел Соснин, из свистящего паром чайника окатил алюминиевые кружки. Все это он, священнодействуя, творил молча. И тогда, когда на столике оказались нож и буханка хлеба, заключил:

— Моя се.

«Говорит, кажется, что свое все поставил», — подумал Соснин и плеснул в кружки неразведенного спирта. Потянулся к Тумбе, чтобы с ним чокнуться, но тот уже опрокинул кружку.

— Саво. Сопсем саво. Моя вчера пила, а сегодня болела маленько.

— Ничего, поправишься, — подбадривающе подмигнул Соснин и снова потянулся к бутылке. Заметив, что себе он налил меньше, Тумба, изумленно прищурившись, полюбопытствовал:

— Что, начальник, сподить хочешь? — Сказано это было на чистом русском языке и заставило Владимира Михайловича покраснеть. Он подумал: «Не такой Тумба простачок, и дряхлым тоже только прикидывается».

А Тумба, все так же внимательно глядя на Соснина, как бы оценивая его, придвинулся ближе и, хотя в квартире кроме них никого не было, оглянувшись, шепотом спросил:

— Что от меня надо?

Плутовато-заговорщический тон и воровская привычка оглядываться как бы отрезвили Соснина: «С кем я связываюсь?» И он отшатнулся от Тумбы, будто боясь замараться. Поэтому с ответом повременил и спросил сам:

— Где научился так разговаривать по-русски?

— В тюрьме за десять лет академиком делают. — И видя, как от удивления Соснин замер, Тумба тут же решил его подбодрить. — Да не за мокрое дело отбывал, а за свое.

— Как это?

— Просто у отца оленей отобрал колхоз, а я потом у колхоза.

— Все понял.

Разлив по кружкам остатки спирта, Соснин подумал: «И это даже хорошо, что он уже ученый. Если возьмется за дело — язык будет держать на замке. Гарантия». И, выплеснув в рот жгучую жидкость, Владимир Михайлович, как бы решившись и теперь уже окончательно, рубанул рукою воздух:

— Тумба, ты гусей любишь?

— А кто не любит? Считаю с пеленок меня гусятиной баловали. Набьют работники казарок и гуменников, а мать и младшие жены отца давай щипать их и палить...

При воспоминании о детстве явилась к Тумбе давно забытая изнеженность и чванливость. Откинувшись на соломенные маты, он гладил себя

по животу и говорил нарастяг, как бы желая показать Соснину: «Будь другое, то самое время, я разговаривал бы с тобой только разве бы из одолжения».

— ...Потом с самых жирных мест пластинами сало срезали и ставили в чугуне на медленный огонь. А когда оно растапливалось, макали кусками. Запасали и на зиму. На случай, если кто-нибудь обморозится или обожжется.

— А какой гусь вкуснее?

— Все вкусные. А мягче мясо у казарки.

— Вот я за тем и пришел, чтобы ты наелся его досыта.

— Э-э, не шути, начальник. Теперь казарка под запретом.

— Я на полном серьезе. А запрет для нужного дела придется нарушить.

— Что, разве у того, кто об этом просит, выпали зубы и он не может есть мясо потверже? Или такой охотник, что с тридцати метров в гуменника промазать боится, а казарку надеется кокнуть палкой? Ведь она почти ручная.

— Все правильно. Он и ружья еще в руках не держал. Вот и хочет научиться стрелять по непуганой птице.

— Я слышал, что русские домашних гусей держат, тогда бы ему в самый раз начинать с них, — хихикнул Тумба.

— Ладно, об этом хватит. Лучше скажи, можешь организовать охоту?

— Можно. Только, сам понимаешь, во второй раз меня запрятать могут еще надольше. А за что я рисковать буду?

Соснин удивленно уставился на Тумбу. Он никак не думал, что ненец с ним будет торговаться и кроме спирта попросит еще что-то.

— Ну, говори, чего хочешь?

— Вот шуба на тебе хорошая, овчинная — такую можно. Унты тоже надо. А самое главное — сижу без денег. Надо, чтобы экспедиция мне оклад положила, пусть непостоянный.

— Ишь, чего выдумал.

— А как же? Сейчас задаром никто не работает.

— Тебе-то бы можно было, ведь сколько батраков на вашу семью задаром спины гнули, — хотел Соснин прибавить еще что-нибудь посолонее, но опомнился и примирительно пообещал: — Ладно, с одеждой и обувью придумаем, а вот насчет оклада не гарантирую. Теперь вот какое дело. Скажи мне, то место, где мы будем охотиться, глухое? Ведь надо, чтобы никто нас не видел и не слышал.

— Не бойся, начальник, стрельбы не будет вовсе... Это там, где почти пятьдесят лет назад стоял чум Варкаи.

— Кого?

— Этой полярной совы — Варкаи.

— Верно, верно. У этого царшвица глаза совиные, — зло сжав губы, процедил Соснин. — А почему ты говоришь, что стрелять не будем?

— Потому что повезу я вас туда в то время, когда гуси будут линные. Знай себе, только подгоняй их тогда палками да головы откручивай.

— Ну, что-то ты загибаешь.

Тумба обидчиво засопел, стукнул себя в грудь.

— Ты видел когда-нибудь купеческую охоту?

— Что такое?

— Слушай. Каждое лето к моему отцу приезжал русский купец. Большой такой и важный. Он не терпел ездить на оленях, а все на лодках. Их целый караван пригоняли ему ненцы. На одной, самой длинной и широкой, он избушку делал, чтобы спастись от комаров.

Вставали мы чуть свет. Несколько охотников на легких калданках с длинными шестами едут на озеро и выгоняют гусей в протоку. Деваться им некуда, по берегам женщины с ребятишками и собаки пугают. Вот и плывут казарки да гуменники вниз по протоке, а в самом узком месте она перегорожена. И вот тут-то стоят охотники. По узкому коридору они загоняют гусей в яму.

— И сколько за такую охоту враз гусей убивали?

— Тыщу. Нисколько не вру. Потом солили и вялили их. И с полными лодками уезжал купец вниз по Каре.

— Скажи, от Утренней это место далеко?

— Почему? Как раз на пути к ней.

— Знаешь, у меня возникла идея. Теперь я в угоду таким, как Шибанов, Потапов и старик Варкаи, построю мост по всем правилам инженерного искусства. Из металла, на сварке.

— А зачем он нужен, если там пешком перерести можно? — изумился Тумба.

— Мозгами шевелить надо, дурак. Станем путаться с сетями и разными запорами, все равно кому-нибудь да попадем на глаза. А сварщики соорудят мостик — все будут думать, что он нужен для переброски грузов на Утреннюю. Вот когда наш гость из Москвы придет, мы на сваи мостика накинem капроновую сеть. А потом в нее гусей погоним. Значит, по рукам?

— Э-э, нет. Сначала шубу, штаны, оклад, а уж потом, как это бы милиционер сказал, стану соучастником, — нагло вато рассмеялся в лицо Соснину Тумба.

Становились ночи короче, а дни длиннее. И далеко оставив позади теплые моря, однажды ударился вожак о тугие и холодные струи север-

ного ветра. Как дробь царпнул его крылья заряд сухого, колючего снега.

Подранка это не испугало, наоборот — обрадовало. Гортанный, громкий крик, вырвавшийся из его груди, означал, что стая на правильном пути. И птицы наперебой загалдели. Стройный гусиный косяк распался. Подранок вел себя как-то странно. Он, словно на что-то нацеливаясь, стал описывать широкие круги, постепенно снижаясь над землей.

Стая, все так же беспорядочно хлопая крыльями, следила за вожакom с высоты. Вот он, описав еще круг, снизился. И по тому, как заискрился за ним на солнце голубой след, птицы поняли, что Подранок плывет. Смешно переворачиваясь в воздухе, как кубарем с горы, вся стая плюхнулась в озеро.

По какой-то только ему ведомой примете Подранок определил, что зима в родных краях задерживается. А отдохнуть, подкормиться стае нужно. Но в глубоком песчаном озере кормиться было нечем. И вдоволь побрызгавшись и покупавшись в чистой и еще не нагретой солнцем воде, гуси затихли.

Подранок дремал у камышей. Хотя нет, он не сомкнул глаз. В ровном плеске волн и шорохе камыша вожак различал каждый посторонний звук. Когда же солнце только-только краешком своего обжигающего большого круга коснулось горизонта, поднял стаю в воздух. Успели обсохнуть черные лапы и с перепонок сдуло ветром песчинки, когда гусиный косяк опустился на

землю. Голодные птицы начали искать рассыпанные и оставшиеся на поле зерна от прошлой жатвы, откапывали жучков и дождевых червей.

Дважды в день летала стая на кормежку. И только когда на подсохшей пашне зашумели трактора, позвал Подранок стаю в дорогу. И вот уже стая над белой пеной снегов. Ласкаемая солнцем, покачивается она на волнах тепла и, не чувствуя усталости, плывет и плывет к северу, к морю. Под крыльями — родная земля. Там, в камышах на лимане, вожак тосковал и помнил о ней. И ждал момента, когда окажется в краю, где столько простора и света. И где не надо бояться людей в чалмах.

Как ритуал почета, описав в воздухе круг, опустила стая на склоне чернеющего торфяникового собка. Здесь можно было укрыться от холодного ветра с моря, а главное — в оттаявшем торфе сколько хочешь корма и зеленой травки.

Вытянув свои короткие шеи и важно надув рыжевато-желтые щеки, казарки дружно прогагали. Теперь в их голосах слышалась не только радость, но и предостережение. «Мы будем здесь кормиться и выводить своих птенцов. И на этот собкай никого не пустим».

С первого же дня стая принялась строить гнезда. Подранок и его подруга выщипывали на вытаявших кочках сухую травку и в клювах носили ее к склону. Пока гусыня сбивала мягкую постель, Подранок, как бы прихорашиваясь, расчесывал себе клювом перья, выбирая легкими щипками пух. Устлали этим пухом дно гнезда...

С появлением пушисто-желтых, в темных отметинках птенцов забот прибавилось. Силенок у малышей маловато и купаться им позволено только у берега озера, иначе ярый ветер может унести их на середину и потопить в волнах. Вместо того чтобы маскироваться или бежать, они могут из любопытства себе на беду глазеть на волка. А вот на песца шипят с детства.

В середине лета Подранок и другие гусаки ненадолго оставили стаю без мужского глаза. Внезапно поднявшийся ветер взметнул к небу тучу легких, как снег, перьев и известил тундру о том, что началась у гусей линька. Постанывая от боли и с завистью глядя на птиц, парящих в высоте, Подранок забрался в плавучие кусты озера, куда ни зверь, ни полярная сова не могли добраться, и на сухом пучке валежника устроил себе что-то вроде гнезда.

Ранним утром рядом со школой сел вертолет. Когда дверь вертолета распахнулась, оттуда в объятия Соснина вывалился в пушистом свитере и

джинсах, заправленных в высокие резиновые сапоги, длинный парень. Алиса поняла, что это Игорь. Тот самый представитель из министерства, для которого Соснин собрался устроить охоту на краснозобую казарку.

«Тоже мне охотник, — процедила иронически Алиса. — Наверное, вначале привязать гусей заставит, а потом уж и стрелять начнет». И зло хлопнула дверью. Взяв в учительской журнал и тетради, начала урок. Но звук взлетающего вертолета вновь напомнил ей, за чем и куда он отправляется. И неожиданно, прервав свой рассказ перед детьми, она подумала: «А почему я молчу? Теперь-то ясно, что Соснин ради корысти меня обхаживал». И эта мысль так засела в ее голове, что, едва закончив урок, Алиса тут же решила действовать. «Но кому сказать, к кому идти?» — заметалась она. И вдруг вспомнила, как разъярился Варкай, узнав о плотине Соснина. И бросилась к Варкаю.

Тот разбирал спутанные, забытые речным мусором сети, постоянно отбиваясь от наседавшей на него мошкеры.

— Вот ведь до чего жаднучие, жизнью своей не дорожат. И дымокуром морю, давлению руками, а они все летят, — улыбаясь, проговорил Варкай, завидев Алису. — Чего долго-то не бывала? Или думаешь, что раз появился у меня внук, так есть теперь в доме пареное и жареное. С утра до вечера он все в своей больнице. А я как умею кухарю.

— Хорошо, хорошо. Приду как-нибудь, вас, холостяков, вкусеньким накормить. Только сейчас я за другим. Ты видел, вертолет поднялся?

— Их сейчас много летает. Не обратил внимания.

— А надо видеть, — досадливо заметила Алиса. — Тем более что полетел он к озеру, что рядом с Карой. Говорят, там раньше твой чум стоял.

— Было дело, — теперь уже заинтересованно глядя на Алису, согласно кивнул Варкай. — Что, разве уже и там Соснин нашел газ?

— Нет, он полетел с Тумбой и еще одним мужиком из Москвы.

— Подожди, подожди, — подняв предостерегающе свою беспалую руку, зачастил Варкай. — Тумба, ты говоришь? О, это пакостный сармик. И добра от него тундра никогда не видела. Но за чем же, за чем он повез их туда? — еле слышно, будто спрашивая сам себя, проговорил Варкай.

И вдруг круто повернулся к Алисе. Она отшатнулась. Лицо Варкай было мертвенно-бледным. Тонкие бескровные губы растерянно тряслись.

— Послушай, Алиса. Но ведь там гнездится

казарка. А ее по закону стрелять нельзя. Да и лишняя она. Какая ж может быть охота летом?

— А они поехали на охоту,— подтвердила Алиса.

Если бы не жерди вешелов, в которые упиралась костлявая спина Варкаи, он, наверное бы, упал. Настолько поразило его услышанное от Алисы. Она, оправившись от испуга, уже досадливо думала о том, что, пожалуй, зря расстроила старика и надо было кому-то сказать об этом другому.

— Я сейчас же поеду туда на «Вихре»,— задыхаясь, проговорил Варкаи.— А ты беги к телефону. Звони Шибанову и Потапову. Все обсуди, что знаешь.

На почте Алисе сказали, что связи с районом нет. И когда будет — неизвестно. Выйдя на крыльцо, она услышала гул мотора, из-под яра вырвалась легкая дюралевая лодка. Закутавшись в зеленый брезентовый дождевик, Варкаи направил лодку к Каре. Глядя на удаляющуюся, сгорбившуюся на корме маленькую фигуру старика, Алиса подумала: «А как же он один против троих?». Возникло желание вернуть Варкаи. Алиса бросилась к берегу и решительно зашагала в поселок.

Сотрудники больницы занимались уборкой территории. Алиса даже порадовалась этому — не надо бегать по кабинетам. Отведя Алексея в сторону, торопливо рассказала ему, куда и зачем умчался его дед.

— Ты с ума сошла. Разве можно было его отпускать одного? — возмущился Алексей.— Ведь Тумба ни перед чем не постоит, чтобы только с ним свести счеты. Да и Соснин, похоже, обниматься к нему не полезет. Я еду на помощь, а ты все-таки дозвонись до района.

Лодка шла ходко. И заметив темную точку вертолета, возвращавшегося с Кары, Варкаи подумал, что свое злое дело компания начать еще не успела. Но ошибся. Когда в неполном бачке закончился бензин и мотор заглох, не дойдя до места два крутых поворота, Варкаи услышал, что впереди тревожно, то срываясь, то переходя на беспрестанный гогот, кричали гуси.

«Это Тумба. Ведь он мне когда-то говорил, что понравился ему казарка. И если вернется, наестся до отвала». Забыв о том, что бензин кончился, Варкаи бросился к мотору и стал беспрестанно дергать стартер, пока не задел ногой пустой, перевернувшийся бак. Зло отшвырнув его, Варкаи подсоединил шланг к другому. Выбросив едкий дымок, мотор рванул «дюралюку». Так на полном ходу Варкаи вылетел из-за поворота и,

вильнув, чтобы не налететь на резиновую лодку, в которой сидел неизвестный ему длинный парень, ткнулся в берег. Боком он больно ударился о переднюю скамейку, но тут же вскочил и осмотрелся.

Человек в резиновой лодке гнал гусей по узкой протоке к мостику, под которым была натянута вольерная сетка. Справа высился яр, и гуси не могли на него взобраться. А стоило им только приблизиться к левому пологому берегу, как Соснин длинным шестом отгонял их. Теснимые птицы, подминая, давя друг друга, устремились к единственно свободному пути. Этим путем был узкий коридор. С одной стороны его возвышалась насыпь мостика, с другой — растянутая на кольях мережа. Не подозревая о западне, казарки толпились и падали в глубокую яму, из которой брали когда-то землю для сооружения насыпи.

«Все, как в былые времена, купеческую охоту устроил, паршивец»,— подумал Варкаи, и новый прилив ярости вывел его из оцепенения.

— Эй ты, старик! — крикнул ему человек из резиновой лодки.— Что тебе здесь нужно? Проваливай! Или не слышишь?

Варкаи действительно не слышал. В несколько прыжков он оказался рядом с Сосниным и, вырвав из его рук шест, бросился к яме, откуда доносился отчаянный гусиный гвалт. Соснин предостерегающе крикнул:

— Куда ты, псих? Цацкаться Тумба не будет. Заодно с гусями свернет и твою шею.

Оглохший от гомона птиц и забрызганный кровью Тумба свирепо колотил гусей по головам палкой. Но добить крупного гусака не успел.

...Подранок тяжело оторвал от земли разбитую голову. Покачиваясь и дрожа от боли, ошеломленно смотрел по сторонам. И не видел людей в чалмах. Собравшись с силами, Подранок хотел крикнуть, желая подбодрить стаю и известить о том, что жив. Но, захлебнувшись кровью, упал.

— Смотри, смотри, убийца, как птица умирает,— заломив руки Тумбе, неестественно громко, прямо в лицо ему закричал Варкаи. Подбежавшие Соснин и длинный угреватый его помощник на миг растерянно замерли на месте.

Голова гусака на онемевшей и непослушной шее пыталась спрятаться под крыло. А широко открытые глаза смотрели на людей внимательно и тоскливо. И не закрылись, а потускнели, будто вылилось из них что-то светлое, и вылилось навсегда. По перьям, будто кто-то торопливой рукой их перебрал, пробежала судорога. Варкаи, еле сдержавшись, чтобы не заплакать, еще сильнее стиснул руки Тумбы. Тот истерично взвизг-

нул, и почти одновременно Варкаи почувствовал, как поднялась под ногами земля. Но хотя удар был сильным, его смягчила ушанка, и сознание Варкаи не потерял. Оказавшись на земле, увидел прямо перед собой сапоги в рыжих подтеках глины. Они, как ушастые и глазастые твари, казались, стерегли каждое его движение. И только стоило шевельнуться, как сапог замахнулся, а вот ударить не успел. Его цепкой хваткой опоясал Варкаи и опрокинул на землю Тумбу.

Тот, задыхаясь от бешенства, изогнулся, чтобы укусить, но не сумел, скрипнув зубами, пообещал:

— Не я буду, если не отправлю тебя к предкам. Рассчитаюсь и за Катерину и за олешек своих.

И тут откуда-то снизу раздался голос Соснина:

— Моторная лодка сюда чешет. Бросай, Игорь, гусей и ненцев вместе с пими — пускай расхлебываются.

Услышав Соснина, Тумба изловчился и высвободил руку. И почти сразу же, как кипятком, ожгло живот Варкаи. Потом стрелы боли понеслись по всему телу.

Негодование, а скорее всего презрение к Тумбе, пустившему в ход против человека оружие, что особо жестоко каралось в тундре, заставило Варкаи забыть о боли и броситься за Тумбой. И вдруг лицо Алексея, растерянное, бледное, появилось рядом.

— Дед, ты ранен? Давай в лодку.

— Нет,— почти шепотом ответил тот.— Тумбу отпускать нельзя.— Хотел Варкаи сказать еще что-то, но его голос перекрыл рев откуда-то внезапно взявшегося вертолета.

И не успели еще колеса вертолета нащупать уверенную опору под собой и он, покачиваясь, крутился на месте, а из дверей уже высыпали люди. Глубоко проваливаясь во мху, бежали к Варкаи Потапов и рядом с ним какой-то высокий, седой мужчина.

— Что стоишь? — набросился на Алексея Потапов.— Видишь, человек ранен, быстро его в вертолет. А ты, Шибанов, лови своего Соснина и всю его компанию.

«По всем правилам купеческой охоты»,— проговорил на ухо Алексею уже в вертолете Варкаи.

— Не понял я, дед.

— Говорю, по всем правилам купеческой охоты отрезал Тумба пути гусям, а вы — ему. Спасибо. Теперь мне и помирать легче:

— Ты еще жить будешь,— подбодрил деда Алексей.— Рана средняя, только крови потерял много. Врачи ждут прямо на аэродроме, поставят тебя на ноги.

Машина пролетала над тундрой. Она лежала вся в блюдцах озер, искрясь на солнце.

Бирюковские чтения

24—26 мая 1986 года в Челябинске состоятся седьмые Бирюковские чтения.

Эти традиционные конференции уральских краеведов проводятся в память о замечательном ученом и писателе, большом знатоке края Владимире Павловиче Бирюкове.

Теперь, впрочем, конференции уже не назовешь региональными — они стали всероссийскими, привлекают все большее внимание краеведов.

Нынешние — седьмые — Бирюковские чтения обещают быть особенно представительными. В общественный совет по организации чтений поступило более ста заявок от желающих принять в них участие; это — ученые, преподаватели, журналисты, писатели, краеведы из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Оренбурга, Воронежа, Кирова, Уфы, Кургана, Воткинска, Стерлитамака, Красноярска, Новосибирска и многих других городов.

Примечательной особенностью нынешних чтений будет и то, что они посвящаются 250-летию со дня основания Челябинска. Немало докладов и сообщений связано с этой темой: «Челябинск — флагман социалистической индустрии» М. Машина, «Первые советские газеты и журналы Челябинска» Б. Мещерякова, «Челябинск и челябинцы в русском фольклоре» А. Лазарева, «Литературная карта Челябинска» Т. Шмаковой.

Многие доклады, обнародованные впервые на седьмых Бирюковских чтениях, станут, надо полагать, заметным вкладом в русскую культуру. К таким можно отнести доклад воронежского литератора и библиофила О. Ласунского «Местная старина как часть отечественной истории», ученого из Уфы М. Рахимкулова «Салтыков-Щедрин и Башкирия», преподавателя Ураль-

ского университета В. Щенникова «Произведения Мамина-Сибиряка на уральской сцене», москвича В. Аникина «Фольклор и духовная культура советского человека»...

Речь идет о седьмых Бирюковских чтениях, но уже сейчас следует упомянуть о восьмых, которые состоятся летом 1988 года. Они будут особые, юбилейные, потому что пройдут в год столетия Владимира Павловича Бирюкова.

Подготовка к восьмым Бирюковским чтениям началась загодя. Намечено переиздать произведения В. П. Бирюкова, выйдет книга воспоминаний о нем. В память о патриархе уральского краеведения предполагается открыть мемориальную доску, выпустить на экраны киножурнал с кадрами живого Бирюкова, с записью его голоса.

А. ФИЛАТОВ

«Слух о моей смерти сильно преувеличен...»

Такими словами заканчивалась телеграмма великого американского писателя-юмориста Марка Твена в редакцию одной газеты, поторопившейся сообщить о его кончине. Этот факт ныне широко известен. Куда меньше известно, что подобное случилось с рядом русских литераторов.

Необычно сложилась судьба даровитого поэта Ивана Петровича Ключников (1811—1895). В юности он учился в Московском университете, был одним из деятельных участников кружка молодых вольнодумцев во главе с Николаем Станкевичем. Уже тогда Ключников писал стихи, которые ценил В. Г. Белинский, тоже участник этого кружка.

В печати стихи Ивана Ключникова стали появляться в 1838 году. Но спустя несколько лет он внезапно исчез из Москвы. Разнесся слух, что Ключников умер. А он в это время спокойно жил в отцовском имении в Харьковской губернии. Лишь через сорок лет, в 1880 году, Ключников прервал свое уединение и появился в Москве. Его встретили словно выходца с того света. И Ключников снова вернулся в свое имение. Снова разнеслась молва о

его смерти. А он после этого прожил еще полтора десятилетия.

Особенно часты были скоропалительные сообщения о смерти того или иного писателя в бурные годы гражданской войны, когда резко нарушились средства сообщения и информации. Даже солидные органы печати вынуждены были пользоваться случайными слухами.

Выходивший в Петрограде журнал «Вестник литературы» в отделе некрологов сообщил однажды (1920, № 6): «Из писательской среды был еще один: умер талантливый беллетрист И. С. Шмелев на 46-м году жизни». Далее сообщались биографические данные «усопшего», а также, что Шмелевым изданы книги «Служители Правды», «В новую жизнь», что он автор популярного произведения «Человек из ресторана». Все это соответствовало истине, кроме одного — Шмелев был жив. Он эмигрировал за границу, где скончался спустя 30 лет после «похоронок», 24 июня 1950 года.

Тот же журнал в девятом номере за 1920 год извещал: «С далекого Кавказа пришло известие о кончине при не совсем выясненных обстоятельствах бывшего священника и публициста Григория Спиридоновича Петрова». Ниже упоминалось о том, что «скончался писатель Юрий Слезкин, автор многих беллетристических очерков».

Прошло немного времени, и читатели «Вестника литературы» увидели на страницах этого журнала выдержанное в марк-твеновском духе «Письмо с того света» (1920, № 12). В нем было написано:

«Раньше, чем говорить о других, я должен сказать о себе. Слух о моей смерти, несомненно, преувеличен: я сегодня жив, что, конечно, не дает мне возможности поручиться за завтрашний день... Все же я работаю, я начал писать пьесы. Поэтому очень прошу к известию о моей смерти прибавить «и автор нескольких пьес».

Гр. Петров тоже еще жив. Он в Тифлисе и по-прежнему читает лекции на любую тему.

Юрий Слезкин».

После этого разъяснения Юрий Львович Слезкин еще 27 лет плодотворно трудился в советской литературе. Один за другим выходили в свет его романы, повести. Его произведения положительно оценивали А. В. Луначарский, Д. А. Фурманов. В 1930-е годы Ю. Слезкиным было создано трехтомное эпическое произведение «Отречение». Умер он в 1947 году.

В. ВАСИЛЬЕВ

ФУАТ БУЛАТОВ, ДРУГ ДЖАЛИЛЯ

Бывший священник тюрьмы Шпандау Георгий Юрытко уже после войны писал, что поэт Муса Джалиль сидел в камере с одним инженером, имени которого Юрытко не знал. Выяснилось, что речь шла о близком друге Джалиля Фуате Булатове. С ними находился в тюрьме тридцатилетний итальянский военнопленный Рениеро Ланфредини. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «Мне приказали взять свои вещи, открыли одну из камер и заперли меня в ней. Это была камера поэта Мусы и Булатова. Мы познакомились. Они отнесли ко мне очень сердечно. Поэт был очень худой, но вид имел бодрый, глаза живые и умные... Поэт и Булатов даже приготовили мне постель из соломенного тюфячка, добыли миску, или, скорее, бачок — для еды... Булатов говорил мало, но показался мне большим оптимистом...»

Кто он, Фуат Булатов, который вместе с Джалилем положил голову под нож гильотины?

Начав журналистский поиск, я познакомился со многими людьми, знавшими Фуата. Оренбургский старожил Тауфик Сабитов откликнулся одним из первых. От него я узнал, что родина Фуата Булатова — село Мелеуз Уфимской губернии. Перед началом Великой Октябрьской революции семья Булатовых переехала в Оренбург. Фуат и Муса жили по соседству, в одном дворе. Они были знакомы с детских лет.

Удалось разыскать сестру Фуата Назию Зиятдинову, она — врач, на пенсии, живет в Подмоскowie. «Несмотря на разницу лет, Фуат и Муса были большими друзьями, — вспоминает она, — вместе рыбачили, катались на лыжах. Фуат рос крепким, здоровым и самостоятельным мальчуганом». А вот строки из пись-

ма Тауфика Сабитова: «Фуат и его родители уважали Мусу и дорожили его дружбой. Оба мальчика отличались любознательностью, живостью...»

После Оренбурга Булатовы жили в Казани. Там Фуат учился в средней школе № 4. Школу он не закончил — пошел в училище ФЗО, стал работать на заводе. Программу средней школы одолел самостоятельно. Учился он на факультете городских дорог в Казанском институте коммунального хозяйства. Будучи студентом, принимал участие в велопробеге Казань — Москва — Ленинград — Горький, о нем и его товарищах в то время много писали в газетах. После института получил направление в Крым, на строительство дорог.

Войну Фуат встретил в Белоруссии. Тяжело раненный, попал он в фашистский плен. Вот где судьба еще раз свела его с Джалилем... Они оказались в концлагере, где гитлеровцы держали военнопленных из числа многих национальностей Поволжья и Урала.

Фуат сразу включился в работу подпольного комитета: печатал антифашистские листовки, добывал сводки Совинформбюро. Их всех выдавал предатель. Подпольщики перенесли бесчеловечные пытки и погибли как герои...

Родители Фуата Булатова узнали о судьбе своего сына, только когда была опубликована «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля...

Р. ЕНАКАЕВ

ДОКУМЕНТ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Неумолимое время отсчитывает дни, месяцы, годы. Вот тебе уже и шестьдесят. А тогда, в сорок первом, не было и девятнадцати... Необратимое время.

На извилистой дороге ушедших годов дремлют вехи воспоминаний. Предуралье... Друзья-летчики... Первые полеты... Фронт. И думаю я: если бы каждый ветеран написал пусть несколько страничек о своей жизни в тылу или на фронте, сколько было бы у нас интересных книг! Пусть бы и написаны они были ко-

риво, не совсем грамотно, пусть бы хранились в одном-единственном рукописном экземпляре, — но они оставались бы незаменимым документом эпохи.

В архивах и больших библиотеках встречаются такие рукописные сборники. Они пленяют, при всех своих недостатках, непосредственностью и неподкупностью — от этого они только ценнее.

С какой целью пишутся воспоминания? Взяться за перо побуждает ветеранов сознание важности дела, в котором они были не свидетелями, а непосредственными участниками. Не многие из фронтовиков лелеют надежду увидать свои записки изданными. Кое-кто прямо предназначает их своим детям и внукам. Тоже немало!..

Нижние полки в моей библиотеке занимают папки. По алфавиту, от А до Я. В них я храню воспоминания фронтовиков. Когда и зачем я стал собирать такой архив?

С 1965 года я начал разыскивать и собирать фронтовые письма. Собрал их до десяти тысяч. И вот тогда-то кое-кто из ветеранов войны, чтобы «компенсировать» несохранившуюся переписку, стал предлагать: пришлю, мол, свои воспоминания, может, подойдут?

Поначалу я вежливо и дипломатично отказывался. Я действительно интересовался только письмами — в них «железный» документализм. Воспоминания же пишутся сейчас, спустя много лет... Меня пугала искаженность, в большой или малой дозе, допущенная невольно. А потом подумал: да ведь и воспоминаний с каждым годом становится все меньше и меньше... А ведь это — документ из первых рук!

Говорю сейчас об этом, чтобы оглянуться на свой двадцатипятилетний путь поисков, отметить кое-какие ошибки, упущения, рассказать о некоторых приемах записи и разговора. Этим делом заняты сотни тысяч красных следопытов... Может, мой опыт окажется им полезен.

Как-то я попросил одного полковника написать для меня о былом. Прошло недели две-три, и вот листаю небольшую тетраточку. Но что это?.. Обстоятельный перечень населенных пунктов, в которых базировалась его бригада, списки командиров подразделений, указания, откуда-куда переправлялись, кто был соседом справа, кто — слева... Описания боев напоминают оперативное донесение... Все это — по сводкам и отчетам, хранящимся в военных архивах, — любой историк, не принимавший участия в битвах, может воспроизвести!

Впоследствии, когда я знакомился с воспоминаниями фронтовиков, которые записывали с их слов следопыты-школьники, то часто сталкивался с такой же картиной: кто, откуда, куда переходил, какие города и села брали...

Я записывал воспоминания людей самых различных профессий, самого разного уровня образования — от рабочего до крупного инженера, от солдата до маршала. И вот что любопытно: наиболее интересные материалы были от бывших солдат, сержантов, командиров отделений, взводов, рот; у начальников рангом повыше воспоминания часто приобретали общий характер. Естественно, у командира корпуса или дивизии взгляд на боевые действия один, у солдата — другой. Нельзя, наверное, так резко проводить линию разграничения. Но увы, мой архив, включающий не одну сотню записей, передает в целом именно такую картину.

Заметил я один недостаток в работе школьных следопытов. Они мало уделяют внимания «молчунам», людям неразговорчивым. Охлаждают их фразы: «А что рассказывать? Воевал, как все...», «Да ничего героического не совершал», «Вы у других поспрашивайте, а я простым солдатом был: что командир скажет, то и делал...». Потому, может быть, и тянет нас записать воспоминания тех ветеранов, которые часто выступают... А вот здесь-то и есть опасность. Люди, часто выступающие публично в больших аудиториях, волей-неволей вырабатывают стереотип рассказа. К тому же если кто-то изначально допустил фантазию, то в дальнейших выступлениях она укorenилась и получила незаметно право реальности.

Будущим же историкам войны интересуют не художественные рассказы с домыслами и вымыслами, а, прямо скажем, «голые факты», правдивые эпизоды. Вот их-то и следует записывать, пусть они будут скуповаты, немногословны, корявы и угловаты по стилю, но зато неподкупно правдивы...

Я предпочитаю самолично слушать и записывать живой рассказ ветерана, чем читать написанное.

Хирург Дмитрий Дмитриевич Добров сказал мне однажды между прочим: его двоюродный брат, Дмитрий Иванович, в апреле 1944 года на сборном пункте вручил ему автомат, и они вместе отправились на фронт. Воспоминания Дмитрия Дмитриевича я записал. А теперь решил повидать-ся и с Дмитрием Ивановичем.

Приехали в село Парканы, к Добровым. Сели за стол. Ветеран принес большую коробку, в которой хранит фронтовые реликвии: удостоверения к медалям, орден, приказы Верховного Главнокомандующего. Для начала я расспрашиваю его о работе тепличного хозяйства, о планах на будущий урожай. Потом незаметно перевожу разговор о войне:

— Дмитрий Иванович, вы как будто бы здесь воевали, в родных местах?

— Начал отсюда, с Паркан...

— Расскажите, как было дело.

— А все просто. Звание у меня небольшое — рядовой. Перед прорывом в Яско-Кишиневскую операцию перебросили нас на плацдарм. Тогда я был во взводе управления 222-го гвардейского полка. Кричат, бывало: «Связь прервана! Добров, на линию!». Бежишь, пригибаешься. А тут снаряд воеет. Плюньешься на землю и — замер, как мышь. Разорвался снаряд. Я ногами подергал — жив! Хорошо, если снаряд фугасный. В шести метрах взорвался — в землю ушел, только тебя землей засыпало. Вскочил, отряхнулся и опять про вод — в ладони!

Он рассказывал, а я незаметно делал пометки в блокноте. Придя домой, тут же, не откладывая ни на час, раскрыв записи и по словам «ориентирам», беглым заметкам подробнейше воспроизвел рассказ Дмитрия Ивановича Доброва. На своем опыте я давно уже убедился: отложи обработку записей на три-четыре дня — половина из головы улетучится, свои же краткие пометки будешь разбирать в записной книжке, как иероглифы! Непременно надо после первой же беседы записать все, ничего не пропуская, не сглаживая, не изменяя, только тогда восстановишь весь разговор. В этом случае помог бы магнитофон, но я не прибегаю к нему — он сковывает непринужденную беседу.

При следующей встрече я дал все записанное Дмитрию Ивановичу — прочитать, исправить, что считает неверным, неточным. Этот экземпляр, с исправлениями и дополнениями, будет теперь у меня основным, тем более что Добров поставил в конце текста свою подпись.

Как я убедился, прочтение первоначальных записей самим ветераном совершенно необходимо. Сколько бы ты ни был знающий и опытный, а неточности, переименование всегда возможны. Мой знакомый однажды записал для очерка воспоминания

летчика. Когда я прочитал материал уже в газете, то удивлению моему не было предела: летчик «бросая свой самолет в крутое пике», в воздушном бою он «продельвал фигуры высшего пилотажа» и т. д. А летчик-то, оказывается, летал на штурмовике Ил-2, который и в «крутом пике» не бросишь, и фигур высшего пилотажа на нем не делаешь... Это же не истребитель, у него другие цели, другое назначение. Как же было не дать летчику-ветерану на просмотр первоначальные записи... Не было б такого!

Я дважды, а то и трижды встречаюсь с человеком, рассказ которого записываю. Первый раз веду запись полностью и подробно, отмечаю, что наиболее интересно — чаще это конкретные эпизоды, и при второй встрече прошу рассказать как можно подробнее.

Вот приехал я к Даниилу Филипповичу Дегтяреву, одному из тех, деды и прадеды которых были из уральских казаков, как он мне разъяснял и чем очень гордился. Во время войны он был пехотинцем-разведчиком. Пока он рассказывал, я не прерывал его вопросами, не сбивал с мысли. Спроси что-нибудь не так — тут же замолкнет, уйдет в сторону. Он долго и подробно повествует, как их 5-я ударная армия продвигалась из такого-то пункта в такой-то, как трудно было идти по разбитым, заснеженным дорогам, как он, раненый, попал в Нижний Тагил, как опять попал на фронт...

— Я тогда в полковой разведке был. Сидели в обороне днями. Ждали приказа выступить. Недели две прошло. Сидим в землянках. Только и утешения, что немчуре зимой тоже не сладко...

Он рассказывал в таком духе целый вечер. Но я чувствовал: то, да не то... Сколько часов проговорили, и только тогда удалось мне его «разговорить».

— Вот, Даниил Филиппович, вы упомянули, что проводили все время в землянке. А чем там занимались? Так и сидели?

— Нет, на постах сменялись. А то патефон слушаем...

«Патефон слушаем!» Чего только не бывало на фронте!

— Откуда у вас патефон взялся, на передовой-то? — выпытывал я.

— У немцев отняли.

— Как это, «отняли»?

И вот он оживает, рассказывает подробно про этот фронтовой эпизод.

— Зима была. Стояли мы в обо-

роне. Немецкие окопы от нас метрах в пятистах. Лежим в землянке. Слышим: у них патефон играет, и все одну пластинку... Я говорю ребятам: «Давайте, упрям ночью у немчуры патефон!».

Как совсем стемнело, поползли мы, трое добровольцев с автоматами. Я пару гранат прихватил. Доползли до проволоки. Пощипали ее клещами, проход сделали. Вползли друг за другом. Вижу, метрах в десяти часовой ходит. Автомат подмышку сунул, рукой об руку колотит. Дал я ребятам знак: один оставайся в охране, а другой — со мной. Дальше ползем. Как немец в нашу сторону повернется — замрем. Отвернется — опять поползем. Шага три оставалось... Я вскочил, обнял его сзади, рот ладонью прижал, повалил. Серега, ефрейтор, что со мной пошел, из своей портянки кляп свернул, в рот ему сунул. Руки за спину — и ремнем скрутили. Серега его, как борова, поволок к пролазу. Подошел я к землянке, пнул в дверь. Она — настезь... Вижу: трое на полу спят, шинелями позакрывались, двое у коптилки в какой-то кубик играют, по столу его катают. Рядом — патефон. Я автомат на тех двоих навел, матом еще выругал... Сгреб одной рукой патефон, пластинку — за ватник и — задом к двери. А те двое жмутся в углу. Мне стрелять нельзя — верная гибель. Пнул я в пирамиду с карабинами, ложем автомата по коптилке врезал. Выскочил из землянки с патефоном — и бежать, пока те в себя не пришли. Добежали мы, одним словом, до наших окопов и немца пригнали. А те в темноте-то только очухались, стрельбу подняли, ракеты стали пускать... А и пусть, мы уже дома!

Вернулись к своим, давай фрица кашей кормить. Он только глазами водит — чернявый, видать, итальянец или румын. И патефон тут же завели.

А утром из штаба батальона лейтенант заявился: «Кто на ту сторону ночью лазил?» — «Я, говорю, ходил». — «Зачем?» — «А патефон у немцев забрал». Лейтенант хотел выпытать мне за самоволку, да ребята заступились: «Оставьте Данила, товарищ лейтенант, он же «языка» привел!» Ну, ничего мне и не было — сошло...

Так вот я и вытянул из немногословного Дегтярева фронтовой эпизод. А предлагаю ему записать свои воспоминания — он и не вспомнил бы о патефоне.

...Много в папках воспоминаний уральцев — из Свердловска, Челя-

бинска, Нижнего Тагила. Екатерина Анфимьевна Ложкарева из села Байкалово Свердловской области вспоминает, как ушли на войну ее муж и трое сыновей, как сражались они под станцией Миллерово в Ростовской области... З. В. Круглова из Ленинграда рассказывает, как жила во время эвакуации на Урале, как трудились женщины в тылу, на заводе. Р. А. Кожеников пишет о своем дяде, который был ранен во время финской кампании и вернулся домой, в город Серов, работал на металлургическом комбинате, а с первых дней войны ушел на фронт добровольцем. Варфоломей Ипатович (фамилия не ясна) прислал с Урала мне в Молдавию сталинградские свои воспоминания: «Наступление вести здесь очень трудно, ибо большие морозы с ветром, отсутствие густо расположенных населенных пунктов, нет лесов (дров) — все это создает большие трудности. Но несмотря на это, мы успешно бьемся...»

Встречаясь с юными следопытами и их руководителями, я поражаюсь иной раз, с какой самоуверенностью, легкостью ведут они беседы, записывают воспоминания ветеранов. Записывая, безбожно путают роты со взводами, бригаду с полком, эскадрон с дивизионом, эшелонированную оборону называют «передовой», дзот — дотом... Не искушенные в военной терминологии, они не знают, что такое НП, КП, станция наведения... Ведь этому надо учиться и помнить, что запись воспоминаний фронтовика — не увлекательная игра, не отдых во время похода. Это — труд, и будет он особенно оценен нашими потомками.

Конкретные случаи, эпизоды не придумаешь! Мимо них проходит исследователь-историк, занятый основным и более существенным. О них не прочитаешь ни в учебнике, ни в армейских донесениях, что хранятся в архиве. Эти эпизоды пришли в жизнь с нами, фронтовиками, и задержались в сегодняшнем дне. С нами же, рано или поздно, они уйдут...

Вот почему надо успеть записать их, сохранить для потомков. Без этих фронтовых будней и общая картина Великой Отечественной войны будет неполной. Запиши их, следопыт, пока не поздно!

Б. ЧЕЛЫШЕВ

И ПУЛЯ, И СЛОВО...

«Товарищи колхозники! Не слушайте фашистских «уполномоченных»! Прячьте хлеб, муку, картофель, а что не сможете спрятать — уничтожайте и сжигайте. Не давайте ни одного грамма врагу!..»

«Женщины оккупированных областей! Фашисты суют свои поганные носы в ваши печки, горшки и кадучки... Прячьте продукты, одежду и обувь — пусть они дохнут от голоду и гибнут от холода, туда им и дорога! Не стирайте шивовое белье фашистских солдат, не оказывайте никакой помощи... Чтобы не попасть в рабство — уходите в лес... Смерть фашистским разбойникам! Прочти. Передай листовку подруге. Расскажи содержание соседкам».

...Сколько их было — воззваний, листовок, сводок, написанных на бланках и на простых листках бумаги типографским шрифтом и от руки... В них рассказывалось о подвигах солдат-красноармейцев, о продвижении наших частей; они проникали на оккупированные территории и в партизанские леса, в подполье, неся правду о войне; они поднимали народ на великое сопротивление, на великую борьбу...

«Товарищ! Послушай рассказ о бессмертной доблести... Когда штурмовали мы вражеские укрепления, многие из вас пробирались через минные поля в местах, где стояли таблички «Проход». Один из таких проходивших сделан молодым сапером Федором Кытиным. С перебитой осколком ногой продолжал он выполнять задачу... Уже у самых немецких траншей силы покинули героя, он застонал... Перейдя в наступление, наши войска нашли комсомольца Кытина изуродованным до неузнаваемости... Нечеловеческие мучения перенес отважный сапер, но тайны, доверенной ему Родиной, не выдал... Склоним, товарищи, боевые знамена над могилами павших героев!»

Эти письменные реликвии Великой Отечественной войны взяты из собрания жителя Перми, офицера-политработника Валерия Ниловича Дорошенко. Много лет подряд собирает он листовки, боевые листки, «молнии», письма-летучки, обращения — все, что сегодня представляет несомненную историческую ценность.

Были танки, самолеты и пушки. Были пули, снаряды и штыки. И было СЛОВО, которое также служило оружием!..

С. ШУМКОВ

ОБВАРИВАЕМ ПАРИЗАНКАМ И ПАРТИЗАНКАМ

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!
К СОВЕТСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ
ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ
ОБЛАСТЕЙ

Подвиг Матвея Кузьмина

Матвей Матвеевич Кузьмин славен в деревне...
 был храбрым, разгневанным. А немцы...

Вперед, к сердцу фашистского логова
БЕРЛИНУ.
 Сторезь с лица земли фашистскую нечисть!
 Смерть немцам захватчикам!

КОМАНДОВАНИЕ
 ПОЛИТОТДЕЛА

ВПЕРЕД, БОГАТЫРИ! СОКРУШИМ ВРАГА!

Дорогие товарищи,
КРАСНОАРМЕЙЦЫ, СЕРЖАНТЫ И ОФИЦЕРЫ!

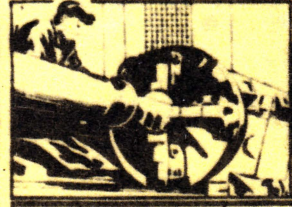
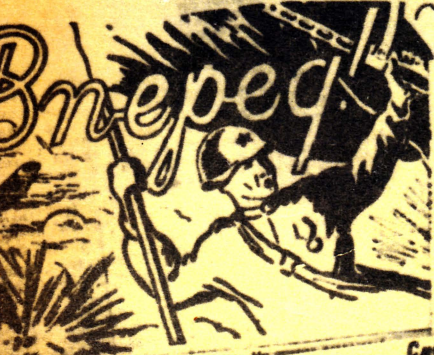
Линия фронта Верхо...
 зкого Союза товари...
 большой путь, ново...
 идеем. На полях...
 беззаветной отваги...
 подразделения на...
 сии матюком наш...
 оборонительные...
 ставляли немцев о...
 подразделение...
 винную технику...
 ову разбили в и...
 иные боевые дей...
СОВЕТСКИЙ ГЛАВ
НО СОЮЗА ТОВ
 ость. Нет значи...
 своего вождя...
 только что на...
 Родина, а не...
 победы и гр...
 ограда. О немц...
 яри на земле...
 чтобы о...
 гитлеровских мерзавцев!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

Береги добро, завоеванное
нашей кровью!

Товарищи бойцы, сержанты
и офицеры!

Мы пришли на землю немецких злодеев, как мстители и судьи за все их чудовищные злодеяния на Советском народе и причиненные разрушения нашей Родине. Не дадим врагу опомниться, задержать наш марш. Не дадим врагу опомниться, задержать наш марш. Не дадим врагу опомниться, задержать наш марш. Не дадим врагу опомниться, задержать наш марш.

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

БОЕВОЙ листок

№ 194

Смерть немцам оккупантам!

Передай по цепи

Перевод с немецкого
 о делах информации

Для окопных говорящих
установок и рупористов.

Внимание! Внимание!
 Немецкие солдаты! Передаем сведения о положении на фронтах.

ТЯЖЕЛОЕ ПОРАЖЕНИЕ НЕМЦЕВ У СТАЛИНГРАДА

Красная Армия успешно наступает. Немцы оборонительная линия прорвана в двух местах. Немецкая войска отброшена на 60-70 км железные дороги, снабжающие войска противника расположенные восточнее Дона, оказались прерванными. Огромные потери немецкой армии (6 немецких пехотных дивизий и одна танковая дивизия) полностью разгромлены. Нанесены большие потери 7 пехотными, 2 танковыми и 2 моторизованным войскам противника.

Немцы оставили на поле боя 14.000 убитых солдат и офицеров.

13.000 немецких солдат и офицеров попали в плен. Красная Армия захватила много трофеев, среди них 360 орудий.

Успешное наступление Красной Армии продолжается.

(Пауза)

Несколько дней продолжались бои за Владимировку (Орджоникидзе).

Они окончились поражением немцев. 13 немецкая танковая дивизия разгромлена, а другие соединения причинены большой ущерб.

К старостам, к русским полицейским, служащим городских управлений и командатур, ко

могут немецкими
из-за страха

быть обманены
своими фашистскими захватчиками. Обменом и страхом не выжить себе, нет!

Lesen und an die Kameraden

Soldat und Offizier

Wenn du zu uns kommen willst, beachte Folgendes:

1. Nicht ängstlich werden, wenn du dich in der Nähe versteckst. Verstecke dich nicht in der Nähe, dadurch entstehen Zweifel an der Absicht!
2. Wenn du dich der russischen Linie nähert, deine Waffen fallen!
3. Arme rechtzeitig hoch!
4. Auf Anruf nicht erschrecken, sofort stehen!

СЛЕДУЙ В БИТВЕ ПРИМЕРУ
 наших комсомольцев и партизан!
 уничтожить фашистской дивизию в бою с системой противотанковых средств во всех окопных войсках и партизанах.
 Если будете действовать в Родина, советская в нас и ни один волос нашей головы.

Командующий войсками Юго-западного фронта генерал-полковник

Гранатовый браслет, принадлежавший М. К. Куприной в период работы А. И. Куприна над повестью «Гранатовый браслет». [Светлые пятна — места, где были ныне утраченные гранаты].

„ В СЕЕМ ДУБНО
 ВЕЕ ТЕРЕТ ЛЕЛОСЪ ... “

Татьяна Буруковская

Слайды Н. Маркова, г. Калининград

«Ваше Сиятельство,
 Глубокоуважаемая Княгиня
 Вера Николаевна!

...Я бы никогда не позволил себе преподнести Вам что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нет ни права, ни тонкого вкуса и — признаюсь — ни денег. Впрочем, полагаю, что и на всем свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас.

Но этот браслет принадлежал еще моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них

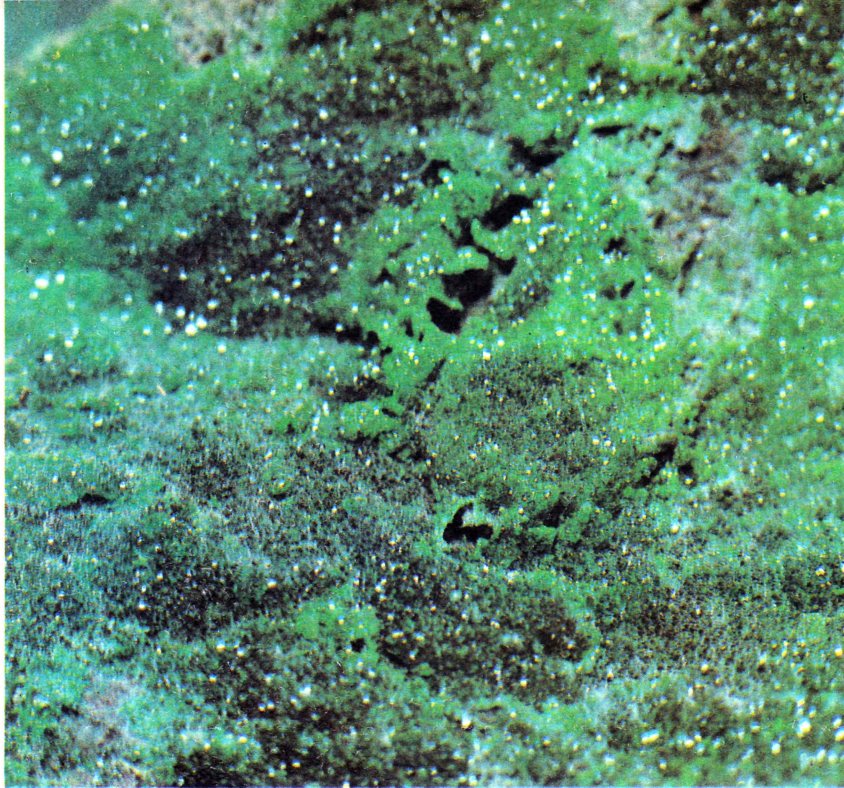
тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти.

Все камни с точностью перенесены со старого серебряного браслета, и Вы можете быть уверены, что до Вас никто еще этого браслета не надевал...»

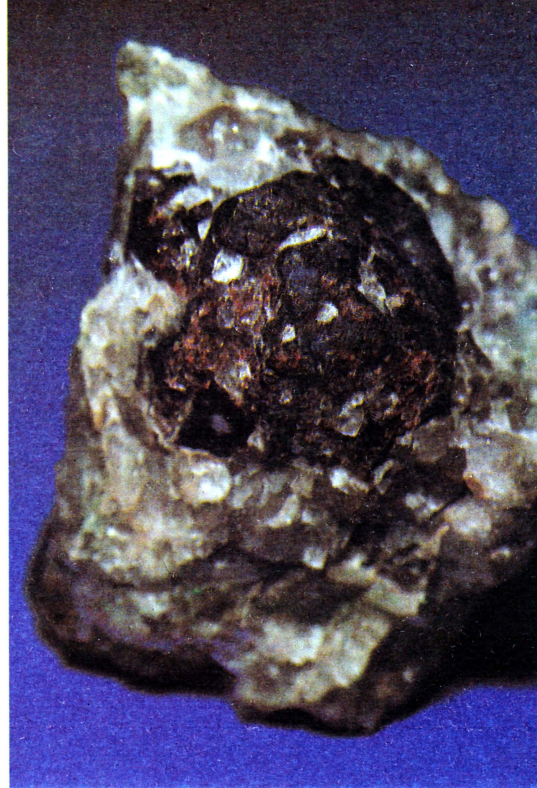
Сколько же раз я с неизбывной нежностью и грустью перечитывала эти строки повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет»! Да и кого оставит равнодушным вроде бы нехитрая и трагическая история трогательной любви простого телеграфиста к замужней молодой княгине...

Но странное дело: чем чаще я возвращалась к этой повести, тем больше вопросов рождала она во мне.

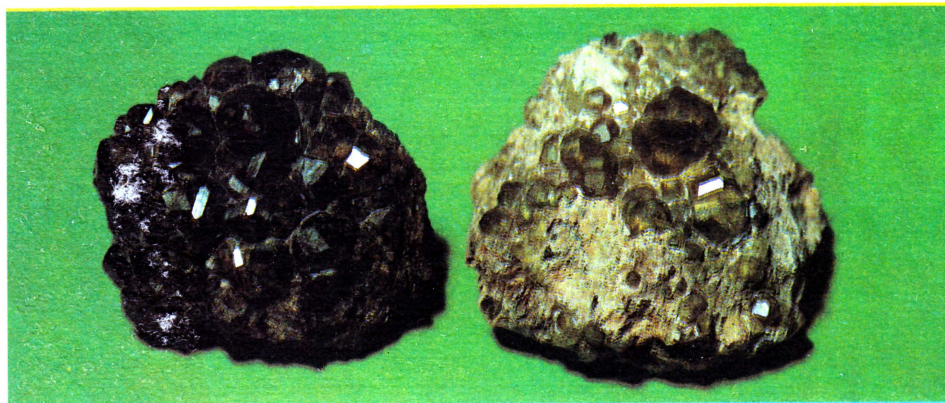
Почему браслет был именно гранатовый? И что

УВАРОВИТ. Средний Урал.

АЛЬМАНДИН. Северная Карелия.

ГРОССУЛЯРЫ. Светлые кристаллы с Вилюя.

за редкий зеленый гранат, наделенный магической силой, стоял среди красных камней? А гранаты, заметьте, были старинные и плохо отшлифованные. Почему?

Постепенно браслет этот стал для меня осязаемым и зримым. Нет, он не сиял высокомерно и отчужденно, как драгоценность в ювелирном магазине. И не был он музейным экспонатом, смиренно ожидающим созерцательного почтения. Его кроваво-красный и зеленый не влились в сверкающую радугу «литературных» самоцветов, обильно усыпавших произведения Александра Дюма и Даниэля Дефо, Уилки Коллинза и Артура Конан Дойля, Павла Бажова и Николая Лескова...

Эту разобщенность прославленных драгоцен-

ностей и гранатового браслета А. И. Куприн подчеркнул упоминанием о другом подарке, полученном княгиней Верой Николаевной тогда же, в день именин. Муж ее, губернский предводитель дворянства князь Василий Львович Шейн, преподнес имениннице «прекрасные серьги из грушевидных жемчужин». Ему не отказать в тонком вкусе: северную красоту Веры Николаевны усилит холодное мерцание жемчугов. Да может ли сравниться с княжеским подарком «эта чудовищная поповская штучка», этот «золотой, низкопробный, очень толстый», но дутый гранатовый браслет бедного телеграфиста! И в мире камня — социальное неравенство...

Но все же — почему гранат?

Продолжение очерка читайте на стр. 52.

DON

KARABODU

ПОЛЕ НАДЕЖДЫ

Андрей БАЛАБУХА

Рисунки О. Шапкина

ТОТ, КТО БОРОЗДИТ МОРЕ, ВСТУПАЕТ В СОЮЗ СО СЧАСТЬЕМ, ЕМУ ПРИНАДЛЕЖИТ МИР, И ОН ЖНЕТ НЕ СЕЯ, ИБО МОРЕ ЕСТЬ ПОЛЕ НАДЕЖДЫ.

Надпись на обетном кресте, установленном поморами на Груманте (Шпицбергене)

I

Из брюха «Сальватора», зависшего метров на двадцать пять выше,— там, где стены каньона расходились достаточно, чтобы между ними могло втиснуться трехкорпусное тело спасателя,— бил резкий свет прожекторов. Базальтовые стены и нагромождение лавовых подушек на дне казались в этом свете почти черными, а оранжевая окраска патрульной субмарины отливала алым — цветовой контраст, рождавший в душе щемящее тревожное чувство. Впрочем, какая уж теперь тревога... Запас воздуха в субмарине давно иссяк, химватроны регенераторов дезактивировались полностью. Даже если водитель умудрялся все это время спать, не двигаться, не волноваться, словом, сократить потребление кислорода до всех теоретически допустимых и вовсе недопустимых пределов, не дышать совсем он не мог. И тем подписывал собственный приговор... Так что говорить о спасении казалось сейчас Аракелову попросту кощунственным. Они поднимали затонувшее судно. И все.

Подлость, какая подлость!

Азизхан, Ян и Лайош заводили шлаги спущенных с «Сальватора» тросов. Сеть, опутывавшая лодку, была уже рассечена, и теперь осталось осторожно подтянуть ее повыше, а там сработают захваты, зафиксируют субмарину между двумя нижними корпусами спасательного аппарата, и тот, медленно продувая цистерны, начнет всплывать. Но еще задолго до той минуты, когда появится на поверхности,— там, в трех километрах над головой,— из днища главного корпуса выдвинется гофрированный хобот, нащупает рубку субмарины, присосется к ней; вспенившись, мгновенно затвердеет герметик; кто-то из экипажа «Сальватора» спустится по этому хоботу, откроет люк и втащит вверх тело патрульного: чудес не бывает...

И самое страшное даже не это. В конце концов, Океанский Патруль — это Океанский Патруль. Стихия и сегодня оказывается порой сильнее человека; человек и сегодня не застрахован от ошибок, а здесь, под водой, ошибка чаще всего стоит жизни... Нет, самое страшное, что на этот раз человек погиб в схватке с другим человеком.

Подлость, какая подлость!

Аракелов снова посмотрел туда, где работали его батиянды. Дело споро двигалось к концу, и он здесь явно не был нужен. Он развернулся и направился к баролифту. Плыть предстояло чуть больше мили — минут десять-двенадцать для скуттера, если не форсировать движок. Но торопиться теперь уже было некуда и незачем. Гонка, начавшаяся четырнадцать часов назад, подошла к концу.

В эти четырнадцать часов втиснулось многое. И срочный вызов к начальнику штаба отряда Океанского Патруля, прикомандированного к Гайотиде-Зюйд. И выяснение, кого из батияндров аракеловской команды, работавшей по программе «Абиссали-45», можно срочно снять на спасательную операцию. И организация переброски на обеспечивающее судно: собрать их всех на палубе «Ханса Хасса» за три часа оказалось едва ли не самым трудным. И, наконец, сама по себе работа — вовсе не сложная, но закончившаяся совсем не так, как должна была бы. Впрочем, закончилась она только для троих. Азизхан, Лайош и Ян вскоре поднимутся наверх и через несколько часов смогут отсыпаться в комфортабельных каютах «Хасса». Аракелову же предстоит еще одно дело. Он окончательно понял это только сию минуту, но подспудно решение зрело в нем все последние часы. С того самого момента, как они начали резать сети, в которых застряла субмарина.

Стены ущелья расступились, и перед Аракеловым раскрылась долина Галапагосского рифа

Журнальный вариант

та. Еще через три минуты, оставив скуттер возле одной из опор баролифта, он скользнул в донный люк и оказался в ярко освещенном сухом отсеке.

Здесь было заметно просторнее, чем в привычном баролифте «Руслана». И то сказать — пятиместная машина, целый подводный дом... Аракелов снял ласты и подошел к телетайпу.

«Прошу на связь капитана».

Ждать пришлось минут десять. За это время Аракелов успел послать два запроса в информационный банк «Навиглоб», и ответы подтвердили его предположения. Наконец по дисплею телетайпа побегало:

«Капитан на связи».

Аракелов ожидал, что разговор окажется нелегким, что придется доказывать свою правоту и свое право, и заранее уже жалел, что на том конце провода не Зададаев, который понял бы все с полуслова. Но получилось иначе. Когда Аракелов изложил свою идею, капитан задал всего два вопроса.

«Резерв времени?»

«Пятьдесят один зеленый час», — отстучал в ответ Аракелов.

«Какая требуется помощь?»

«Встретить меня. Через сорок восемь часов. Координаты рандеву...»

«Добро. Сам ждать не смогу. Сейчас выясню, кто обеспечит встречу. До связи».

Понятно: «Ханс Хасс», громадина, плавучий институт, приписанный к международной базе Факарао, не может прохлаждаться двое суток. У него своя программа, и напряженная. Они уже потратили уйму времени, но куда речь шла о спасательной операции — никто о своих программах не думал. Теперь — другое дело.

Вновь ожил дисплей телетайпа:

«Оперативное судно Океанского Патруля «Джулио делла Пене» прибудет в точку рандеву через сорок четыре — сорок шесть часов. Их бароскаф обеспечит встречу. Желаю удачи».

«Спасибо. Конец связи».

Ну вот, теперь можно браться за дело. Аракелов подобрал и подогнал снаряжение; выбравшись из баролифта, взял скуттер — развездной буксировщик, на котором только что вернулся, а «кархародон» с нетронутым еще шестидесятичасовым ресурсом. Хотя размерами «кархародон» по меньшей мере всемерно уступал своему живому тезке, это была мощная, маневренная машина, развивавшая десять узлов крейсерского хода и до семнадцати на форсаже: как раз то, что и нужно было Аракелову для задуманной им почти четырехсотмильной экспедиции. Он забрался в скуттер (собст-

венно, этот аппарат даже неловко как-то было называть скуттером — скорее уж сверхмалая открытая подводная лодка...), устроился поудобнее и дал ход.

Однако направился он не к тому ущелью, где попала в ловушку патрульная субмарина, а повернул вдоль края рифтовой долины на северо-северо-запад. Слева, в трехстах-четырестах метрах от него, круто уходили вверх склоны обрамлявших долину гор. «Кархародон» скользил над самым дном. Внизу проплывали пухлые пузыри подушечной лавы; долина здесь была почти совсем мертвой, лишь кое-где поднимались на тонких стеблях крупные, до двух метров, колокольчики стеклянных губок. Трудно было поверить, что рифт — самое активное место океанского дна. Казалось, все тут застыло от века, — так было миллионы лет, тысячи, сотни... Так было восемь лет назад, когда Аракелов впервые очутился в здешних местах.

Если разобраться, тогда и началась для него сегодняшняя история.

Начальство попросило подменить — недели на две — заболевшего батияндра на международной подводной биостанции. Аракелов согласился, и уже на следующий день развездной мезоскаф Океанского Патруля доставил его на место.

Станция была обычная, типовая: тридцатиметровая полусфера, мертво заякоренная на дне Галапагосской рифтовой долины в самом центре оазиса с поэтическим названием «Лужайка одуванчиков». На верхнем из трех этажей размещался обширный тамбур с малым пассажирским и большим грузовым купольными люками, на втором — жилые помещения и склады, а на первом — энергетическое сердце станции, реактор, лаборатории и батияндрогенный комплекс со шлюзом для выхода наружу. Аракелов бывал на десятке подобных станций и потому мог ориентироваться здесь, как говорится, с закрытыми глазами: индивидуальные отличия, возникавшие по мере обживания, специализации и переделок станций, в счет не шли. Однако он не привык, чтобы нового человека встречали так, как здесь. Когда с легким шорохом скользнула на место мощная пластина люка, а несколькими секундами позже с характерным звяканьем отсоединился там, снаружи, стыковочный узел мезоскафа, на своде тамбура ожил динамик селектора:

— Батияндр, здесь начальник станции. Ваша комната — номер шестой, голубая дверь. Обед — через час, в четырнадцать. Извините, не могу встретить — идет эксперимент.

— Спасибо, — сказал в воздух Аракелов; ска-

зал чуть более озадаченно, чем ему бы хотелось.

Он быстро раскидал свои нехитрые пожитки в комнате, где оставались еще вещи заболевшего коллеги. Как же его зовут, попытался вспомнить Аракелов. Какое-то испанское имя на «а»... Алонсо? Аурелио? Альфонсо? Нет, не вспомнить... Конечно, жить вот так, по-птичь, в чужой комнате — не подарок. Даже две недели. И даже если из этих четырнадцати дней шесть придется провести снаружи. Но... Переживем.

За обедом он, наконец, познакомился с экипажем биостанции. Похоже, ему тут были не слишком рады. В любом коллективе, хотя бы на месяц изолированном от окружающего мира, новому человеку прежде всего раскрывают объятия, а уже потом смотрят, стоило ли. Здесь, однако, было не так. Нет, его присутствия не игнорировали, с ним были вежливы — ровно настолько, насколько это требуется по отношению к незнакомому и нимало не интересующему тебя человеку. Словно ему не предстояло работать с этими пятерыми бок о бок...

Его спросили, как там Агостино, когда его можно ждать? (Ага, значит, заболевшего звали Агостино!). Увы, Аракелов ничего сказать не мог: попросили временно подменить коллегу, и все тут. Кстати, а чем ему предстоит заниматься? Да много чем, объяснили ему, программа обширнейшая, одна беда: батиандрогенный комплекс барахлит, станция ведь новая, запущена год всего, что-то еще не отлажено, сейчас вот ждут наладчика от фирмы, а он задерживается... А что с комплексом, поинтересовался Аракелов, в этом деле он кое-что смыслит, может, его скромных познаний хватит? А черт его знает, объяснили ему, специалистов на станции нет, так что лучше все-таки дождаться представителя фирмы, а тогда уже и за дело. И сколько же это — дожидаться? Может, день, а может, два — кто знает? Торопиться, в сущности, некуда, смена здесь долгая — полгода, а прошло еще только два месяца. Но ведь Аракелову-то здесь две недели быть! Так что ж, наверное, за это время все и наладится. Он, Аракелов, ведь не виноват, — обстоятельность... Они обильно оснащали речь непривычными обращениями «сеньор Аляхандро», «сеньор Аракелов», хотя разговор и велся по-английски: все пятеро были латиноамериканцами; объясняли все охотно, любезно, но столь отчужденно, что в конце концов Аракелова просто заело. У него тоже был характер, сюда он не набивался, и раз так...

Никому не сказавшись, он повозился-таки с комплексом. Неполомки в нем действительно

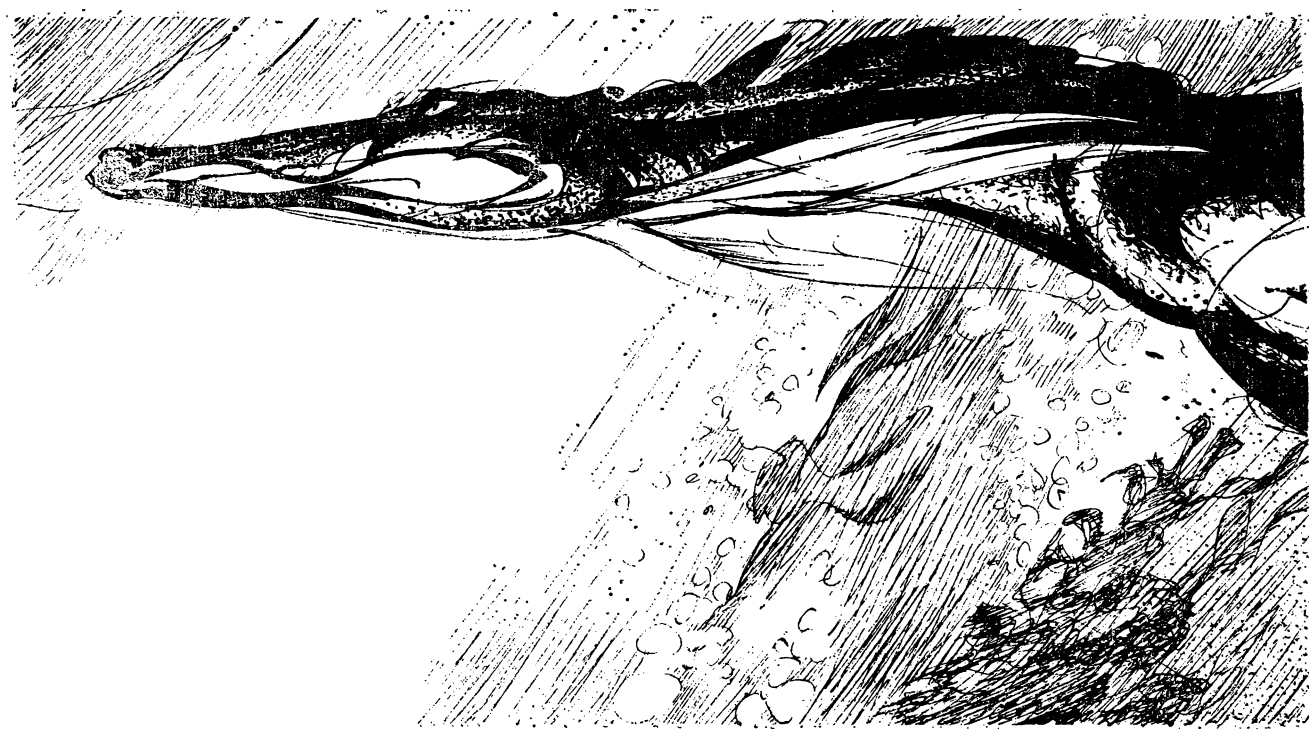
были, но такие, что Аракелову странно стало: неужели предшественник его был уж полный лопух, причем лопух с феноменальным везением, потому что работать с такой расхлябанной аппаратурой — верное самоубийство... Аракелов возился три дня, выявляя новые и новые регулировки, представителя фирмы все не было, и он уже думал махнуть на все рукой, но на четвертый день комплекс заработал, заработал четко, на совесть — одно удовольствие.

С этим Аракелов и пришел к начальнику станции. Доктор Рибейра долго кивал, улыбался, пожимал ему руку, однако на прямой вопрос: что же теперь Аракелову делать, ответил весьма уклончиво. Мол, за это время накопилось много работы, минимум по трем темам надо наверстывать, но что именно в первую очередь... Вот они обсудят, решат, и тогда...

Кончилась вся эта игра в кошки-мышки тем, что на седьмые сутки Аракелов вышел-таки из станции. Поставленная перед ним задача была настолько нехитрой, что даже обидно стало: нельзя же микроскопом гвозди забивать! Аракелов был батиандром высокой квалификации и знал это. Но задание есть задание, в конце концов, ему поручено оказать им помощь — и он оказывает. А какую — им видней.

По расчету времени он должен был возвратиться через пятьдесят четыре часа. Аракелов уложился в тридцать восемь. Вот тогда-то он и позволил себе откровенное нарушение дисциплины. Если какие-то тайные силы пытались задержать его на станции, если маршрут был разработан таким образом, чтобы минимально проходить по территории оазисов, — значит, Аракелову надо пошастать по этим самым местам. Зачем? Кто его знает. А зачем его пытались не пустить сюда?

Вообще-то оазисы Галапагосского рифта являли собой картину малопривлекательную. Существу во времена великого мессира Алигьери батискафы, — Аракелов поклялся бы, что последние круги ада Данте писал с природы и натура эта находилась здесь. То тут, то там били из дна горячие источники, ключи, гейзеры. Аракелов прямо-таки ощущал мощный напор раскаленного вещества земных недр, которое просачивалось понемногу в трещины между застывшими уже подушками лавы, застывало само, но успевало отдать тепло воде. Вместе с теплом вода насыщалась солями серы, и от едкого всепроникающего привкуса сульфидов Аракелова уже мутило. Его бросало то в холод, то в жар — там, где обычная, нормальная температура, от одного до двух градусов Цельсия, подскакивала вдруг до четырнадцати, пятнадцати, даже

семнадцати. Эти теплые зоны и образовывали собственно Галапагосские оазисы — обильные жизнью участки мертвой долины. Только первоосновой жизни был тут не солнечный свет, а тепло Земли; Плутон в этих закоулках Нептунова царства заменял Гелиоса. Началом пищевой цепи служили здесь серные бактерии, а все остальные ее звенья — кишечнополостные и моллюски, членистоногие и погонофоры — были заражены гигантизмом. Вдобавок они были не только велики — их было много, чудовищно много. Поразительная вакханалия жизни, ждущая своего Босха...

И в какой-то момент — на восьмом или девятом часу бесцельных блужданий по кругам Галапагосского рифта — Аракелов столкнулся с самым кошмарным порождением этого мира.

Сперва он лишь уловил латералью какое-то неясное, смутное движение — далеко, почти на пределе чувствительности. Он еще не мог понять, что там движется или кто, но инстинктивно насторожился. Прикинув направление, сосредоточился на сонаре. Это несомненно было живым существом — огромным и могучим. Гигантский кальмар? Кашалот? Нет, их сонарный облик Аракелов знал. К нему медленно приближалось нечто иное, незнакомое и загадочное.

Аракелов выключил движок скуттера и замер, стараясь ничем не выдать своего присутст-

вия. Это была не только осторожность наблюдателя, но и разумное опасение потенциальной жертвы: на многие годы запомнилась Аракелову первая встреча с кархародоном, тридцатиметровой пелагической акулой, считавшейся ископаемой до тех пор, пока Кейт Уиллис нос к носу не столкнулась с ней подле Реюньона в девяносто шестом... Аракелов уцелел лишь чудом, это на всю жизнь научило его осторожности. И потому сейчас он бездвижно висел в нескольких метрах над дном, готовый в любую секунду врубить двигатель скуттера; висел, лишь изредка постреливая сонаром, чтобы не потерять контакт с тем существом, которое медленно приближалось, приближалось, приближалось, — пока наконец Аракелов не увидел.

Левиафан!

Больше всего он напоминал крокодила — гигантского, фантастического крокодила не меньше двадцати метров длиной. Но дело было не только в размерах. Чем-то трагически древним дохнуло на Аракелова, и он замер, не думая ни об опасности, ни о научной классификации, — он просто зачарованно смотрел, как существо медленно, величественно и грозно проплывало мимо. Огромная, в два человеческих роста голова, крутолобая, с гигантской зубастой пастью, сидела на длинной шее; крокодилье туловище увенчивалось зубчатым тритонным гребнем;

мощные ласты не утратили еще первоначального сходства с лапами; широкий хвост шевелился едва-едва, но от этих почти незаметных движений распространялась по воде такая волна, что аракеловская латераль отзывалась на нее чуть ли не болью. Упругая, толстая кожа чудовища была коричневой — более темной на спине и боках и светлее внизу, на тяжело отвисшем брюхе, а с шеи свисала, развеваясь во встречном потоке, длинная красная грива...

Левиафан!

Аракелов даже не стал бы описывать его — вне пределов научной терминологии. Для этого и впрямь нужен был Босх. Аракелов просто смотрел ему вслед, а в памяти, словно с пущенной кольцом пленки, звучали две строки из читанного когда-то стихотворения:

Мчатся мои красногривые кони,

И на мир опускается страх.

Аракелов смотрел, твердя про себя эти строки, как заклинание, смотрел до тех пор, пока даже сонар не перестал доставать это порождение абиссального мрака...

И вот сейчас, уверенно ведя свой «кархародон» на северо-северо-запад вдоль края долины, Аракелов вновь и вновь возвращался к мысли — не будь этой встречи восьмилетней давности, и не было бы сегодняшней безуспешной спасательной операции. Нужды бы не было в те-

перешней погоне — справедливом, но запоздалом, как всегда, походе Фортинбраса. И не было бы того, за кем неутомимо и неумолимо следовал сейчас Аракелов.

Не было бы Душмана.

II

Ну вот, сказал себе Клайд Лайон, теперь можно и отдохнуть. Да и что ему оставалось кроме отдыха — суток на трое, если не четверо. Покуда улягутся страсти и можно будет спокойно уйти.

Он критически оглядел плоды своих трудов. На столике — термос с кофе, тарелка с сэндвичами и стопка видеокассет. Здорово, что на этот раз он догадался прихватить их с собой. А то дохни тут с тоски, как в прежние отсидки... Все одиннадцать серий «Заклинателей праха»! А?! Это ж полная Ривьера! Одиннадцать серий, двадцать два часа, а смотреть такое и не по разу можно! Ну и отоспаться не худо. Тоже Ривьера. Последние дни ему это не слишком-то удавалось...

После третьей серии недосып стал чувствоваться всерьез — невзирая на крепкий кофе. Что ж, можно и на боковую.

Клайд выключил телевизор, резким движением поднялся (легкое складное кресло прон-

зительно взвизгнуло), сходил на камбуз, где вымыл и поставил в сушилку посуду — аккуратность всегда была его пунктиком, — и направился к облюбованной на эту ночь спальне. Каютка была маленькая — как и все помещения станции, кроме пульты и салона. Все убранство ее заключалось в письменном столе (весьма скромном), двух табуретах, стенном шкафу и нешироком диванчике, на ночь превращавшемся, однако, во внушительную — больше половины каюты — тахту. Клайд чувствовал себя на таком ложе на редкость неуютно. И о чем только думали эти идиоты-проектировщики?..

Клайд предполагал уснуть сразу же, но не тут-то было. В голову лезли — какой-то несусветной мешаниной — впечатления последних двух дней, с тех пор, как «Тигровая Лилия», мягко опущенная на воду мощной лапой судового крана, равномерно закачалась у подветренного борта «Оушн Свайна».

Тогда предстоящий вояж казался Клайду просто очередной вылазкой в Галапагосские оазисы, дерзкой охотничьей экспедицией, каких на его счету было уже немало. Сколько, кстати? Ну-ка, посчитаем... Да, двенадцать. Двенадцать за три года. Эта должна была стать... тринадцатой? Так вот в чем дело! И как он раньше не сообразил!

Но не сообразил. И спокойно повел свою «Тигровую Лилию» к склонам рифтовых гор, до которых оставалось миль тридцать — сорок: ближе подходить не стоило, это могло бы навести на ненужные размышления вездесущих архангелов из Океанского Патруля. Он знал, что стоило рубке «Лилии» исчезнуть под поверхностью, как «Оушн Свайн» самым невинным образом продолжил путь. Полтора часовая задержка со стороны выглядела совершенно естественно, ее можно было бы, случись что, объяснить как угодно, хоть учебной шлюпочной тревогой, например... И лишь после того, как он передаст по гидрфокустике совершенно безобидный сигнал — три фрагмента подлинной кашалотовой песни, только смонтированные с должными паузами и в должном порядке, «Оушн Свайн» устремится к той точке, где сможет вновь, не привлекая ничьего внимания, подняться на борт «Лилию» и волочащуюся за ней на крученых пентауретановых тросах сеть с драгоценным грузом.

Поистине драгоценным — на этот раз добыча должна была принести Клайду шестьдесят три тысячи. Расщедрился-таки старый лис Роулинстон: ведь если приплюсовать сюда расходы на аренду «Оушн Свайна» и на все остальное, сумма получится ого-го какая! Только это его за-

бота. Он свое вернет. Сторицей. А вот Клайду без этих денег сейчас не вывернуться. И долги поджимают, и расходы светят... И на тебе! Влопался!

А ведь сперва все шло точнехонько по плану. Клайд тишком подобрался к ущелью, которым можно было проникнуть в рифтовую долину без риска быть засеченным цепочкой гидрофонов, установленных по периметру заповедника. Стены ущелья многократно отражали и в конце концов гасили шум двигателей, — обстоятельство, проектировщикам оставшееся неведомым. Клайд пронюхал это во время своей третьей вылазки в заповедник и с тех пор всегда шел этой дорожкой, не рискуя попасться. Так же, как не рисковал он, отсиживаясь сейчас здесь. Вот что значит детально изучить театр действий!

В ущелье он установил сети — все чин чином. Потом потихоньку углубился в оазисы. Это было самым трудным — нащупать гада морского, подманить, а манок у Клайда отменней, он такую песенку этих гадов в свое время записал — пальчики оближешь! На эту песенку они летят, что твои мотыльки на лампочку...

Так и шастал Клайд по долине короткими галсами, временами врубая на всю катушку призывную песенку... Он и сам толком не знал, любовная ли это серенада, просьба ли о помощи или предложение поделить добычей. Главное — на нее клевали. Но на этот раз ему не везло.

Настолько не везло, что в один прекрасный момент он обнаружил субмарину Патруля, севшему ему на хвост. Фу ты, черт! И что понатерялось этому психованному архангелу в самом центре оазисов? Ему же положено периметр барражировать!

«Лилия», конечно, молодчина. На вид она, может, и понеукложей, чем субмарины Патруля, но в скорости и маневренности им не уступит. Прошло часов семь или восемь. Клайд стал отрываться. Но архангел попался упрямый. Интересно, вызвал он подмогу или нет? Если вызвал, если насядут со всех сторон, то никуда не денешься, всплывай и задирай лапки... Нет, архангел явно хотел взять его в одиночку. То есть под водой-то, разумеется, его не возьмешь, да ведь рано или поздно всплывать все равно придется. «Лилия» все-таки не крейсер, отстреливаться не из чего. Да и не стал бы Клайд отстреливаться: одно дело этих гадов из-под носа у Патруля тягать, а другое — грех на душу брать. Нет, это никак. Нельзя это...

В конце концов Клайда осенило. Он даже специально подпустил патрульного поближе, а потом стал уходить к ущелью, наращивая ход

до предела, самого что ни на есть предельного предела; теперь только ты, старушка, не выдай, не подведи, я потом тебе отслужу, я уж тебя всю по винтику разберу, ты у меня на пять лет помолодеешь... И «Лилия» не подвела. Клайд буквально на хвосте втащил патрульного в ущелье, оба они выжимали из машин по четырнадцать узлов — близко к рекорду, жаль даже, что никто не видит! Первое колено, второе, теперь отрезок прямой — около полумили... Ну — давай! Клайд до хруста вывернул рули глубины и опорожнил носовой бункер аварийного балласта. Если задумка выгорит, дотопать можно будет и так, динамически уравнивая дифферент рулями... Только бы архангел чертов не разгадал его маневра! Стоп! Ведь на его субмарине аварийного балласта нет! Все. Пронесло, значит.

III

К исходу первых суток Аракелов почувствовал нарастающую усталость. Нет, спать он не хотел: подводный сон батиандра квантован. Ритм сна и бодрствования — вообще штука пластичная; обычно люди спят восемь часов из каждых двадцати четырех; спелеологи, долго работая в подземном бессолнечном мире, привикают к двенадцатичасовому сну из тридцати шести; мозг батиандра отдыхает треть от каждой сотой доли секунды, причем фазы эти у полушарий не совпадают. Сон есть и его нет — состояние идеальное. Одна беда: больше трех суток в таком ритме жить невозможно. Вышедшего на поверхность батиандра одолевает безудержная компенсаторная сонливость — слишком далек квантованный сон от привычного ритма... Но это — на поверхности. Здесь, под водой, спать Аракелов не хотел. И есть — тоже, потому что маленькая черная коробочка на поясе, повинувшись командам микропроцессора, по мере необходимости вгоняла ему в кровь очередную порцию АТФ. Просто сказала монотонность движения: «кархародон» с неизменной скоростью нес его на северо-северо-запад; в тесном гнезде, где Аракелов умещался не без труда, нельзя было даже переменить позы — и так из часа в час... Ситуация, прямо скажем, нетипичная: как правило, батиандры ведут под водой жизнь настолько активную, что почти не устают. Утомление начинает накапливаться лишь к исходу «желтых» часов — той резервной четверти суток, что следует за шестьюдесятью «зелеными» часами нормального рабочего цикла.

Аракелов взглянул на часы. Пока он точно укладывался в намеченный график. Значит,

можно сделать привал. Он остановил скуттер, с полчаса поплавал, разминаясь, и даже с удовольствием повозился с молоденьким осьминогом — щупальца его были не длиннее аракеловской руки. Осьминожек оказался общительным, охотно играл с Аракеловым в прятки, затем предложил сеанс вольной борьбы, а потом, со свойственной головоножке племени непоследовательностью, неожиданно смылся, оставив медленно расплзающееся облачко сепии. Аракелов вернулся к своему «кархародону», поудобнее — насколько возможно было — устроился на водительском месте и дал ход.

И снова навстречу ему помчалась абиссальная тьма в редких просверках чьих-то живых огней — звездная ночь гидрокосмоса. Совсем как восемь лет назад, когда он поспешно возвращался на «Лужайку одуванчиков» после встречи с таинственным Левиафаном.

Впрочем, не таким уж таинственным.

Это Аракелов понял почти сразу: чего-нибудь да стоили все же месяцы подготовки к советско-японской экспедиции на «Иба-Мару», целью которой были поиски реликтовой фауны Южных Морей — поиски тщетные, ибо в тот раз им так и не удалось схватить за хвост Великого Морского Змея. Но вот теперь Аракелов столкнулся — таки с ним, вернее — одним из них. Потому что галапагосский Левиафан ничем не напоминал, скажем, пресловутых «долгоносиков» Титова и Вариводы, Змея Ле-Серрека или Чудовище «Дзуйио-Мару». Зато с другими он явно находился в кровном родстве.

Именно это «морское диво» описывал в судовом журнале немецкой субмарины «У-28» ее командир, фрегаттен-капитан Уве-Ульрих Форстнер, 30 июля 1915 года торпедировавший в Северной Атлантике британский пароход «Иберия»:

«...Через 25 секунд после погружения пароход взорвался на глубине, которую мы приблизительно определили в тысячу метров. Вскоре после этого из воды на высоту 20 или 30 метров были выброшены обломки судна и среди них огромное морское животное.

В это время на мостике подлодки находились шесть человек: я, два дежурных офицера, старший механик, штурман и рулевой. Мы все глаза смотрели на морское «диво». К сожалению, мы не успели его сфотографировать, так как через 10—15 секунд животное уже скрылось под водой. Оно было длиной около двадцати метров, напоминало гигантского крокодила с четырьмя мощными лапоподобными лапами и с длинной заостренной головой...»

В мае 1964 года экипаж небольшого траулера

ра «Нью-Бедфорд» видел у массачусетских берегов чудовище с крокодильей головой на длинной змеиной шее.

Ясным летним днем 1972 года Джеймс Р. Коуп, командир и владелец небольшой шхуны, несколько минут наблюдал сквозь толщу пронизанной солнечными лучами кристально прозрачной воды Калифорнийского залива гигантское крокодилоподобное животное, медленно плывущее над самым дном.

Наконец, в сентябре 1998 года именно его две с половиной минуты наблюдали на обзорном экране мезоскафа Зигмунд Дрек и Юхани Паскиайнен, изучавшие донные отложения Капской котловины.

Так что незнакомцем галапагосского Левиафана Аракелов считать не мог. Больше того, чуть не сто лет назад уже было подыскано ему определение: неотилозавр. Реликтовый ящер, вопреки эволюции не захотевший вымирать, а потому вынужденный измениться. В конце концов, и целакант, знаменитый «старина четвероног», сенсация прошлого века, тоже заметно отличается от своих ископаемых предков, из мелкой пресноводной рыбешки превратившись за миллионы лет в здоровенную морскую рыбину до двух метров длиной и до ста килограммов весом. Как говорится, «однако за время пути собака могла подрасти...»

Главное же — до сих пор все эти встречи были случайными. Непредвиденными и неназначенными. Но на этот раз — Аракелов был уверен, не зная еще, но чутьем, — Великого Морского Змея удалось-таки словить за хвост. След вел сюда, в оазисы Галапагосского рифта. А может быть, и в другие подобные места — есть же они еще где-нибудь в рифтовых долинах срединно-океанических хребтов! Где-нибудь да есть. И в их странном мире с обращенной вниз, к жару подземных недр, жизнью эти упрямы неодиозавры отыскивали себе экологическую нишу, в которую вписались — на тысячелетия. На миллионы лет. Теперь понятно, где их искать. В том-то и была причина неудачи экспедиции на «Иба-Мару», что океан велик. Искать в нем что-нибудь наудачу — хуже, чем пресловутую иголку в стоге сена. А теперь — теперь есть привязка.

С этим и кинулся Аракелов по возвращении на станцию к доктору Рибейре. И получил, мягко говоря, от ворот поворот. Впервые в его немалой уже практике батияндра ему просто-напросто не поверили. Мало ли что может привидеться в абиссальной тьме? И вообще, сеньор Алехандро, что вы делали в этом районе? Программой его посещение не предусматривалось,

а дисциплина... Далее последовали рассуждения, которые Аракелов, признаться, на девять десятых пропустил мимо ушей, настолько был ошарашен. И, наконец, прозвучал сакраментальный вопрос — тот, о который от века разбивались все рассказы о встречах с реликтовыми чудовищами. Где доказательства?

Доказательств у Аракелова не было. Он видел — и только. И еще он знал теперь, где надо искать. Это, между прочим, посерьезнее аргументов, под которые снарядили в тридцать седьмом «Иба-Мару». Однако пронять доктора Рибейру было непросто. Пусть сеньор Аракелов извинит, но все это — слова. Давным-давно разработаны критерии, по которым считается достоверным наблюдение, проводившееся не менее чем двумя людьми независимо друг от друга, что исключает возможность сговора, и совпадающее при описании не менее чем на шестьдесят процентов. Вот так. Исходя из этих критериев, сообщение сеньора Аракелова достоверным сочтено быть ни в коей мере не может... Черт знает что! То специально снаряжают международную экспедицию, даже неудача которой никого не обескураживает, то теперь, когда дело сделано, Аракелову не хотят верить... Что это? Ограниченность? Нежелание уступить честь открытия? Непонятно. И неприятно.

Так ни до чего и не договорившись, Аракелов ушел к себе — спать хотелось нестерпимо, и продолжать дискуссию он был физически просто не в состоянии. Поэтому разговор возобновился только на следующий день — за обедом в кают-компании. И — с тем же успехом. Аракелов чувствовал, что между ним и основным экипажем «Лужайки одуванчиков» встала некая стена, абсолютно прозрачная, но резиново-упругая, на которую бесполезно бросаться. Не пробить. Не разорвать. Не взорвать. Ничем.

Аракелов растерялся. Он мог допустить, что у доктора Рибейры гнусный характер. Что не понимает чего-то Рибейра. Что не хочет понять даже. Но чтобы не хотели понимать пять человек, пять ученых, серьезных специалистов высокой квалификации, пять разных людей из разных стран — нет, такое в голове не укладывалось. Было над чем подумать.

И Аракелов думал. Отчет о проделанной вне станции работе застрял на седьмой странице, потому что именно здесь было место для рассказа о встрече с Левиафаном. Аракелов знал, что напишет все так, как оно было. Вопреки всем и всему. Но прежде нужно было понять: чем же вызвано такое отношение к его рассказу? Он сидел перед машинкой, в кото-

рую заложена была эта только что начатая седьмая страница, потягивал холодный грейпфрутовый сок и думал, думал, думал... Пока не раздался аккуратный, одними костяшками пальцев, сухой и отрывистый стук в дверь.

— Войдите,— сказал Аракелов.

Это был Жоао да Галвиш, один из трех биологов станции, исследователь погонофор, невысокий изящный мулат, от своих негритянских предков унаследовавший оливково-бронзовую кожу и пышные курчавые волосы.

— Не заняты, сеньор Алехандро?

— Как видите,— отозвался Аракелов, может быть, не слишком любезно, но ему не очень-то и хотелось проявлять любезность и радушие.— Чем могу служить?

— Мне хотелось бы побеседовать с вами, сеньор Алехандро. У вас, наверное, сложилось ложное впечатление...

— Что ж,— сказал Аракелов.— Давайте. Поговорим. Соку хотите? Или кофе?

— Ни того, ни другого, спасибо.

Да Галвиш уселся в кресло, закинул ногу за ногу и вытащил из кармана шорт четки — настоящие четки, какие Аракелову до сих пор приходилось видеть разве что в музее. Вырезанные из темного, почти черного дерева, они очень естественно выглядели в руках да Галвиша. Биолог перехватил удивленный аракеловский взгляд, улыбнулся:

— Вот видите ли, сеньор Алехандро, отвыкаю курить. И надо чем-то занять руки. Очень, знаете ли, помогает...

Аракелов кивнул. Он допил сок, откупорил новую жестянку, плеснул на три пальца в стакан.

— Так чем могу служить? Насколько я понимаю, мои наблюдения здесь никого не заинтересовали. А все, что относится к программе, в том числе и вашей ее части, будет изложено в отчете. Впрочем, если хотите...

— Нет. И то, что наблюдения ваши нас не заинтересовали — тоже нет. Вся беда как раз в том, что они нас заинтересовали. Даже слишком. Видите ли, сеньор Алехандро...

Аракелов не выдержал:

— А можно без придворных церемоний? Сеньор Аракелов, сеньор Алехандро, сеньор батиандр...

— Что ж, коллега. Может быть, вы и правы — давайте говорить проще. Я понимаю, вас многое удивляло и раздражало у нас. Но поверьте, на все были причины. И достаточно серьезные.

— Верить и понимать — не одно и то же.

— Вот я и хочу попытаться объяснить. Чтобы вы, коллега, поняли. Без сомнений, вы за-

метили, что мы всячески старались не выпустить вас из станции.

— Да уж...

— Увы, опыт саботажа у нас слишком мал. Непростое это дело, оказывается. Потому вы нас и переиграли.

— Но зачем они были нужны, эти игры?

— Затем, чтобы вы избежали той самой встречи, о которой так захватывающе рассказывали сегодня.

Аракелов непонимающе уставился на да Галвиша.

— Вы хотите сказать...

— Да.

По словам да Галвиша обитатели «Лужайки одуванчиков» столкнулись с неотилозавром в самом начале вахты, во время первой же вылазки их батиандра — того самого Агостино, которого заменял сейчас Аракелов. Потом и остальные видели на экранах инфракрасного обзора и сонара, как этот Левиафан величественно проплывал невдалеке от станции.

— Он — хозяин здесь, коллега! Король глубин. Бог, если хотите. Древний, мощный и прекрасный.

Аракелов кивнул — это действительно было так.

— А теперь скажите мне, что выиграет человечество — вы, я, все — от того, что он окажется в каком-нибудь Маринленде и вынужден будет ютиться в тесном бассейне на потеху поч-

теннейшей публики? Или от того, что его чучело повиснет под потолком какого-нибудь Зоологического музея?

Знание, хотел было сказать Аракелов, но смолчал. Он сидел и слушал рассказ о том, как экипаж «Лужайки одуванчиков» решил утаить свое открытие. Они долго спорили, но в конце концов согласились с этим все. Ибо...

— Что началось, Алехандро, когда поймали первого целаканта? Целакантовая лихорадка — так бы я это назвал. Каждый музей хотел его иметь. Каждый институт хотел его препарировать. Каждый «спортсмен» хотел его поймать. И как ни охраняли его, как ни регулировали отлов лицензиями, но... Браконьеры находились всегда. Это же дело техники — поймать. А покупатели найдутся. И если теперь начнется тилозавровая лихорадка — что тогда? Ведь мы не знаем почти ничего. Численности популяции. Места, которое занимает он в экологии оазисов... Да что там — ничего мы еще не знаем! И начнись такое вот вмешательство — неразумное, стихийное, но не просто возможное — увы, обязательное, мы снова потеряем Морского Змея. На этот раз навсегда.

— И сколько же вы собираетесь молчать?

— Сколько сможем.

— Но после вас сюда придет другой экипаж.

— Может быть, мы сумеем убедить их. Может быть, сумеем убедить закрыть станцию.

— И так и не узнаете о Морском Змее. Ничего. Во веки веков.

— Мы будем знать, что он существует. И отчасти — благодаря нам.

— Прекрасно, — сказал Аракелов. Не ожидал он ничего подобного, но зато теперь стало понятным все, что прежде раздражало нелепостью и нелогичностью. — А как же с Монакской конвенцией?

— «Ни одно открытие в области наук об океане не может быть засекречено ни государством, ни организацией, ни группой лиц ни в каких целях и никоим образом», — процитировал наизусть да Галвиш. — Параграф третий, пункт пять «а». Мы об этом не забыли. Но помните ли вы, Алехандро, об ответственности ученого за судьбу своего открытия? О праве ученого на «вето»?

— Если закон входит в конфликт с совестью, значит, или совесть ошибается, или закон плох. Но ни в том, ни в другом нельзя разобрататься в одиночку. Об этом нужно говорить. Во всеуслышание. Лишь тогда рано или поздно всплывет правда.

— Господи, — вздохнул да Галвиш, — и как это Агостино угораздило схватить воспаление

легких? Извините, Алехандро, но если бы не вы — насколько проще все было бы!

— Однако я здесь, — сказал Аракелов. Сказал резко, словно подводя черту. — И я видел.

— Значит, вы не станете молчать?

— Нет, — сказал Аракелов. — Я просто не могу. Поймите, коллега, все мы делаем одно, общее, человеческое наше дело. Разве вы или я здесь сами по себе? Нет. За нами все те, кто создал нас, научил, направил сюда. Те, кто строил эту станцию. Те, кто сделал меня батиандром. Как же мы можем обмануть их? Разве этого они заслужили? Ведь если с любым из нас случится что-то, вся эта огромная человеческая машина придет в действие. Нас будут вытаскивать. Спасать. Океанский Патруль. Международный Океанографический Комитет. Люди на моем «Руслане». В моем институте. И не только они. Многие, многие другие. Так что же — всех их посчитать недостойными? Нет. Я так не могу. Они верят мне, а я должен верить им. Мы — одно. Одно тело и одно дело. И нами управляет закон. Есть Монакская конвенция — никому не дозволено ее нарушать. Тилозавровая лихорадка, говорите вы? Что ж, возможно. Значит, надо добиваться, чтобы зону эту объявили заповедником. И надо будет этот заповедник охранять. Если вы и впрямь хотите сберечь Великого Морского Змея, если дорог он вам — охраняйте! Нужно будет — я сам в егеря пойду. В Океанский Патруль. И на моей стороне будет право. Закон будет. И я всегда смогу доверять тем, кто стоит за мной. А они — мне. Это единственный путь, какой я вижу. А молчать... Нет. Не могу, не хочу и не должен.

Да Галвиш внимательно смотрел на Аракелова все время, пока тот произносил свой монолог. Может быть, затянувшийся чуть больше, чем надо. Но — уж как получилось... И впервые за все дни, проведенные на «Лужайке одуванчиков», Аракелов ощутил вдруг человеческий контакт.

— Понимаю вас, коллега, — сказал да Галвиш. — Позиция безупречная. Не согласен с вами, но понимаю. Но это теория. А доказательств-то у вас все равно нет. Есть ваше слово и есть наши слова. И только.

— Значит, война?

— Прискорбно, но так. — Да Галвиш поднялся, спрятал в карман четки, поклонился. — Спокойной ночи, Алехандро. И все-таки подумайте еще. Мы ведь тоже не один день думали...

— Подумаю, — пообещал Аракелов, пообещал искренне, потому что было о чем подумать после такого разговора. — Только вряд ли я надумаю что-нибудь другое.

Дверь за да Галвишем закрылась. Мягко и беззвучно. Араkelов остался один. Он посмотрел на торчащую из машинки седьмую страницу отчета с тремя сиротливыми строчками, оборванными на полуслове. Что ж, по крайней мере теперь все ясно. А значит, надо браться за дело. Он забарабанил пальцами по клавишам.

Через два часа отчет был готов. Подпишет его в таком виде Рибейра или нет — не суть важно. В конце концов Араkelов имеет право на вотум сепаратум. И правом своим не преминет воспользоваться. Что бы ни получилось из этого потом, он обязан был сказать правду. Даже если правда эта бездоказательна. Даже если на всю жизнь Великий Морской Змей останется лишь воспоминанием — тенью, постепенно растворяющейся в абиссальной тьме. Тенью, за которой он, Араkelов, мог лишь следить сонаром и латералью, судорожно нажимая на гашетку монитора...

Монитор?..

Араkelов выскочил из-за стола и почти бегом направился в шлюзовую. Скуттер был на месте — аккуратно подвешенная на таях двухметровая торпеда. Араkelов открыл донный лючок, запустил туда руки, нащупал гладкий пластик панели монитора. Еще несколько движений — и на ладонь ему выпал маленький стекловидный диск запоминающего устройства.

Автоматизм не подвел Араkelова и на этот раз — увлеченный зрелищем, он даже не вспомнил о съемке, но тренированные руки батияндра работали сами. И вот оно, доказательство. Все, что видел Араkelов, зафиксировано в этом диске. И это уже не оспоришь. Это не слово против слова. Это факт.

Араkelов не думал тогда, семя какого древа держит он в руке. Не предполагал, насколько сбудутся сказанные им да Галвишу слова. Осознать все это ему пришлось лишь годы спустя.

Фильм, смонтированный по араkelовским материалам, стал сенсацией. Монакский океанографический институт наградил Араkelова бронзовой медалью Удеманса; медаль эта, учрежденная в девяносто втором, должна была быть вручена тому, кто достанет первые документальные свидетельства существования глубинного монстра. Серебряная ожидала первого удачливого охотника на неодиозавра, золотая — хитреца, который сумеет поймать подводное «диво» живьем. Галапагосского Левиафана на звучной латыни нарекли «тихоокеанским неотилозавром Араkelова». Была во всем этом неправильность, которую Араkelов пытался доказать и объяснить, но процесс уже вышел из-под его контроля. Кто-то — и не только пятерка

обитателей «Лужайки одуванчиков» — при встрече перестали протягивать ему руку. Это было тяжело, и за ними стояла своя правда, и чувствовал Араkelов это, но изменить уже ничего не мог... И потому бронзовый кружок с профилем Удеманса был убран в ящик стола и никогда не извлекался оттуда...

Тем временем Галапагосские оазисы были объявлены подводной зоной заповедника имени Дарвина. Периметр заповедника охранялся Океанским Патрулем, но... Прав оказался да Галвиш — началась тилозавровая лихорадка, и валом повалили в заповедник всяческие любители острых ощущений, спортсмены-охотники, которых справедливее было бы назвать убийцами, браконьеры... С ними боролись. Их ловили. И только одного ни разу не удалось взять с полным именем — ловкого подлеца, получившего с чьей-то легкой руки прозвище Душман.

И вот теперь Араkelов уже тридцать восьмой час подбирался на своем «кархародоне» к тому единственному месту, которое могло быть — и было, наверняка было! — убежищем Душмана.

Араkelов не помышлял об искуплении вины. Не чувствовал он ее за собой, хоть убей. Но Душмана он должен был взять. Ибо никому не позволительно преступать закон. Самими же людьми установленный закон. И еще потому, что не мог Араkelов забыть запутавшейся в сетях патрульной субмарины. Такого не прощают, Душман!

IV

Клайд еще вводил свою «Лилию» вверх, помалу выравнивая аппарат, когда внизу, под ним, субмарина Океанского Патруля, проскочив метров на триста вперед, запуталась в поставленных Клайдом сетях. Пентауретановые тросы намотались на винт, так что теперь архангел был обезврежен. Если повезет, он всплывет, продув цистерны: может, расчалки ловушки и не выдержат такой нагрузки. А выдержат — что ж, никто не мешает позвать на помощь. Вытащат его, втык дадут — и правильно, не лезь, дурак, один в такое дело. Славы, видишь ли, захотелось — как же, в одиночку Душмана взял. Взял один такой! Посиди, посиди, красавчик... Вот только сетей жалко. Их конструкцию разработали Клайду ребята из Океанографического института в Ла-Джолле, а заказывать ловушку по их чертежам пришлось в Турку, и это встало Клайду ни много ни мало в двадцать тысяч — как раз весь аванс, полученный под первого гада...

Потом Клайд тащился к своему убежищу. Именно тащился, потому что без носового балласта идти — это сплошной цирк и высший пилотаж. Но дополз-таки на четырех узлах, а теперь предстояло отсиживаться, потому что здесь его, конечно, не найдут, в голову никому не придет искать здесь. И может, придется проторчать здесь не четверо, а все семь суток, чтобы там поуспокоились. Да хоть десяток! Тут тепло, светло и не каплет. И одиннадцать серий «Заклинателей страха». И выспаться можно.

Одна беда — не спится. Черт его знает, почему. Раньше всегда замечательно спалось. И не в том дело, что над ним сейчас три километра воды. Когда они Челленджерскую колонию вытягивали — на пяти спал...

Да, славные времена были раньше. Когда их троица — Майкл Кинг, Дон Роуз и Клайд Лайон, — три непрофессионала, три дилетанта, утерли нос всем подряд. Китаю, можно сказать. И каким! «Локхид», «Макдонелл-Дуглас», «Корнинг Гласс Уоркс» — это вам не фунт изюму. И ведь как все легко начиналось!

Свой первый батискаф они построили сами. Втроем. Собственными руками. Просто хотели доказать — можно это. И родился «Пустик-Дутик», трехместный батискаф, примитивный, как бумеранг. И такой же эффективный. Вот и все, что у них тогда было: «Пустик-Дутик» и «Морж», девяностодевятитонный катер третьего года постройки, который они приспособили под обслуживающее судно. У них были большие долги и маленькая фирма — «Андеруотер сервис, инкорпорейтед», со штатом в три человека и одного несовершеннолетнего коалу. Потом, когда первые подряды принесли первые доходы, они смогли нанять двух механиков, трех матросов и секретаршу — для солидности. И снять маленький оффис в Брисбене. А потом к «Пустик-Дутику» прибавилось еще два подводных аппарата — уже не своими руками построенных, но все равно самими выношенных, продуманных до мелочи, до заклепочки. Два близнеца, «Двойнюшечка» и «Двойняшечка». Это была Майклова идея: раз уж есть у нас «Морж», то пускай и все остальные из той же компании будут...¹ «Моржа»-то они так и купили, с названием вместе...

Заказов им хватало — спрос на подводные работы рос, а большая часть глубоководных аппаратов выполняла правительственные и международные программы. И началось процветание — не бурное, а так, помаленьку, но неуклонно. Тогда и родилась «Тигровая Лилия». Это был

¹ Морж, Пустик-Дудик, Двойнюшечка, Двойняшечка и Тигровая Лилия — персонажи сказки Льюиса Кэрролла «Зеркалье».

их шедевр. Их лебединая песня. Лебединая, потому что вскоре Клайд вышел из фирмы и при дележе паев «Лилия» досталась ему. Ни о чем другом он и не мечтал.

Всему виной один хмурый вечер и Астрид, которая ушла, не попрощавшись, и делать было нечего, кроме как пойти в кабаки. Там его и словил этот сукин сын Коувел. А почему сукин сын? Не показался он тогда Клайду сукиным сыном — вовсе нет. И денежки, которыми Коувел поминал, тоже вполне заслуживали внимания. За одну удачную вылазку можно получить втрое больше, чем зарабатывала их фирма на любой своей операции. И был в этом предложении некий щекочущий авантюрный привкус, который Клайду оказался донельзя по душе. Было даже благородство некое. В конце концов, ну охраняют здесь этих гадов морских. Так что с того? Кто их тут видит? А тех, что запутывались в Клайдовы сети, видят многие. Дурбанский океанариум где получил своего? Там тысячи посетителей на это чудище пялятся. И в Веллингтонском океанариуме пусть смотрят, любуются этой пакостью — Клайд Лайон для них расстарался. За свои полста тысяч. И в тех частных лавочках — у Красса М'Коро, у Галин-Гарида, у Фегерайдо... Да много их! Вот только у Роулинстона — это вопрос еще, когда будет. Потому что попался Клайд. Теперь выкручиваться придется, ох, как выкручиваться! И с долгами, и с новой сетью, и того гляди эта гнида Роулинстон неустойку потребует... Да только — к кому еще ему соваться? Кто ему еще это устроит?

Потом-то поди спрашивай — откуда взялось, мол, диво морское? Океан велик. А на деле где взять? Здесь. В Галапагосских оазисах. В международном морском заповеднике, который имени Дарвина. И может это пока только он — Клайд Лайон. Неуловимый Душман. Король браконьеров Душман. Везучий Душман. И никто другой.

Душманом прозвали его архангелы из Патруля и яйцеголовые из заповедника, но Клайду понравилось. Была и в этом какая-то своеобразная романтика. Душман. Обреченная какая-то романтика.

Клайд заворочался, попытался было устроиться поудобнее и заснуть, но снова не получилось. В глаза словно песком сыпанули, а все равно — не получилось...

Тогда он встал, пошел в камбуз, сварил кофе — покрепче да погорячее, вернулся в салон и включил телевизор.

Четвертая серия «Заклинателей праха» — одна из лучших. Как раз там Дайк Леман обретает власть над серыми зомби. Чистая Ривьера!.. Ладно, раз не уснуть, — посмотрим...

V

Монотонная часть аракеловского похода кончилась. Два часа назад он перевалил через край окаймлявшего рифтовую долину хребта и углубился в провинции склона, двигаясь на запад-юго-запад — почти перпендикулярно прежнему направлению. И вот, наконец, его сонар нащупал характерный профиль Шалаша — двух подпирающих одна другую огромных, в сотню квадратных метров, а то и больше, каменных плит. Здесь он оставил свой «кархародон». Дальше предстояло добираться вплавь: если Душман действительно отсиживается там, где Аракелов рассчитывал его найти, и если он не совсем потерял бдительность, что маловероятно, хитрая это лиса — Душман, то начиная с этого места ему ничего не стоит засечь двигатель аракеловского скуттера. Самого же батияндра засечь — дело непростое. Этого Аракелов не боялся.

Когда Шалаш остался в милях двух позади, Аракелов остановился и прислушался. Приводной маяк станции молчал — аракеловский сонар не смог уловить его характерного попискивания. Впрочем, так и должно было быть. В любом случае, там Душман или нет. Так что молчание маяка нельзя было считать аргументом ни «за», ни «против». Но «за» говорили чутье и расчет, и Аракелов продолжил путь. Похвастаться тем, что хорошо помнит здешние места, он при всем желании не мог: был здесь недолго, месяц всего — тогда же, восемь лет назад; именно отсюда его и перебросил на «Лужайку одуванчиков» развездной мезоскаф Океанского Патруля. Аракелов в тот раз успел предпринять всего три сорокачасовых вылазки и потому не смог еще по-настоящему познакомиться с окрестностями. Однако какие-то ориентиры отложились все же в подсознании, и сейчас он не то чтобы вспоминал, но узнавал их. А через полчаса, ощутив в какой-нибудь полумиле перед собой четкий, непохожий на все окружающее силуэт станции, убедился, что память не подвела.

Здесь, у подножия хребта, где пересеченный рельеф провинций склона постепенно переходил в слабосхолмленную абиссальную равнину, сложенную пелагической красной глиной и сглаженную отложениями глобигеринового ила, в тридцать четвертом была построена станция — будущий центр рудничного поселка. Простиравшиеся вокруг поля железомарганцевых конкреций сулили руднику радужное будущее, и потому «Андеруотер Майн Интернейшнел» приобрела на этот участок концессионные права. Залежи и впрямь оказались богатыми — в их оценке Аракелов как раз и принимал в свое вре-

мя участие. Но горы меди, никеля, кобальта, марганца и ванадия так и остались сладостной мечтой концессионеров: места эти вошли в окраинную зону заповедника имени Дарвина, и компании пришлось уступить свои права на территорию. Проходило это непросто, негладко, но в конце концов как-то утряслось, какие-то фонды компенсировали расходы «Андеруотер Майн», Международный Океанографический Комитет предложил ей для разработок другие участки, подписали соглашение, причем компания вряд ли оказалась внакладе, а станция так и осталась памятником несбывшимся мечтам — демонтировать ее было себе дороже. Из-за окраинного местоположения для биологов заповедника интереса она не представляла, и постепенно о ее существовании попросту забыли. Настолько, что когда Аракелов, перед тем как отправиться сюда, послал в «Навиглоб» запрос обо всех подводных сооружениях этого района, в список она не попала. Именно это и насторожило Аракелова — он-то прекрасно помнил станцию, на которой проторчал почти месяц. Тогда он поинтересовался данными о демонтированных объектах. Этого зародыша рудничного комплекса, не успевшего даже получить название и потому фигурировавшего во всех документах просто как «АМИ-01», не оказалось и во втором перечне. И лишь когда Аракелов потребовал информацию о законсервированных подводных сооружениях, банк выдал ему сведения об «АМИ».

Забытая всеми станция — идеальное убежище для Душмана. Только те, кто работал на «АМИ» или участвовал в ее проектировании — а много ли таких? — могли бы до этого додуматься. Дело в том, что для проектирования «Андеруотер Майн» пригласила не специалистов по глубоководной технике, а конструкторов орбитальных систем. Мол, свежий взгляд, отсутствие стереотипного мышления, оригинальные инженерные решения... «АМИ-01» и впрямь получилась необычной. Главное же — полностью автономной. Кислородом ее снабжали мощные жабры Робба-Эйриса, энергией — термоэлектрический генератор пятого поколения, концы термодар которого были разнесены в зоны с разной температурой. Хотя перепад был не так уж велик, для нужд станции его хватало с избытком. И потому консервация «АМИ» являлась по существу фикцией — любой, кто мало-мальски разбирался в этой технике и взял бы на себя труд ознакомиться с документацией, мог обосноваться тут совершенно спокойно. И кому бы пришлось в голову искать Душмана именно здесь, в черте заповедника? Если уж даже информа-

дионный банк «Навиглоб» выдал сведения о ней лишь с третьего захода, что говорить о памяти человеческой?

Теперь предстояло проверить, насколько правильны были аракеловские умопостроения.

Лишь бы Душман был здесь!

И вдруг Аракелов аж застонал: что толку-то? Всю дорогу он представлял себе, как проникнет в станцию, как возьмет Душмана за грудки и начнется этакая ковбойщина с мордобоем. Мерещилась Аракелову классическая кинодрака с опрокидыванием мебели и битьем посуды — не зря же в конце концов в военно-морском училище вдалбливали в него некогда приемы рукопашного боя. Конечно, отчехвостят его потом за рукоприкладство, но — переживется. Зато сейчас можно будет отвести душу, благо никаким формальным положением Аракелов не связан. Не представляет он ни Океанский Патруль, ни Интерпол, ни... Так, частное лицо. Вольный батиадр, так сказать. И следовательно, может позволить себе роскошь набить морду браконьеру. А потом — Душман поверженный; Душман связанный; торжество Фортинбраса. И вызов патрульной субмарины...

Но рухнуло все. Вмиг. Так просчитаться! Он ведь не сможет даже войти в станцию! Для этого кто-то должен работать на аппаратуре батиадрогена. Отсюда, снаружи, включить ее невозможно. И потому Душман остается недостижимым — даже если в самом деле отсиживается он на станции.

А Душман был здесь. В этом Аракелов убедился, заметив слабый свет, исходящий из иллюминатора. Оставить осветительную сеть включенной при консервации станции не могли — невозможно это. На то и существует контрольная карта. Некому здесь быть кроме Душмана — ясно, как дважды два. К стыковочному патрубку была пришвартована субмарина — судя по контуру, не патрульная. Вообще незнакомой конструкции. Душман. Больше некому, он!

Аракелов осторожно приблизился к субмарине. Хороша машина. Двенадцатиметровое обтекаемое тело, движитель — дельфиний хвост, эффективно, ничего не скажешь, выигрыш в скорости при том же двигателе процентов тридцать... Никаких иллюминаторов — телевизионный обзор, значит; четыре мощных прожектора, внешние манипуляторы — смотри-ка, такими в пору морские узлы вязать, вот это да... По борту, чуть ниже маленькой рубочки, крупные люминесцирующие буквы: «Тигровая Лилия». Вот, значит, она такая, знаменитая душманова субмарина. Название ее в Патруле знали, и слышать его Аракелову приходилось, а вот увидел впервые.

И не мог не залюбоваться. По слухам, Душман сам проектировал свою «Лилию». Если правда — то как мог человек, способный создать такое инженерное чудо, докатиться до браконьерства? И еще какого! Нет, не укладывалось это в голове у Аракелова — хоть убей, не укладывалось...

Как бы то ни было, ситуация сложилась парадоксальная. Нашел Аракелов Душмана. Вот они оба: Аракелов — здесь, подле станции, скрывается во мраке, аки тать в ющи; Душман — там, внутри, почитывает себе, чаи гоняет, виски хлещет, хоть спит — какая разница. Важно, что для Аракелова он недоступен. Ибо не станет обслуживать батиадрогенный комплекс, чтобы Аракелов смог войти в станцию. Нет, не станет... И что же теперь, собственно, делать?

Дождаться, пока прибудет обещанный Аракелову «Джулио делла Пене», спустит баролифт, вернуться на поверхность и сообщить, что Душман здесь? Тоже выход, конечно; только где гарантия, что за это время не сбежит Душман? Не решит, что можно уже? Ищи тогда ветра в поле...

Что же делать?

Аракелов медленно поплыл вокруг «АМИ», держась примерно в двух метрах над дном. Двадцатиметровая сфера нависла над ним, и Аракелов чувствовал себя морским диверсантом прошлого, пробирающимся вдоль крашенного суриком брюха какого-нибудь линкора или на худой конец крейсера в поисках места, где лучше установить мину. Таким фрогменом. Человеком-лягушкой из Десятой флотилии МАС или соединения «К». Вот только мины у него не было.

Диверсантом?

А что, в этом есть резон. В конце концов, что важнее всего? Взять Душмана. Раньше или позже — не суть. А чтобы взять — достаточно изолировать его. Изолировать можно даже здесь, в станции. Пусть себе сидит и дожидается. Лишь бы уйти не смог.

Только — как это сделать?

Аракелов задумался. Теперь перед ним встала уже чисто техническая задача, а значит, с ней можно было справиться.

Изолировать — значит, лишить возможности покинуть станцию. Покинуть же ее Душман может только на своей «Тигровой Лилии». Следовательно...

Аракелов подвсплыл и тщательно исследовал стыковочный узел, одновременно вспоминая все, что знал о конструкции станции. Гигантские подводные сооружения, способные принимать батискафы, мезоскафы и субмарины в шлюз, пока еще можно было пересчитать по пальцам.

Стандартные купола, как правило, оснащались верхним люком — таким, как на «Лужайке одуванчиков». Сферические донные лаборатории с положительной плавучестью, удерживаемые тросами мертвых якорей, проектировались обычно с донными люками. Однако конструкторы «АМИ» пошли по иному пути. Здесь был почти без изменения использован стандартный космический стыковочный узел. Фигурная горловина люка подводного аппарата совмещалась с переходным патрубком «АМИ». По достижении определенного усилия срабатывали концевые выключатели, врубая ток мощных электромагнитов, которые и соединяли субмарину со станцией в единое целое. Одновременно включались насосы, откачивающие те немногие литры воды, что оставались между крышками лодочного и станционного люков, потом люки распахивались — путь открыт. В сущности, для того, чтобы отстыковать «Тигровую Лилию» от станции, достаточно было выключить электромагниты. Но как это сделать? И — что за этим последует? «АМИ», естественно, ничто не угрожало: ее конструкцией предусматривалась блокировка, и едва выключатся электромагниты, как захлопнется и люк переходного патрубка. Это ясно. А вот как с субмариной? Предусмотрел ли такую блокировку Душман? Ведь в противном случае «Лилия» мгновенно заполнится водой и затонет. Аракелову жаль было ни в чем не повинного судна, прекрасного судна, доставшегося такому подонку, как Душман. И главный вопрос — как выключить электромагниты?

Итак, два вопроса.

От ответов на них зависел исход всего аракеловского предприятия. Найдется ответ — хорошо, а нет — значит, зря он сорок с лишним часов тащился сюда, зря идет сейчас на randevу с ним «Джулио делла Пене», зря поверили ему все те, чье незримое присутствие постоянно ощущал он за спиной...

Аракелов неторопливо, дециметр за дециметром обследовал поверхность переходного патрубка — пятиметровой трубы в Человеческий рост диаметром — и прилегающую часть борта станции. Света он не рисковал зажигать, сонар на таком расстоянии помогал мало, и потому приходилось в основном полагаться на осязание, попросту говоря — искать ощупью. Что именно он искал, Аракелов, пожалуй, и сам бы не сказал. Но инстинкт подсказывал, что искать надо, что может тут обнаружиться нечто, способное облегчить его задачу.

Он занимался этим два часа — спокойно, планомерно и методично, целиком отдавшись ощущению полированного альфрама под руками.

Он не думал ни о времени, которого оставалось уже почти в обрез, ни о Душмане, отсиживавшемся за непроницаемой металлической оболочкой станции и не подозревавшем даже о его, аракеловском, присутствии. И в конце концов наткнулся на то, что и было ему нужно. Маленький, тридцать на сорок сантиметров, лючок. Сумку с инструментами Аракелов, к счастью, взял с собой, не оставил в «кархародоне» — хотя скорее инстинктивно, чем осмысленно — и теперь благословил свою предусмотрительность. Он подцепил крышку лючка, та легко откинулась, и Аракелов осторожно подсветил себе фонариком, до отказа сузив его луч. Здесь проходили силовые кабели. Не самая удачная идея. Аракелову вспомнилось, что это и было одной из причин, почему неплохая в общем-то станция не пошла в серию. Специалисты из космической промышленности, плененные сходством космоса и гидрокосмоса, слишком многое вытащили наружу, забыв, что подобраться к таким вот смотровым лючкам, например, в невесомости и вакууме — это одно, а в гидроневесомости на трех- или пятикилометровой глубине — совсем другое. Далеко не на каждой станции пока еще были свои батианды... Защита от среды была предусмотрена идеально, а вот удобство... Потому и пошли доводки, переработки, и дело как-то увязло, тем более что «Андеруотер Майн» малопомалу потеряла интерес к этому проекту, сделав ставку на управляемых с поверхности роботов. Однако сейчас конструкторская промашка пришлось весьма кстати.

Аракелов рассмотрел схему, вычерченную на внутренней стороне крышки лючка. Так, значит, два кабеля питают электромагниты. Прекрасно! И если разъединить вот эти муфты... Так... И так... Готово! Бедная «Тигровая Лилия», станут ли ее поднимать? Жаль терять такой аппарат, но кому будет дело до этого частного имущества?..

Ничего внешне эффектного не произошло. Да и не могло произойти. Просто лишённые питания магниты перестали удерживать душманову субмарину, а внутри переходного патрубка с лязгом, толчком отозвавшимся в аракеловских руках, захлопнулся люк. Аракелов смотрел на «Тигровую Лилию»: слабенькое течение, скатывающееся со склона в сторону абиссальной равнины, сейчас оттащит ее на несколько сантиметров, вырвется из разверстой пасти люка воздушный пузырь... Но пузыря не было. Субмарину действительно оттащило, но люк ее оказался закрытым. Ай да Душман! Сволочь, но инженер! Предусмотрел-таки блокировку. Аракелов улыбнулся. Он достал из сумки с инстру-

ментом пищалку и, подплыв к «Тигровой Лилии», налепил ее на люк рубки. Теперь, куда бы не отнесло ее течениями, разыскать субмарину будет нетрудно — по крайней мере, пока не истощатся батареи маячка.

Аракелов вернулся к переходному патрубку, снова залез руками в лючок и соединил муфты. Теперь можно было вновь пристыковаться к станции — магнитные захваты сработают. Только будет это уже не «Тигровая Лилия», а скорее всего, патрульный мезоскаф. Впрочем, это уже не его, аракеловское, дело.

Это дело Океанского Патруля. Дело заповедника имени Дарвина. И дело Душмана.

А ведь Душман не мог не услышать, как хлопнулся люк, подумал Аракелов. Ох, и дергается же он теперь! Небось, не может в толк взять, что произошло. И пожалуй, к лучшему вышло, что не пришлось Аракелову врываться в станцию и устраивать там побоище. Определенно к лучшему. Дело сделано, и пусть интересуются душмановой судьбой те, кому это положено. Пусть определяет ее закон.

На миг Аракелову захотелось подплыть к иллюминатору, заглянуть внутрь станции, посмотреть, каков же он из себя, Душман? И что он теперь делает? Но, не оформившись даже до конца, желание вдруг исчезло. Аракелову стало попросту неинтересно.

Аракелов рассовал по отделениям сумки инструмент и поплыл к Шалашу. Он не испытывал

ни триумфа, ни даже удовлетворения от успешно выполненной работы. Была только полная опустошенность. Пойман Душман или нет, никто и ничто уже не воскресит погибшего патрульного. Никто и ничто не воскресит уже убитых Душманом Морских Змеев. Ибо единожды сделанное делается навсегда. И есть в этом безнадежность, от которой стынет душа.

Час спустя Аракелов уже садился в «кархародон». До точки randevу с баролифтом «Джулио делла Пене» отсюда было миль десять — час спокойного хода. Аракелов задал курс авторулевому и включил двигатель.

Скуттер нес его сквозь мрак гидрокосмоса. Где-то вддали, невидимый и неощутимый, скрывался в этой тьме Великий Морской Змей, тихоокеанский неотилозавр Аракелова. Где-то в этой тьме бродили неведомыми путями его ближайшие родичи — «долгоносики», Чудовище «Дипстар», Змей Ле-Серрека, Чудовище «Дзуйио-Мару»... Они должны были жить спокойно, ибо их охранял закон — придуманный и принятый людьми. И совсем рядом, в каких-то двух милях к югу, скрывалась в этой тьме законсервированная рудничная станция «АМИ-01», где ожидал своей участи Душман — человек, этот закон преступивший. А там, наверху, в сотнях миль отсюда, спешил к Факарао «Ханс Хасс», унося тело человека, который пытался встать на пути у Душмана. И там же, наверху, но уже совсем рядом, представляли мысленному взору Аракелова «Джулио делла Пене» и люди, готовившиеся принять его на борт.

Люди готовили его, Аракелова, чтобы мог он работать здесь, в этой подводной тьме. И люди встречали его. Он был плотью от плоти и мыслью от мысли этого человеческого мира. Он не знал никого на борту «Джулио делла Пене»; он успел познакомиться всего с несколькими людьми на борту «Ханса Хасса»; среди них вполне могли оказаться такие, с кем он вряд ли захотел бы встретиться вновь. Но всех их объединяло одно — то самое, чему пытался противопоставить себя Душман. Они были вместе. Каждый из них представлялся сейчас Аракелову пучностью некоего незримого поля. Поля дружеских рук. Поля уверенности и надежды. И пока оно существует, ты не можешь остаться один. Никогда.

Аракелов взглянул на слабо светящееся окошечко курсографа: до точки randevу оставалось четыре мили. И ему вдруг нестерпимо захотелось наверх — к солнцу. К ветру. К людям.

ВИКТОРИНА: какой ей быть?

Прочитируем вначале письмо из города Горького — от 23-летнего Сергея Жгулева, который работает фотографом, учится в политехническом институте, наш журнал выписывает уже 12 лет.

«Сегодня я получил № 12, — пишет Сергей, — и первым делом открыл его на страничке «Калейдоскопа». Я всегда так делаю. Особенно в конце и в начале года. Интерес мой, думаю, вам понятен. Конечно же: викторина!

И вот в № 12 я читаю: «быть или не быть викторине?» Ответ здесь может быть только один: конечно, быть!!! Смысл в ней есть — и немалый. Во-первых, отличный стимул — книга с автографом. Трудно представить что-нибудь более желанное для любителя НФ. Во-вторых: это же просто дьявольски интересно — искать ответ на вопрос о любимом предмете! В-третьих: «Уральский следопыт» — журнал для юношества, а викторина — это отличная тренировка памяти и внимания, так необходимых учащимся школ и вузов. В-четвертых: НФ викторина («Уральского следопыта») уникальна! (Передача ЦТ «Этот фантастический мир» не в счет). Ни один журнал (из доступных) не печатает ничего подобного! Я могу привести еще и в-пятых, и в 105-х, и все они в пользу викторины...

Вы пишете, что вопросы викторины чрезмерно усложнились. Это, по-моему, не совсем верно. Вопросы должны быть сложными — иначе на них неинтересно будет отвечать. Мне кажется, что их нужно разделить не только по турам, но и по возрастным группам. Ведь НФ любят и младшие школьники, а уровень знания НФ у студента третьего курса и у пятиклассника, согласитесь, различный...

Письмо Сергея по поводу викторины — не единственное в почте отдела.

«Ежегодно ваша викторина позволяет прочитать заново много книг, до которых в обычное время не доходят руки, — пишет, например, из Мисса Игорь Воронов, работающий на Уральском автозаводе. — Я всего один раз послал свой ответ, но отвечаю на вопросы уже лет восемь. Поэтому я не представляю ваш журнал без

викторины, да и просто не могу без нее...»

«Я принимал участие во всех выпусках викторины, даже находясь в армии, — читаем в письме Александра Почева, шахтера из города Донского Тульской области. — А сейчас — что же? Закрывать эту увлекательнейшую игру, из которой можно почерпнуть огромнейшую информацию и которая вошла в твою плоть как нечто органическое?!»

Что ж, будем считать, что с вопросом: быть или не быть? — все ясно, ведь примерно о том же пишут и другие наши читатели. И те, кто не был прежде нам известен, поскольку отвечал на викторину «для себя». И наши старые знакомые, в том числе и такие, кто, как Александр, можно сказать, вырос на наших глазах. И не было — до сих пор — ни одного письма, в котором поощрялось бы решение отдела «заморозить» викторину...

Читатели пытаются отвечать и на второй, главный теперь для нас вопрос — какую же ей, викторине, быть? Но, видимо, все-таки робеют (как, в общем-то, и мы сами) перед сложившейся за многие годы традиционной ее формой: кардинальных, решительных преобразований не предложил пока никто.

Может быть, стоит отвлечься на время, позабыть об 11-летнем существовании наших викторин, вообразить: вот перед вами пустое место, чистые журнальные страницы, полнейший простор для вашей выдумки, эрудиции, смекалки! Вы же — любители фантастики, инерция мышления (согласно распространенным ныне дифирамбам в адрес НФ) должна бы быть у вас минимальной! Дерзайте же, на вас смотрят с надеждой, ждут результата пусть не все 385 тысяч наших подписчиков, но, во всяком случае, многие из них... Впрочем, стоп-стоп: а на самом-то деле — многие ли? Давайте-ка рискнем выяснить, наконец, и это!

Просьба к вам, читатели: пусть каждый, кто за викторину либо против нее (равнодушных, естественно, не спрашиваем, а контрдоводы — всегда интересны, особенно если они, под-

креплены аргументами), сообщит нам письмом или открыткой свое мнение. Нам действительно пора бы знать, на кого же работает наша викторина: только ли (высказывалось и такое) на владельцев роскошных библиотек? Оттого укажите, пожалуйста, свой возраст и род занятий, а также — где берете фантастику для чтения: в собственных книжных шкафах? в библиотеке? у друзей и знакомых?

Отдел будет признателен за любые соображения — и не только о викторинах, но и о «Калейдоскопе» в целом. Ведь викторина не изолирована от него — о том свидетельствуют и нынешние ваши письма.

(Так, Ф. Колосов из Зеленокумск Ставропольского края пишет: «Мне кажется, полезны обзорные статьи. Нужно помочь читателю разобраться в различных направлениях в фантастике. За рубежом фантастику преподают в учебных заведениях. Пусть статьи в вашем журнале будут учебным пособием, а викторины заданиями...» Интересная мысль? Стоит иметь ее в виду, размышляя над новыми викторинами?)

Нам, разумеется, очень хотелось бы услышать и конкретные замечания: о чем, на ваш взгляд, следовало бы написать в «Калейдоскопе», а мы упускаем, незаслуженно оставляем без внимания? Возможно, кто-то из вас предложит и готовые собственные материалы для этого раздела — небольшие по объему, любопытные по содержанию?

Кстати, давайте сразу посоветуем — и вот о чем. В предыдущем номере мы объявили о заочной встрече читателей с Аркадием и Борисом Стругацкими (полагаем, что адресованные им вопросы — уже в пути), Кого из советских писателей-фантастов пригласить в гостинию «Уральского следопыта» в следующий раз?

Надеемся на вашу активность, товарищи читатели! Ибо кто же еще, если не мы с вами, позаботится о том, чтобы стал интереснее наш с вами журнал?

Отдел НФ

пермский летописец

Игорь НЕПЕИН

Невозможно представить себе пермский край без жизни и деятельности Д. Д. Смышляева. Именно он положил начало систематическому изучению Пермской губернии. Дмитрий Дмитриевич писал, редактировал, издавал книги и статьи по истории, земскому движению, экономическому положению края.

Д. Д. Смышляев родился в Перми 22 февраля 1828 года. Отец его происходил из старинного купеческого рода. Был он недюжинного ума, сильной воли и отличался независимостью в суждениях и в выборе друзей. Он воспитывал сына строго, мечтал сделать из него умного и дельного коммерсанта.

После окончания гимназии Дмитрию хотелось посвятить себя науке, но отец настойчиво продолжал склонять сына к купеческому ремеслу. Стал посылать его в различные города России, давая всевозможные коммерческие поручения. Сибирь, Казань, Нижний Новгород, Москва, Петербург — такова география путешествий юного Смышляева. Но на стороне, вдали от отцова ока, он поступал по-своему: большую часть времени проводил не в мире купцов и предпринимателей, а в кругу представителей науки и искусства.

В 1851 году отец отправил сына за границу. Первая заграничная поездка продолжалась восемь месяцев и имела для него огромное значение — мир раскрылся перед ним во всей своей полноте.

Вскоре после заграничной поездки тяжело заболела мать, и врачи посоветовали отправить ее на кавказские минеральные воды. Смышляев с сестрой Ф. Д. Солодовниковой сопровождала больную. На Кавказе познакомился он с Л. Н. Толстым. Н. Солодовникова писала:

«Там моя мать Феодосия Дмитриевна встретила с сестрой графа Льва Николаевича Толстого, Марией Николаевной, с которой воспитывалась в Казанском Родионовском институте. Мария Николаевна представила ей своего брата, тогда

еще только начинающего писателя, а моя мать в свою очередь познакомила Толстых со своими родственниками. По рассказам моей матери, они прожили под одной крышей весь сезон. Некоторые свои сочинения Лев Толстой читал моей матери в рукописи».

В «Дневниках писателя» за 1853 год у Л. Н. Толстого есть такая запись: «18(19) сентября. Ничего не делал, нынче начал было писать, но лень одолела, вечером был у Смышляева и писал стихи».

Пришла телеграмма из Перми, и Дмитрий Дмитриевич должен был вернуться на родину. На обратном пути неожиданно умирает мать. После ее смерти Дмитрий начинает вести довольно рассеянную светскую жизнь, принимая участие в любительских спектаклях, литературных вечерах. Встречается с дочерью советника местной казенной палаты Марией Петровной Васильевой, ставшей впоследствии его женой.

Новый удар — смерть отца — круто повернул судьбу Дмитрия. Вскоре после этого он ликвидировал все дела покойного и всецело отдался изучению родного пермского края.

В 1859—1860 годах Дмитрием Дмитриевичем были изданы на собственные средства сперва первая, а затем вторая книги «Пермского сборника», обратившие на себя внимание не только в России, но даже и за границей.

«Пермский сборник» вызвал лестные отзывы лучших передовых журналов того времени. Так, в 1859 году журнал «Современник» в № 10 поместил статью, автор которой писал:

«Пермский сборник», по поводу которого мы распространились о провинциальной литературной деятельности, может служить прекрасным доказательством того, как может у нас, в провинции, оказаться дельных и образованных людей, если только представится им слу-

чай и удобство обнаружить свою деятельность».

В первой книге «Пермского сборника» 16 статей, большей частью исторического и этнографического содержания... Из них две статьи принадлежат лицам столичным и известным в нашей литературе...

Остальные 14 статей написаны девятью местными авторами, совершенно неизвестными в нашей литературе. Между тем в большей части этих статей высказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какие не всегда встретятся в столичных журналах...»

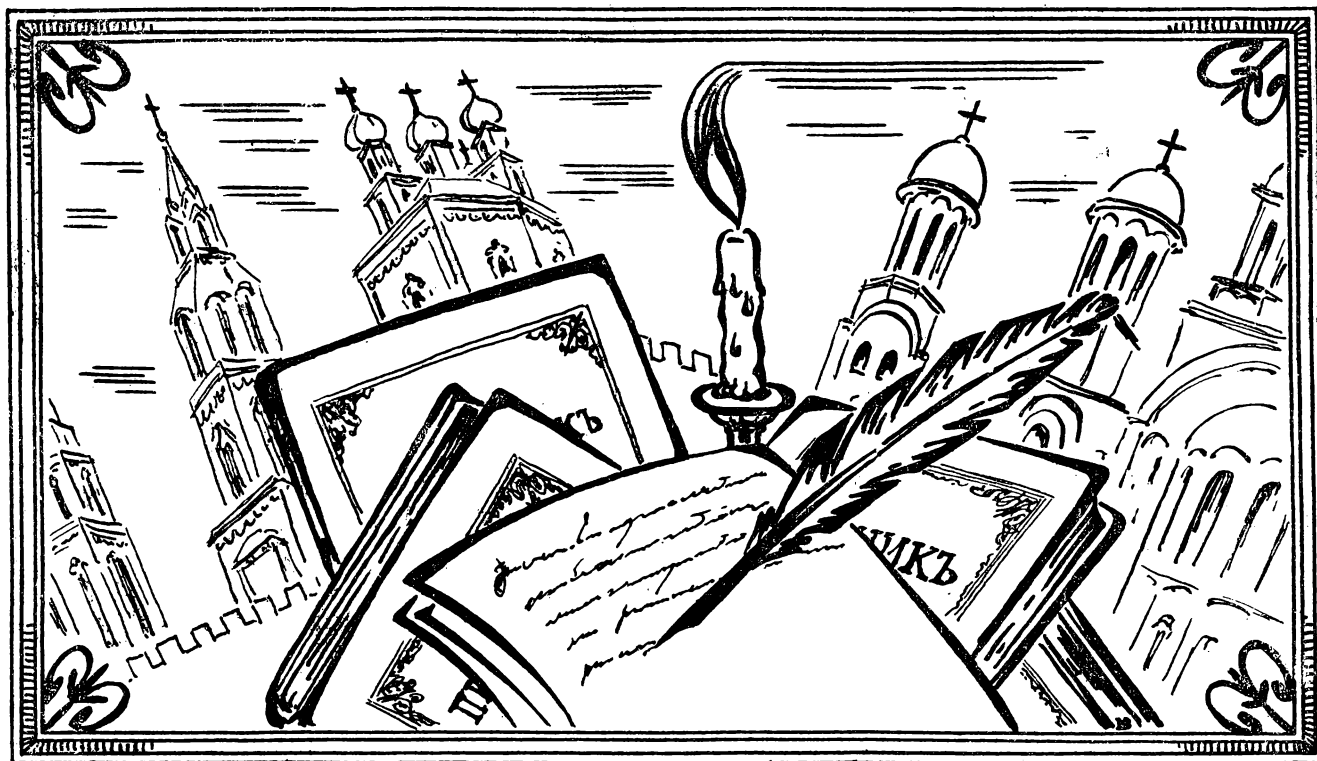
Кто же является автором этой статьи, подробно разобравшим первую книгу, вышедшую под редакцией Д. Д. Смышляева? Н. А. Добролюбов — революционер-демократ, выдающийся литературный критик. Значит, стоил того сборник, чтобы Добролюбов посвятил ему такие строки, которые, конечно, способствовали успеху сборника не только в Перми, но и в центральной России.

Насколько библиографические справочники облегчают труд исследователя! Может ли один человек составлять подобные справочники? В настоящее время навряд ли. Но в прошлом веке В. Даль создает «Толковый словарь». Сейчас говорят, что такая работа под силу лишь целому институту. Смышляев также трудился в полном одиночестве, даже издавал свои книги на свои деньги.

После первой удачи Д. Д. Смышляев решил составить подробный указатель литературы по Пермской губернии. Материалов, имеющих в Перми для подобной работы, явно не хватало. Необходимо было ехать в Петербург, обследовать два крупнейших книгохранилища дореволюционной России — библиотеку Академии наук и государственную публичную библиотеку.

Работа предстояла огромная:

одному, без помощников, выбрать из моря книг нужные.

Три зимы Д. Д. Смышляев живет в Петербурге и исправно посещает обе библиотеки, просматривая тысячи названий.

Книга «Источники и пособия для изучения пермского края» вышла в Перми в 1876 году. Общее количество учтенных автором работ составляет 1650 наименований. Появление книги явилось целым событием. Не одно поколение краеведов обращалось к ней за справками. Не утратила она своего значения и в наши дни.

Следующая работа Д. Д. Смышляева — настоящий подвиг во имя краеведения: «Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» за период с 1842—1881 гг.». Первый выпуск сборника вышел в 1882 году. Для его составления необходимо было просмотреть газету «Пермские губернские ведомости» почти за сорок лет. Автором учтено 1825 названий. Через три года выходит вторая часть сборника.

Вот какую школу прошел Д. Д. Смышляев, прежде чем создал свои уникальные справочники-указатели, которые вот уже более ста лет служат всем, кто интересуется Пермским краем.

В 1870 году в Пермской губернии появляются земства. В Ирбитском уезде Смышляев был заочно избран в уездные гласные, а затем в губернские в Перми, стал председателем губернской земской управы. В этой должности на первый план он выдвинул три основных вопроса: народное образование, медицину и улучшение экономического быта населения. Большое значение он придавал подготовке преподавателей для начальных училищ. С этой целью он составил проект устройства в Перми земской учительской семинарии, одобренной лучшими педагогами того времени. Медники были благодарны Смышляеву за реорганизацию губернской Александровской больницы.

В 1879 году Смышляев оставил пост председателя Пермской губернской земской управы. «После Смышляева прогрессивнее на всю Россию

Пермское земство затихло и из разряда передовых попало в число «умеренных и аккуратных».

Отдохнув и подлечившись за границей, Смышляев возвращается в Пермь. Он принимает предложение своего приятеля И. И. Любова занять должность управляющего пермским механическим заводом. Заводская деятельность не была препятствием для главного занятия — изучения родного края.

Незадолго до кончины Д. Д. Смышляев оставил духовное завещание, по которому большую часть своей богатой библиотеки завещал пермской гимназии. Вскоре после смерти Д. Д. Смышляева в Перми была открыта публичная библиотека, названная его именем.

Рисунок В. Меркулова.

В НЕМ ДЫВНО ВСЕ ТРЕТЕЛОВО...

Татьяна БУРУКОВСКАЯ

Начало см. на 2-й стр. вкладки

Но все же — почему гранат?

Природа проявила завидную фантазию, создавая минералы этой группы из довольно небольшого набора химических элементов: кальция, магния, марганца, железа, хрома, титана, ванадия, циркона, алюминия, кремния и кислорода. Однако, при единой для всего семейства структуре, состав гранатов исключительно переменчив. Именно этим объясняется их многоцветье и неоднозначность краски. Ведь и в природе встречаются гранаты бесчисленных оттенков всех цветов, кроме синего. Но самым популярным с глубокой древности считался тот, чьи кристаллы напоминают алые, просвечивающие густым соком зернышки плода гранатового дерева. Это сходство и послужило поводом дать камню «вкусное» имя гранат (от латинского «гранум» — зерно).

Издавна его считали символом верности, любви и страсти, как, впрочем, и другие красные камни. Нередко гранаты путали с рубинами, но разная твердость этих минералов помогла, со временем, отличать их: ведь рубин оставляет четкую царапину на гранате, а сам из такого испытания выходит невредимым.

По-разному стали их называть: за рубином закрепилось некогда общее для всех красных камней имя яхонт, гранаты же обзавелись множеством имен: фиалково-красные звали на Руси венисами, вишневые — бечетой, кроваво-красные известны были как червцы (то есть червонные) или карбункулы (от греческого «карфункулос» — уголек). Афанасий Никитин, русский купец, совершивший «хождение за три моря» и добравшийся до столицы государства Пегу (в нынешней Бирме), писал о том крае: «А родятся в нем драгоценные камни, маник, да яхонт, да кырпук». Вот и еще одно название граната — кырпук, созвучное слову «карбункул».

Более всего это имя-сравнение подходит к одному из двух пригодных к ювелирной обработке видов красных гранатов — пиропу (от греческого «пиропос» — подобный огню, или «пюр» — огонь, «опс» — око, то есть «око огня»). И вправду, при дневном ровном освещении пироп напоминает густо-красный до черноты уголек, но луч света зажигает в нем жаркий багрянец искры, летящей в ночь из костра.

По утверждениям авторов старинных книг и современных знатоков камня, ни один земной самоцвет, даже рубин, не имеет такого благородного красного тона, как чешский пироп. Он известен людям очень давно: археологи нашли на территории нынешней Чехословакии украшения из него, относящиеся к началу позднего каменного века. Но первое научное описание пиропов из Богемии сделал в 1609 году придворный врач Рудольфа II, великолепный знаток минералов Боэций де Боот (Иероним Боетиус): «Богемский гранат может считаться бессмертным, и его можно сравнить только с алмазом и чистым золо-

том». Правда, у Боэция де Боота возникло еще одно сравнение — с цветом запекшейся крови.

Однако и у А. И. Куприна мы читаем подобное. Помните? «Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» — подумала с неожиданной тревогой Вера».

Как согласуется это описание камней браслета с «портретом» богемского сокровища — пироба! И если это он, что же случилось в судьбе прославленного самоцвета, стоявшего когда-то в одном ряду с царем камней алмазом и украшавшего одежды королей, а теперь очутившегося в «поповской штучке» бедного телеграфиста? И только ли капризы моды, владеющие судьбами камней, тому причина?

Вернемся к записям Боэция де Боота, где он рассказывает о добыче пиропов: «Крестьяне находят их рассеянными на полях, без какой-либо материнской породы, в виде песка или зерен, и несут их в Прагу для продажи...» Заметьте, продавали даже гранатовый песок, так дорог был богемский самоцвет, считавшийся вплоть до середины XIX столетия национальным достоянием.

В сокровищнице Рудольфа II хранился уникальный пироп размером с голубиное яйцо и весом в 468 каратов.

Царь поэтов Гете чтит чешский пироп так высоко, что преподнес в знак любви роскошную соуправу* из 448 камней своей возлюбленной, семнадцатилетней баронессе Ульрике фон Леветцов.

Великий чешский композитор Бедржих Сметана на закате жизни подарил своей жене ожерелье из богемских пиропов**.

Как видно, камень этот был в большой чести, и не только в Богемии. Слава его прошла по всей Европе, росла и ширилась добыча самоцвета, но вместе с этим падала его цена.

К тому времени лихорадка почтие золотой охватила копи Кимберли, где спутником алмаза оказался пироп. Правда, его сначала спутали... с рубином, и под именем «капский рубин» бесчисленное множество африканских пиропов хлынуло в Европу, сливаясь в единый багряный поток с пиропами Богемии. Цена на них упала столь стремительно, что сделалась доступной большинству.

Добавил дешевизну пиропам и второй вид ювелирного крас-

* Гарнитур был изготовлен в 1820 году и состоял из ожерелья в пять нитей, серег, броши, двух браслетов и перстня. Ныне находится в Музее граната в Требнице (Богемия). Там же хранится и пироп Рудольфа II.

** Хранится в музее Бедржиха Сметаны в Праге.

ного граната — альмандин. Принято считать, что это название происходило от слова «Алабанда» — местность в Малой Азии, известная искусными гранильщиками драгоценных камней. Плиний Старший, ученый I века н. э., упоминает альмандин под именем «алабандская вениса» или «алабандский карбункул» и описывает его как темноокрашенный, порой черноватый, темнее других разновидностей граната. Многие арабские знатоки камня IX—XI веков указывают на фиалковый оттенок самоцвета. В те времена он назывался «ал-мазинадж». На созвучии слов «ал-мазинадж» и «альмандин» основано предположение о том, что корни современного имени этого граната — в арабском языке.

Нарядный, то вишневым, то фиалково-красный, густой и бархатистый цвет альмандина давно привлекал человека. 4000 лет назад он входил в число двенадцати ритуальных камней наряду с алмазом и смарагдом (изумрудом). Находки ювелирных изделий с альмандином в богатых скифских курганах говорят о популярности и ценности этого самоцвета 2500 лет назад. Да и позднее не гасла слава фиалкового граната, хотя расширение торговых связей вело к падению его цены. Ведь ювелирный альмандин встречается нередко, кристаллы его крупны, до 4—5 сантиметров, а прекрасные камни, в изобилии привозимые в Россию с Цейлона, Мадагаскара, из Индии, Бирмы, в дополнение к богемским и капским пиროпам так насытили рынок, что сделались гранаты «рубинами бедняков».

И вот уже не царевны, а купеческие да поповские дочки, простые горожанки и обитательницы ремесленных слободок щеголяют в сережках да подвесках, в колечках да браслетах, а то — и в ожерельях, усыпанных жаркими искорками не очень умело, наспех, дешево обработанных гранатов. Их ставили, конечно, в серебро — по давнему обычаю да небольшой цене. И верили, что правда писана в старинных лечебниках и торговых книгах, будто «кто яхонт червленый при себе носит, снов страшных и лихих не увидит, еще — кто яхонт носит в перстне при себе, тот и скрепит сердце свое, а в людях честен будет». А еще, будто красный гранат «сердце обвеселит и неподобные мысли отгоняет, разум и честь умножает, от грома и неприятной обороны обороняет и от губительного поветрия морового сохраняет». В общем, не камень, а талисман от всех печалей.

Так значит, гранатовый браслет, подаренный влюбленным телеграфистом, предназначен был стать талисманом и рассказать на языке камней о верности и пылкой страсти...

Но не княжне же носить «рубины бедняков»! Вот что, оказывается, таилось за уничижительным прозвищем «поповская птушка». Однако среди тех «рубинов» был и «странный маленький зеленый камешек». Это весьма редкий сорт граната — зеленый гранат. Но какой? Ведь ныне, как, впрочем, и ко времени написания А. И. Куприным «Гранатового браслета», минералагам известны три вида зеленых гранатов.

Ранее других, в 1790 году, были обнаружен гроссуляр. Опальный академик Российской Академии наук Эрик Лаксман, естествоиспытатель, ботаник и минералог, предпринял путешествие в Сибирь с целью сбора гербариев и минералогических коллекций. В береговых откосах верховья реки Вилюй* ученый заметил странные кристаллы неизвестного минерала. Прекрасно образованные и сохранившие всю четкость граней, они были мучительно-знакомой, гранатовой формы. Но цвет! У большинства кристаллов — оливково-зеленый, но попадались и такие, в которых зелень разбавлена то золотистым, то коричневым оттенком рейнского вина.

О находке неизвестных ранее «гранатообразных камней» Э. Лаксман сообщает своим коллегам в Петербурге, куда отправляет и коллекцию этих кристаллов. Лишь в 1808 году известный минералог А. Г. Вернер подтверждает открытие Э. Лаксмана, определяет минерал как новый вид граната и дает ему имя гроссуляр (от латинского — крыжовник). Действительно, его кристаллы теплых оттенков зеленого цвета напоминают крыжовенные ягоды: одна — зрелая, другая — не очень, а та и вовсе еще зелена.

Не сразу новый камень заинтересовал ювелиров: прозрачный ограночный кристалл гроссуляра — большая редкость, да и цвет его не броский, с грустинкой.

То ли дело — яркая внешность другого граната — уваровита. Вот уж где зеленый цвет — зеленее не бывает. Именно окраска этого минерала ввела в заблуждение знаменитого ученого Густава Розе. В 1829 году он, в составе экспедиции Александра Гумбольдта, предпринял путешествие по России, посетил хромитовый рудник на Среднем Урале и там обнаружил в трещинах пород прожилочки, шетки и мелкие кристаллы очень красивого изумрудно-зеленого минерала. Определив его как «медный изумруд»,

М. К. Куприна — жена Куприна
с дочкой Лидой

Г. Розе открыл счет курьезов, связанных с ним. Лишь в 1832 году профессор Горного и Технологического институтов академик Г. И. Гесс определил находку А. Гумбольдта и Г. Розе как новый вид граната. И (вновь курьез) назвал его уваровитом — в честь графа С. С. Уварова, бывшего министра просвещения, президента Петербургской Академии наук, того самого, которого А. И. Герцен в «Былом и думах» назвал «сидельцем у прилавка просвещения», которому А. С. Пушкин посвятил едкую сатиру «На выздоровление Лукулла».

В годы, когда А. И. Куприн работал над «Гранатовым браслетом», был известен лишь уральский уваровит, ограночные кристаллы которого там до сих пор не обнаружены. Правда, ювелиры ставят в изделия этот гранат, но только в виде искристых, пронзительно-зеленых щеточек.

И, наконец, третий зеленый гранат — демантоид — обнаружили крестьяне в россыях уральской речки Бобровка. В 1871 году находка была определена минералогом П. В. Еремеевым как новый вид граната. Сильный блеск и великолепная игра его ограненных кристаллов не уступают лучшим сортам алмаза. Благодаря именно этому новый минерал получил имя демантоид (от немецкого — алмаз). Правда, твердостью он уступает не только «царю камней», но и всем своим собратьям из группы гранатов. Зато красота и редкость сделали демантоид самым ценным из них. В конце XIX — начале XX века он был одним из главных экспортных ювелирных камней России. Особенно модным считался этот самоцвет во Франции XIX века.

Как правило, демантоид ставили в серьги, кулоны, подвески, поскольку в кольцах и браслетах велик риск повредить хрупкий и сравнительно мягкий камень, испортить полировку. Да и красота его наряднее и чище, когда, взятый в легкую, ажурную оправу, камень со всех сторон, насквозь, доступен свету и отзывается ему зеленой глубиной и золотыми сполохами граней.

* Прекрасные золотисто-зеленые с оливковым оттенком ювелирные гроссуляры позднее были обнаружены близ уральского села Витим — родины писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цвет ювелирных демантоидов различен: есть камни изумрудного оттенка, есть — травянистой зелени, но большинство — золотисто-зеленые. Именно такими демантоидами прославился Урал, где эти самоцветы называют хризолитами (от греческих «хризос» — золото, «литос» — камень).

Но... это очень точное для уральского граната — златокамня имя принадлежит совсем иному золотисто-зеленому минералу — оливины. Впрочем, такую окраску имеют и другие самоцветы: родственник изумруда — берилл, скромный собрат прославленного александрита — хризоберилл, топаз, корунд, везувиян... И все они в древности были очень популярны и известны под названием «хризолит».

В то же время истинный хризолит — оливин упоминается Плинием Старшим как топаз — «уроженец» острова Топазон. А монокл императора Нерона, долгое время считавшийся выточенным из берилла или изумруда, оказался на проверку оливиновым.

В раскопках древней Экбатаны* (Иран) археологи нашли блестящий зеленый самоцвет и предположили, что это — хризолит. Однако А. Е. Ферсман определил находку как демантоид.

Немало путаницы было с названием зеленых самоцветов. И какие только камни не причисляли к хризолитам! Но никто и никогда до 1790 года не назвал зеленый минерал гранатом: это имя было для красных камней.

Но зеленые-то гранаты есть! Так какой же из них стоял в «гранатовом браслете»?

Уваровит исключается сразу: его кристаллики, как вы знаете, не гранили, в изделие ставили не поодиночке, а щеткой.

Остаются демантоид и гроссуляр — оба очень редкие, что соответствует и тексту. Помните? «Это весьма редкий сорт граната — зеленый гранат». А редкий — значит, и дорогой. Самым дорогим гранатом был демантоид, но мог ли он принадлежать прабабке Желткова? Если ему, Г. С. Ж., к моменту написания А. И. Куприным «Гранатового браслета» лет «было около тридцати, тридцати пяти» (то есть он 1875—1880 года рождения), то с некоторой долей условности можно подсчитать, что прабабка его родилась в 1800—1810 году. И если предание о магической силе зеленого камня в браслете считается в семье старинным, ему никак не менее полувека, а скорее всего и больше.

«Гранатовый браслет» написан в 1910 году, и, по самым скромным подсчетам, фамильная драгоценность Г. С. Ж. могла быть изготовлена в 1830—1840 годах. А теперь вспомним, что гроссуляр был открыт в 1790 году и определен как гранат в 1808 году, демантоид — в 1871 году. Но в это время браслет уже принадлежал бабушке или даже матери Желткова. Да и какое же это «старинное предание», если его объекту — зеленому гранату — всего лишь 40 лет!

Итак, «поверив алгеброй гармонии», мы обнаружили в браслете зеленый гроссуляр. И насторожились. Почему А. И. Куприн, так поэтично и достоверно описавший размеры («с горошину»), огранку («кабошины»), степень обработки («плохо отшлифованные»), игру и цвет («прелестные густо-красные живые огни») красных гранатов, столь скупо рассказал о зеленом («маленький зеленый камешек»? Ведь оттенков зеленого цвета много, и однозначно зелеными гранаты не назовешь! И почему этот «камешек» не яркий, не сверкающий, а «странный»? Пусть гроссуляр и не ровня златокамню-демантоиду, но, обработанный, он благороден и глубок.

Может быть, о «странности» расскажет нам «старинное предание»? «...он имеет свойство сообщать дар предвидения... и отговяет... тяжелые мысли». Но так старинные лапидарии писали о разных зеленых самоцветах — изумруде, хризолите. «Мужчин же охраняет от насильственной смерти», — вновь о «хризолитах» (топазе и берилле). А где же о зеленом гранате?

Браслет же был подарен как талисман в день именин княгини, 17 сентября. Посмотрим старинные гороскопы —

их в моем распоряжении оказалось десятка полтора. У разных авторов завидное согласие: тем, кто родился в сентябре, покровительствует хризолит. Какой: истинный, который — оливин, или любой из когорты золотисто-зеленых самоцветов, а значит, и тот «странный зеленый камешек», который в «Гранатовом браслете»?

Нет, что-то здесь не так, не по-купрински: писатель, столь точный в изображении деталей и возводящий их в ранг символов, почему-то дает весьма размытый, приблизительный «портрет» главного, редкого камня в браслете. Но ведь портреты, как правило, пишутся с натуры... И я решила искать «тот самый» браслет. Если он, конечно, был.

Наверное, я выбрала не самый короткий путь, начал поиск с книг. На меня обрушилась лавина: монографии о творчестве А. И. Куприна, его опубликованные письма, многочисленные воспоминания о Куприне — писателе, друге, отце, муже. Казалось, описан каждый его шаг, исследовано каждое слово, и растворилось время, разделяющее «сегодня» и «тогда». Я как бы вижу из сегодняшнего далека ту счастливую для А. И. Куприна зиму, когда он женился на Марии Карловне Давыдовой. Все ладилось у него тогда. В радость были даже светские послесвадебные визиты к многочисленным знакомым.

Вот молодые на обеде у Любимовых: Людмилы Ивановны (Милы, как ее звали дома) и Дмитрия Николаевича — камергера, крупного чиновника государственной канцелярии. Занимая гостей, хозяин дома шутиво рассказывает забавную историю о некоем мелком почтовом чиновнике, который с маниакальным упорством преследовал Людмилу Ивановну любовными посланиями в стихах и прозе, шел за ней во время прогулок и даже проникал в ее квартиру, стоворившись с полотерами. Все это длилось несколько лет и воспринималось в семье Любимовых не более чем темой для смешных рисунков в альбоме.

Но однажды, в первый день пасхи 1901 года, «рано утром горничная принесла Миле письмо и небольшой пакет. В нем оказалась коробочка, в которой на розовой вате лежал аляповатый браслет — толстая позолоченная дутая цепочка и к ней подвешено было маленькое красное эмалевое яичко с выгравированными словами: «Христос воскрес, дорогая Мила. П. П. Ж.». Это выходило уже за рамки приличия. Коля* страшно возмутился и потребовал принятия по отношению к П. П. Ж. самых крайних мер»**.

Они были приняты: установив, что таинственный П. П. Ж. — это Петр Петрович Жолтиков, снимающий дешевую квартиру на пятом этаже в доме Фридерикса на Невском проспекте, Любимов с шурином отправились туда, вернули браслет и потребовали прекратить нелепое преследование Милы. Больше П. П. Ж. о себе не напоминал.

А. И. Куприн, вопреки ожиданиям Любимовых и их гостей, принял эту историю близко к сердцу. По дороге домой он говорил Марии Карловне: «Я представляю себе П. П. Ж. Я представляю себе, как мучительно напрягает он свои душевные силы... чтобы выразить охватившее его большое чувство, и как стремится он уйти от своей убогой жизни в мечты о недосигаемом счастье».

Позднее, вспоминая визит к Любимовым, А. И. Куприн говорил жене: «Сейчас все новые впечатления у меня не отстоялись. Я свернул их, как ленты кодака, и уложил в своей памяти. Там они могут пролежать долго, прежде чем я найду для них подходящее место и разверну их. Когда проходит время, глубже чувствуешь и оценива-

* Николай Иванович Туган-Барановский, шуриин Д. Н. Любимова, то есть брат Людмилы Ивановны.

** М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости. Художественная литература. М., 1966.

* Экбатана — древнегреческое название города Хамадан на западе Ирана. Известен с II века до н. э.

еще прошедшее — людей, встречи, события. И тогда все принимает иное освещение и форму».

Так и случилось: лишь через восемь лет А. И. Куприн развернул эту «ленту кодака». В письме своему другу, профессору Петербургского университета Ф. Д. Батюшкову он писал: «Сейчас занят тем, что полирую рассказ «Гранатовый браслет». Это — помнишь? — печальная история маленького телеграфного чиновника П. П. Жолтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова...»

Конечно, «Гранатовый браслет» — не точная копия этого события. В частности, П. П. Ж. прислал Л. И. Любимовой действительно «поповскую штучку», «идиотский браслет», к тому же — вовсе не гранатовый.

Но, как оказалось, «лента кодака» запечатлела и гранатовый старинный браслет, который задолго до написания повести А. И. Куприн подарил своей жене, Марии Карловне. Она вспоминает, что ее браслет «был покрыт мелкими гранатами, а посередине — несколько крупных камней. Браслет очень нравился Александру Ивановичу, к драгоценным камням он чувствовал особенное пристрастие, знал множество легенд о них».

Значит, прообраз литературного гранатового браслета все-таки был! Более того, он принадлежал жене писателя. Но, увы, Мария Карловна ушла из жизни двадцать лет назад. Где же ее прославленный браслет? И я, как заправский криминалист, стала составлять список родных, близких, друзей и знакомых Марии Карловны. При всей его первоначальной обширности он оказался весьма и весьма скудным, когда над ним нависла дата — январь 1984 года. Всемогущее время... Среди тех немногих, кого оно пощадило, оказалась дочь близкого друга Куприных, одного из интереснейших журналистов России В. А. Регинина (Раппопорта) — Кира Васильевна Регинина. К ней-то, первой из моего списка, я и обратилась с письмом, в котором просила сообщить, знает ли она что-нибудь о судьбе «того самого» гранатового браслета.

Честно говоря, надежда на ответное письмо была слабой, а на то, что местонахождение браслета выяснится скоро — еще слабее. Время шло, и вот, наконец, в мае — долгожданное письмо, а в нем...

Не буду злоупотреблять терпением читателя и процитирую главное: «Мария Карловна Куприна-Иорданская была в большой дружбе с моим отцом и отдала браслет ему. Так он хранится у меня с тех давних пор»*.

...И вот он у меня в руках — живой купринский гранатовый браслет. благородно мерцают старинной огранкой небольшие, то ли плохо отшлифованные, то ли тронутые временем пиropy. Они сплошь усыпали овальный браслет. Я поворачиваю его «перед огнем электрической лампочки», и «прелестные густо-красные живые огни» загораются и бегут от камня к камню.

Все точно, все как в повести А. И. Куприна. За исключением одного: зеленого граната здесь нет и никогда не было. В этом браслете А. И. Куприн его придумал.

А уже после опубликования «Гранатового браслета» (1911 год) «Куприн трогательно искал в петербургских магазинах именно такой браслет и подарил его своей спутнице, как память о годах молодости, и о молодых надеждах, и о том успехе, который выпал на долю этой маленькой повести»**.

* Василия Александровича Регинина не стало в 1952 году, но браслет был подарен ему раньше. Точной даты К. В. Регинина не помнит.

** В. Г. Лидин. О книге «Годы молодости».

НА НЕГО ССЫЛАЛСЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Валентин ШУМОВ

Идя по этапу в Сибирь, Катюша Маслова однажды стала свидетельницей дикой сцены. Конвойный офицер жестоко избил арестанта, «шедшего в ссылку и во всю дорогу несшего на руках девочку, оставленную ему умершей в Томске от тифа женою».

Офицер потребовал надеть на арестанта наручники, а тот отговаривался, что «ему нельзя в наручниках нести ребенка». Кончилось тем, что избитый в кровь ссыльный отдал рыдающую дочку одной из женщин-арестанток, а на него надели кандалы.

Воспроизведя этот эпизод в романе «Воскресение» Л. Н. Толстой счет нужным дать пояснение: «Факт, описанный в книге Д. А. Линева «По этапу».

Кто же такой Линева, привлекая внимание величайшего писателя земли русской?

Его имени нет в девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», хотя на ее страницах даются сведения о сотнях писателей всех стран и народов.

Однако у современников произведения Линева пользовались популярностью, что подтверждает небольшая биографическая справка в Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона.

Выступавший в печати под псевдонимом Далин, Дмитрий Александрович Линева (1852—1920) впервые привлек внимание читателей и критики в 1876 году своими очерками и рассказами из тюремного быта. Написаны они были красочно, правдиво, на основании собственных впечатлений автора, побывавшего и в тюрьмах и в ссылке за участие в «крамольных кружках».

Одна за другой были изданы его книги «По тюрьмам» (1878), «В пересыльной тюрьме. Роман» (1880), «Клейменная. Повесть» (1886), «Не сказки» (1895).

Многие из его произведений, вошедшие в эти издания, ранее публиковались в газетах «Русский курьер», «Русская жизнь», «Одесские новости». В течение 1893—1895 гг. Линева вел отдел фельетона в петербургских «Биржевых ведомостях».

Ежедневно на страницах этой газеты появлялись его публицистические очерки, чаще всего являвшиеся откликами на жалобы провинциальных читателей на местных держиморд, очерки, носившие обличительный характер.

Заинтересовавшись рассказом «По этапу», Л. Н. Толстой заинтересовался и его автором. Через литератора А. Сергеевского Лев Николаевич сообщил Линева, что желает с ним познакомиться. Однако Линева постеснялся ехать в Ясную Поляну. Дождавшись, когда Толстой приехал в Москву, Линева съездил туда из Петербурга на один день, свиделся с ним.

Друзья-журналисты советовали Дмитрию Александровичу написать об этой встрече. Он ответил:

— Толстой ведет дневник. Если наша беседа была интересна, он занесет ее в дневник. И это будет любопытнее и значительнее, чем мой рассказ о ней.

В годы гражданской войны стареющий больной писатель перебрался из Петрограда в Киев, где жила его дочь-врач. Он скончался там 2 июня 1920 года, на 68-м году жизни.

ДВОЕ В ЛЕСУ

Рисунки Л. Анциферовой

Задание было необычайное — доставить к празднику Первомай в десантный корпус ящик с орденами и медалями. В полет были назначены — летчик Юра-большой и штурман Юра-маленький. Прозвали их так неспроста. Хомяков был грузен и высок. Сазонов небольшой и жилистый. Но оба в летном деле известные мастера.

Было пасмурно. Туман закрывал землю. Трое суток экипаж томился на командном пункте, ожидая перемены погоды. Вот и последняя апрельская ночь. Но, увы, перемены не было.

Пришлось лететь. Шли на высоте пятьсот метров. Вверху была густая темень, внизу тоже жуткая чернота.

Хомяков ведет самолет по курсу, следит за сверкающими стрелками приборов. Он весь — внимание. Приходится нюхом, чутьем разбираться в непроглядном, неласковом небе. Ой, как надо во что бы то ни стало пробиться к дружкам-десантникам! Завтра большой праздник, и герои боев в лесах должны ощутить, что Родина любит их, ценит.

Вот внизу багровыми огоньками обозначилась линия фронта. Красные, желтые и фиолетовые кометы и звездочки полосуют небо. Вспыхивают зарницы. Окаянная передовая! Здесь всегда ждешь подвоха. Хомякову так и хочется забраться выше. А куда? В непроницаемый мрак, из которого не скоро выберешься?

Иван Иванович Юхнов — коренной уралец. Окончил девятилетку в г. Усолье на Верхней Каме. Работал на строительстве Березниковского химического комбината. Стал рабочим, а затем журналистом: писал о пуске первых цехов Уралмаша, о строительстве в Кушве первой в стране машины для разлива жидкого чугуна, был редактором газеты на строительстве Камской ГЭС.

В 1941 году ушел на фронт с авиачастотой, сформированным из летчиков и техников уральских аэроклубов. Освоил штурманское дело. Был заместителем начальника штаба авиачастоты ночных бомбардировщиков, офицером штаба истребительной дивизии. Во время боев на Курской дуге принят в члены партии. Награжден орденами и медалями.

Перу И. И. Юхнова принадлежат две книги очерков, он участник многих сборников.

Мотор предательски рокочет. Светятся патрубки, изрыгая снопы огня. Самолет заприметили. С земли потоком несутся светящиеся пулеметные очереди. Самолет ищут, хотя поразили. Хомяков барражирует, уклоняясь от огня. Вот-вот они скроются в спасательной тьме. Но внезапно пулеметная струя прошла плоскость. Хрустнул компас. Что-то жгучее опалило левую ногу. Хомяков потянул руку к ней. Рука была в крови.

— Курс, курс! Сбились с курса, дружище! — кричал в ларингофон Сазонов.

— Юра, бери управление. У меня разбило компас, — как можно спокойней сказал Хомяков, а о том, что его ранило, умолчал. Торопливо достал из кармана комбинезона жгут, которым перетянул ногу выше колена, а затем стащил унт и забинтовал рану.

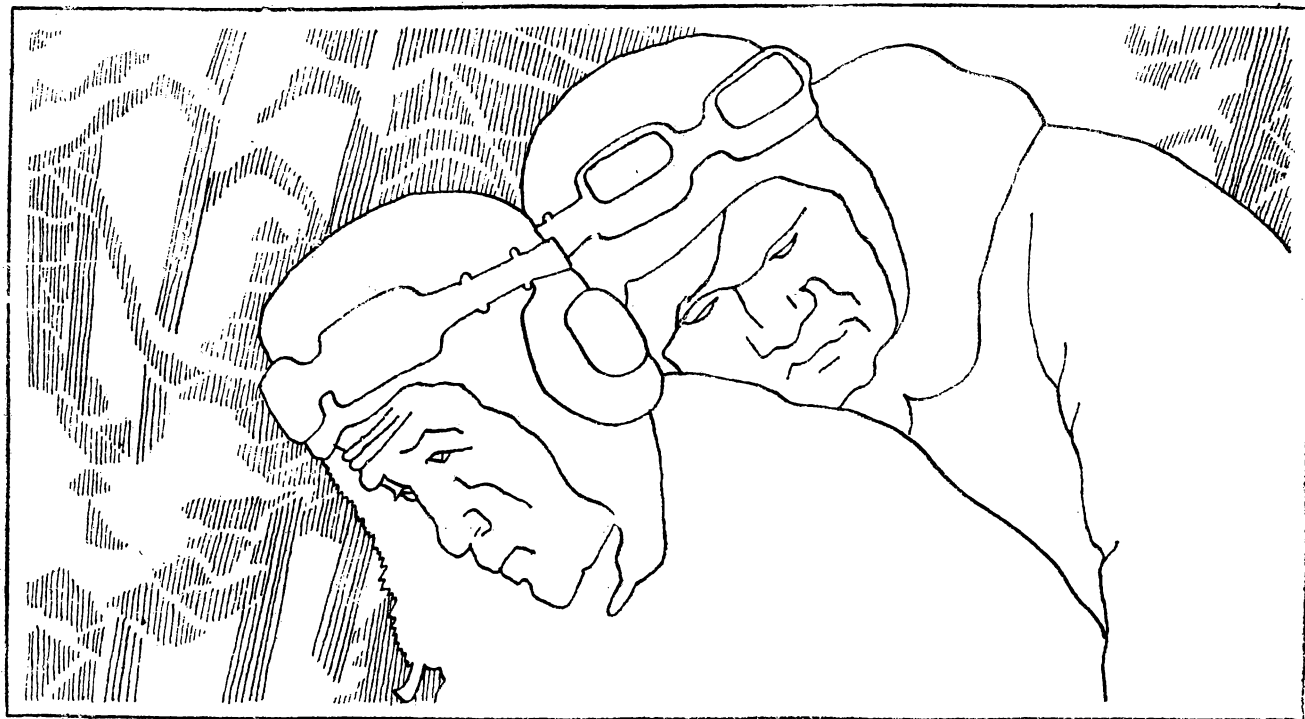
Пока он возился с перевязкой, линия фронта осталась позади. Казалось, опасность миновала. Но не тут-то было. С земли к ним снова потянулись огненные ленты. Близко рвались снаряды.

— Чертовщина, напоролись на укрепрайон, — выругался штурман.

Самолет подбросило, покачнуло. Зазвенело в ушах. Хомяков инстинктивно ухватился за штурвал и попытался поставить ноги на педали, но рваная нога не слушалась. Каждое движение вызывало боль.

Вокруг бушевало огненное море. Самолет опять трянуло. На этот раз осколок угодила в двигатель. Запахло дымом, и горячее масло стало брызгать в лицо летчику. Винт судорожно задергался и остановился. Падала высота. Угрюмо чернели леса. Нигде не было видно ни прогалинки, ни лысинки. «Неужели конец, неужели так просто люди уходят из жизни?» — без страха подумал Хомяков.

Преодолевая боль, он сосредоточился. Ему, только ему в трудных условиях удастся посадить самолет, значит, нельзя распускаться! До боли в глазах летчик и штурман всматривались вниз. И им повезло. Они разглядели небольшую полянку и приземлили на нее самолет.

— Живем, дружище, живем! — весело восклицал Сазонов, выбираясь из кабины.

Хомяков неподвижно сидел в самолете.

— Ты что, примерз к сиденью, ночевать тут собрался? — нетерпеливо спросил Сазонов.

— Ранило в ногу. Куда я на одной ноге. Останусь здесь, а ты иди к десантникам. Сегодня посылка должна быть у них. За мной потом придете.

— Вот несчастье! Этого только пам не хватало, — с досадой скрипнул зубами Сазонов. — Ну, дружище, отмочи, чтобы я тебя раненого оставил одного. Не выйдет этот номер! А ну, вылезай!

...Занималось утро. Тихо, сумрачно и сонно было в лесу. Пахло свежестью и хвоей да еще бензином от самолета. Летчики присели на сваленное дерево. Посмотрели на планшет с картой. Получалось, что они около десяти километров не дотянули до места.

Сазонов взял из бортяйка несколько сухарей и плиток шоколада. Подержал в руке мешок, в который был уложен ящик с наградами. Груз не тяжелый. Главной загвоздкой было тащить Хомякова.

— Ну, прощай, «конек», мы еще вернемся к тебе, — сказал штурман, взглянув на самолет.

Хомяков оседлал друга, ухватившись ему за

шею и плечи. В левую руку Сазонов взял мешок и пошагал в лес.

Веяло сыростью и весной. На полянах и лугах начинал сходить снег, но в лесной глухомани он еще лежал толстым слоем. Крепкий заморозок покрыл его твердой коркой, она часто ломалась под тяжестью идущего, ноги проваливались в снег до колен. Ветки деревьев и кустарника царапали за плечи.

— Боже, какая красота! По нам не стреляют. За нами не охотятся. Воздух — свежие сливки. Живи да радуйся! — бормотал себе под нос Сазонов, согнувшись под ношей и убаюкивая себя.

Первые двести метров он рванул бодро, без передыха. Но солидная нагрузка давала знать. Вторую передышку он уже сделал после очередных ста метров.

— Привал, привал! — отдуваясь, говорил он, ложась на снег и набираясь сил для нового броска.

Хомяков молчал. Юра-маленький понимал, что его другу не сладко. Хорошо еще, что молча переносит боль.

Отдыхать долго некогда. Кто знает, какой им предстоит путь? Да и десантники наверняка волнуются — почему они не прилетели?

— Двигаем дальше, дружище, — снова вваливая Хомякова на спину, говорит Сазонов.

Трудно брести по снегу. Густой кустарник, чащоба встают на дороге. Приходится обходить, колесить. Пройдены не одна, не две стометровки. Сазонов начинает выдыхаться. Он чувствует, как бешено колотится сердце, стучит кровь в висках. Чтобы подкрепиться, на ходу жует шоколад.

А силы тают. Снова остановка на отдых. Они лежат в снегу и смотрят на безучастное сырое небо, которому нет никакого дела до них. Сколько еще будет привалов? Доберутся ли вовремя до своих? Что таит в себе этот угрюмый лес? Может, и здесь их поджидает опасность?

Лес светлеет, оживает. Застучал дятел. Он утоляет свой голод, ищет жучков и личинок. Застрекотали сороки. О чем они? Уж не появились ли близко немцы? Нет, голосов не слышно.

— Пойдем вон до той березы, — намечает маршрут Сазонов, — это метров тридцать.

И опять он тянет Хомякова к намеченному рубежу, чувствуя, как дрожат ноги и подгибаются коленки.

— Все. Шабаш. Отдыхаем, — говорит он. От него, как от паровоза, валит пар. Жарко. Хочется снять меховой комбинезон. Но нет, нельзя. Сазонов теперь уже не ложится в снег. Лежать в снегу распаренному рискованно. Он приваливается к дереву.

Хомяков все молчит и молчит. Его угнетают невеселые мысли. Так мало еще воевал и вдруг ранен. Неужели никогда больше не придется сесть за штурвал самолета? Неужели отвоевался? А ведь мечтал о скоростной авиации. Хотелось пересечь на «ястребок» и чувствовать себя хозяином в небе, сбивать паршивые фашистские машины. Посмотрел на часы. Третий час они барахтаются в этом снежном плену, а одолели всего каких-нибудь три-четыре километра. Так, пожалуй, и до вечера не доберутся до места.

— Юрка, мы ползем как черепахи, помоги мне сделать костыли. Попробую немного своим ходом.

Сазонов согласился. Сказано — сделано. Вырезаны палки с рогульками.

— А ну, меряй обновку... Так-так, совсем впору. Знатные костыли. Теперь шуруй хоть на Северный полюс! — пошутил Юрка-маленький.

Сазонов стал прокладывать «лыжню», а за ним, заметно оживившись, на палках заковылял Хомяков.

— Э-э, не отставай, жми-дави на полную железку! — шутил Сазонов. — Ай да мы, гении-вундеркинды, до чего додумались!

Но вскоре веселость с него как рукой сняло. Дорогу преградила небольшая речушка. Она уже вскрылась и глухо роптала. По ней шел мелкий ледок.

— Не было печали, — скорбно сказал Сазонов. — Придется форсировать.

Он снял с себя унты, одежду. Со всем своим имуществом в руках осторожно ступил в воду. Она ошпарила ноги холодом. Чем дальше он шел, тем злее кусалась речка. Вот она добралась до трусов, ожалила тело. Но он уже был на другом берегу. Положил свои пожитки. Попрыгал, похлопал себя по бедрам. Разогрелся и поспешил за своим дружкойм.

— Забирайся на меня и поехали. Не к чему тебе принимать ледяную ванну, — сказал он...

Поредел лес. Забелело. Они выбрались на широкую просеку. По ней на запад тянулась хожевая небольшая стежка. Сазонов почему-то уверился, что это партизанская тропка. Выходит, и лагерь их где-то близко. Идти по тропке было удобнее. Ноги не тонули в снегу, деревья не преграждали дорогу. Только куда она все же вела? Чувство тревоги, которое все время владело ими, еще больше возросло. А вдруг нарвутся на фрицев? Шли они, готовые ко всему.

Сазонов шагал первым, осматриваясь по сторонам. Правая рука его лежала на пистолете, левой он нес ценный мешок. Чуток поодаль тянулся Хомяков, готовый в любую минуту упасть в снег и прикрыть огнем своего друга.

Они подходили к тому месту, где широкая просека сужалась и снова хмуро чернел лес. Хоть и были они начеку, но все же суровый оклик: «Стой! Кто такие?» — застал их врасплох.

— Свои, свои! — радостно выдохнул Сазонов.

— Пароль?

— Курок! А отзыв? — спросил Сазонов.

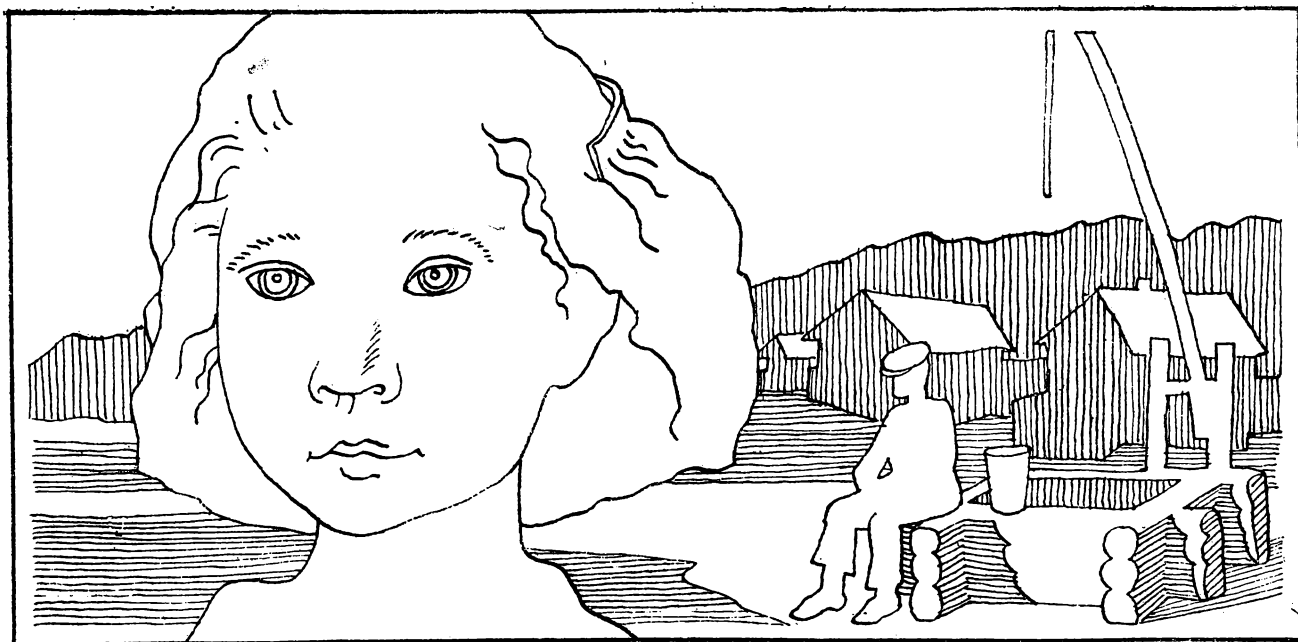
— Курск, — последовал ответ.

Их окружили вооруженные люди в зеленых куртках с загорелыми худощавыми лицами.

— Браточки, родные, все-таки добрались до вас! — восклицал Сазонов, обнимая оказавшегося около него дюжего десантника. — Срочно ведите нас к полковнику. Дело важнейшее, отлагательств не терпит.

Из тонких хлыстов были сооружены носилки, на которые уложили Хомякова. Тронулись в путь. Сазонов сам не понимал, откуда у него еще взялись силы. Он вместе со всеми бодро шагал по дороге.

КОЛОДЕЦ

Василий МАШИН

Поутру, когда бабушка растапливала печь, а я молча и нехотя собирался на работу, к нам заскочила Маняша, егозливая тараторка по прозвищу Синус-Косинус. Была она в стареньком, из крашеного ситчика платьишке, простоватая, босая — ноги в царапинах. Я терпеть ее не мог за то, что она смотрела на меня как-то по-собачьи преданно и всюду — на вечеринке ли, в лугах на сенокосе, в поле, даже на рыбалке — старалась быть рядом со мной.

Кося глазами (за это ее и дразнили Синус-Косинус), она испуганно зрострекотала, не разделяя слов:

— Яутопилаведро!

— Ну и что же? — буркнул я, зашнуровывая жестяно-жесткий, с облупленным носком ботинок.

— Нуиничего... Помогидостать.

— Сейчас, спешу и падаю! Других не могла кликнуть, что ли?

Бабушка оторвалась от печи — согбенная, крестик выскользнул у нее из-за пазухи и, как маятник часов, покачивался на гайтане. Осуждающе прошамкала:

— Гошподи, что за мужики пошли!

«Мужику», мне то есть, не было еще и шестнадцати, но я уже пахал и сеял, и косил, и моло-

тил — делал все, что делали раньше сильные руки отца, ушедшего на войну. Маняшин отец тоже был на войне. Она жила в глиняно-соломенной избушке. Она да мать — вдвоем, и никого больше. И когда я подумал об этом, что-то горькое шевельнулось у меня в душе. Негромко сказал, отводя взгляд в сторону:

— Ладно уж, приду...

Обрадованная Маняша сверкнула в дверях голенастыми ногами. Вслед за ней вышел и я — вразвалку, неторопливо, как подобает мужику.

Было пасмурно. Облака плыли на юг, а на западе, у самого горизонта, недвижно висела свинцово-тяжелая туча. Ветру, наверное, было не под силу стронуть эту громаду с места, и всю ее, снизу доверху, то и дело охватывали безмолвные зарницы. А может, вовсе и не зарницы? Может, ответы страшных пожаров, которые вот уже второй год бушевали в той стороне?

У нас же, в полях и в деревеньке, далекой от больших дорог, было тихо и как-то по-довоенному безмятежно. Квохтала за двором насадка, шипел на лугу серый, с красной кокардой во лбу гусак, охраняющий бестолковых пуховичков.

Маняша прыгала на одной ноге — будто играла в «классики», дожидаясь меня подле колодца.

Он был посередине улицы, этот колодец. Один на десятидворку. Лучами разбегались от него к порогам избушек и домов узенькие стежки, выбитые ходьбой в траве-мураве. Журавль уставился в небо, точно зепитка. На одном его конце был противовес — тяжелая шестерня, а с другого, под облачного, струилась отшлифованная цепь с фигурными, наподобие восьмерок, звеньями. В землю отвесно уходил дубовый, крепкой сплотки сруб, и оттого, что было в нем гулко и сумрачно и по-осеннему свежо, из глубины веяло чем-то до дрожи таинственным. Не потому ли нас, ребятню, вечно тянуло к колодцу? Мы играли около него в лапту, в чижика, в палочку-застукалочку. А матери наши секретничали тут, подолгу задерживаясь с коромыслами на плечах. Отцы же, идя с работы, в жару, останавливались тут покурить, побалагурить. Кто-нибудь вытягивал за веревочку из колодца запотелый от холода жбан с молоком или квасом, припасенный для этого случая заботливой хозяйкой. И тогда все пили через край, поочередно вскидывая щетинистые подбородки. А если жбана в колодце не находили, прикладывались к ведру с водой. Вода была вкусна! Родниковая. Чистая-чистая. Она не псыкала даже в самую жарынь, когда ее врасхват тащили на огороды, чтобы полить капусту, огурцы, морковь...

Случалось, чье-нибудь ведро печально оказывалось на дне колодца. Если его теряла дивчина, да еще красавица, парни набегали со всех сторон. Присловье такое было: «Ведро из колодца достать — суженым стать». Суженым той красавицы, конечно. Ну, а поскольку женихов у нас до войны было хоть отбавляй, то начиналось своеобразное состязание на ловкость. Парни бросались по дворам, искали единственную в деревне «кошку» — двухкрючье такое, согнутое из обломка вил и насаженное на конец длинного шеста. Шест тотчас же опускали в колодец, и там, в глубине его, отпечатывались на глянцево-квадрате воды силуэты голов, плеч, рук.

Вспыхивал спор:

— Да ты не там, не там шарить-то!

— Хе-хе, нашелся указчик! Сам знаю, где шарить... Ведро-то, оно — чуешь? — лежит хайлом в тот угол, дак я его...

— Дундук, оно вовсе и не лежит, а стоит! Кверху дном, понял?

— Ну да-а!

— Вот те и «ну да»! Отдавай кошку!

Голоса органично гудели в сырой и гулкой бездне колодца. Парни вырывали конец шеста друг у друга из рук, сосредоточенно сопели, переругивались, украдкой поглядывая на прекрасную виновницу этой суматохи, стоящую поодаль.

Мне в это утро переругиваться было не с кем. Разве что с Маняшей?

Навалюсь грудью на дубовый сруб, она глядела, как я нащупываю кошкой ведро. Глядела, между прочим, не столько в колодец, сколько на меня, с обожанием и чуть прискорбно, как моя бабушка — на икону. Ох, уж эти ее глаза! Синус-косинус!

— Уйди отсюда!

— Чотебе? Невсеравно? — как из пулемета, двумя очередями сыпанула Маняша.

— Не все равно... Мешаешь.

— Япомогатьбуду.

— Хм, понимала бы ты чего-нибудь в этом деле!

Маняша подняла черноволосую, в кудряшках голову. Губы ее дрогнули, а глаза наполнились слезами. Вопреки своей манере стрекотать, не разделяя слов, она заговорила вдруг отчетливо, с обидой.

— Я-то понимаю. Я все понимаю, а ты... Злюка! Дурак и злюка!

Всхлипнув, она выпрямилась и медленно пошла, будто слепая, обочь тропы к своей глиняно-соломенной избушке. Я с недоумением поглядел ей вслед и опять стал процупывать кошкой илистое дно колодца.

Когда наконец-таки достал его, вспомнилось: «Ведро достать — суженым стать».

Нет, я не стал Маняшиным суженым. Уехал после войны далеко-далеко, на Урал. Ремеслу учиться. Маняша писала мне, рассказывала о том, что ее отец (впрочем, как и мой) погиб на чужой стороне, что сама она работает на ферме и что жизнь в колхозе начинает потихоньку налаживаться — «опять хорошо будет, вот увидишь...» Во всех ее письмах чувствовалось что-то еще, недоговоренность какая-то, и я смутно догадывался — какая, но читать между строк не умел, да и не желал. Я учился строить железнодорожные мосты. Я был полон радужных надежд побродить по белу свету, поискать счастья.

А может, его, счастье-то, вовсе и не надо было искать где-то за тридевять земель? Кто знает... Но теперь, когда прошло столько лет и у Маняши выросли две дочки, а я кочую по земле, строю свои мосты, — теперь я почему-то вспоминаю ее все чаще и чаще, милую тараторку по прозвищу Синус-Косинус.

И еще вспоминаю наш деревенский колодец — глубокий, с кристально чистой, никогда не иссякающей родниковой водой.

Дежурный по рейхстагу

Сергей ПАРФЕНОВ

— Говорят, самые важные дни и часы люди помнят с точностью до каждого мгновения. Так ли?

— Так, — выдохнул Самсонов. — Из всех моих дней, проведенных на фронте с сорок второго по сорок пятый, победный май на особом счету...

СПРАВКА. Самсонов Николай Васильевич, 1918 года рождения, член КПСС. В 1942 году, после окончания шестимесячных курсов в Свердловске, направлен на Волховский фронт командиром пулеметного взвода. После ранения осенью 1943 года попал на 3-й Прибалтийский фронт. При освобождении Латвии тяжело ранен в грудь. В 1944 году откомандирован в состав 3-й Ударной армии. Контужен. Войну закончил в Берлине заместителем командира батальона 756-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии. Участник штурма рейхстага.

...Не так давно жена полушутя-полусерьезно пожурила Николая Васильевича:

— Ты когда же перестанешь воевать, старый? Все куда-то бежишь, команды подаешь во сне... Неужто война и теперь еще может сниться?

Может...

ВЫПИСКА ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА. Самсонов Николай Васильевич, старший лейтенант, командир отдельного учебного батальона. Уволен из Красной Армии в запас в 1946 году. За мужество и боевые заслуги перед Родиной награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, несколькими медалями...

Его знают многие свердловчане. Знают, что он брал рейхстаг — осяное гнездо фашизма. А вот о том, что старший лейтенант Самсонов в самый разгар сражения был назначен в этом здании первым дежурным — отвечал за порядок, сохранность имущества, архивов, — известно, вероятно, только сослуживцам и близким друзьям.

Сам Самсонов считает: факт, может быть, и вправду интересный, но мелкий — эпизод войны, не более... Я возразил Николаю Васильевичу. История Великой Отечест-

венной войны состоит не только из крупномасштабных операций, глобальных сражений, напряженной работы тыла, из тысяч подвигов советских людей — солдат, военачальников, партизан, подпольщиков, дипломатов... На войне смертельная опасность, неимоверное напряжение порой стоят рядышком с самой будничной работой.

— Тогда я, пожалуй, начну не со штурма рейхстага, а с 22 апреля, — рассказывает Николай Васильевич. — Прошло уже шесть дней с начала Берлинской операции. Батальоны нашего полка, одним из которых командовал мой земляк капитан С. А. Неустроев, получили передышку и расположились в небольшом леске: отдышаться, привести себя в порядок, собрать силы для решающего рывка. Только занялись делами — узнаем: к нам прибыл заместитель командира полка по политической части подполковник И. Е. Ефимов. Подали команду строиться.

Оказалось, Военный совет армии решил вручить каждому из своих соединений Красное знамя (всего их было девять) для водружения над поверженным рейхстагом. Мы стояли тогда на северной окраине Берлина. Само собой, тогда еще ни Ефимов, ни командир полка Зинченко, ни комбат Неустроев не знали, кто первым ворвется в здание рейхстага...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАРШАЛА Г. К. ЖУКОВА. «В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Развитые подземные сооружения давали возможность вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр... Кроме того, проводились «специальные мероприятия» по обороне Берлина. Город делался по окружности на восемь секторов обороны. Имелся еще особый, девятый сектор, охватывавший центр Берлина, где находились правительственные здания, имперская канцелярия и рейхстаг... На улицах самого города строились тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, бетонированные сооружения. Окна домов укреплялись и превращались в бойницы...»

Враг готовился вести бой и под землей, и снаружи — «до последнего солдата», как велел фюрер. Предстояло невиданное сражение.

— О том, что наш полк находится «на виду» у командования, что за его продвижением к центру Берлина внимательно следят, мы догадались 26 апреля. В тот день, когда наша 150-я дивизия получила боевую задачу форсировать Фербиндунгс-канал и выйти на берег Шпрее, в район парка Тиргартен, батальоны облетела радостная весть: полку передано Красное знамя армии. Значит, мы должны будем донести его до купола рейхстага!

...О чем мог думать в те весенние дни заместитель комбата? Самсонов уже привык к смерти, так часто она гостила в пехотных подразделениях. Привык к приказам, атакам, свисту пуль («своя» пуля не свистит — не услышишь). Но ведь до победы оставалось так немного, только шаг... А ты молод! По восемнадцать-двадцать лет твоим солдатам. И очень хочется выйти из этого огня живым, дожить до момента, когда смолкнут пушки и осмелятся петь соловьи, вернуться домой, к матери...

— А все же у каждого имелся к фашистам свой, особый счет!.. Знаете, сколько сил требовалось для того, чтобы предостеречь от ненужного порой риска? Ведь каждый солдат мечтал войти в рейхстаг первым.

Иногда вот говорят: «Бросился навстречу опасности, не задумываясь». А ведь так не бывает, точнее, не совсем это правильно. Не задумываясь, человек бежит от опасности, тут все понятно — инстинкт срабатывает. Навстречу же опасности человек идет совершенно обдуманно. Он знает, что его может ожидать. И здесь-то личность выверяется с абсолютной точностью.

В момент очередной атаки до плеча Самсонова дотронулся боец и шепнул:

— Товарищ старший лейтенант, кажись, рейхстаг...

Сквозь утренний туман, клубы тяжелого дыма и огонь на небольшом холме виднелось массивное серое здание. Высокие, как в крепости, стены, башни... Перед полком Ф. М. Зинченко и ротой, где находился Самсонов, стояла тюрьма Моабит. Пять часов кряду наши бойцы атаковывали бастионы Моабита. Огонь велся с обеих сторон беспрестанно. Люди оглохли и почти не слышали команд...

— Я еще тогда не знал, что именно здесь погиб Муса Джалиль, что отсюда увезли на казнь Юлиуса Фучика, что здесь долгие годы мучился Эрнст Тельман. Никого из них мы уже не застали... Но и то, что довелось увидеть, из памяти никогда не вычеркнуть. Открываем двери казематов и подвалов... Тысячи узников, изможденных, истерзанных, многие даже не могут встать... Узники шли нам навстречу, тянули руки, плакали, поверя в избавление...

Время в те дни было спрессовано и сжато. Все решали часы и минуты, день или ночь — это уже не имело значения. Взято швейцарское посольство... Закончился бой за «дом Гимmlера» — министерство внутренних дел несостоявшегося «тысячелетнего рейха»... Жестокие, изнурительные атаки выдерживали бойцы на подступах к Кенигплац — Королевской площади... Отсюда до рейхстага всего 250—300 метров. Метры, которые тоже будут щедро политы кровью.

— Нам сообщили: здание обороняют отборные части СС, а в ночь на 28 апреля гарнизону, засевшему в рейхстаге, прибыло пополнение с воздуха — батальон морских пехотинцев.

Рейхстаг — огромное здание, стены которого, как

выяснилось, не прошибешь даже артиллерией среднего калибра. Численность гарнизона — около шести тысяч гитлеровцев, плюс танки, штурмовые орудия, пушки. На подступах к зданию встретил многослойный огонь...

История доподлинно знает: решающий штурм рейхстага начался утром, 30 апреля, сразу с трех направлений. Атаке предшествовал сильнейший артогонь, били прямой наводкой «катюши», бухали танковые орудия. Атаки срывались и возобновлялись. Каково было тем, кто оказался в резерве, кто видел все это со стороны и волею приказа не мог принимать участия в штурме?

— Наш второй батальон находился как бы на подхвате. Копечпо, нервы на пределе... Все взвинчены. Вдруг после обеда слышим: ребята Неустроева с соседями ворвались внутрь рейхстага! Бой идет на первом, втором этажах... Может быть, сейчас наш черед? Нет... А вечером приходит весть: знамя над куполом! Бросились смотреть, но сквоззо дым ничего не разглядели, да и к ночи дело уже шло. В рейхстаге воево продолжался бой. Только в подвалах, оказалось, засело более двух тысяч фрицев. В какой-то момент сражения группа фаустпатронников из фольксштурма подожгла здание — пламя лизало стены, паркет, мебель, рвалось наружу. Горели даже камни... Люди задыхались в дыму, не было воды.

Только рано утром 2 мая получаю приказ: во главе усиленной роты 2-го батальона прорваться в рейхстаг. Вперед! Через огонь, через площадь, которая все еще простреливалась!.. Короче, один бросок, и мы в здании.

Самсонов несколько минут молчит.

— Помню, с каким ликованием нас встретили — мы воду принесли, патроны и гранаты, горячую пищу... А главное — свежие силы. Участники штурма были вконец измотаны, им требовался отдых. Да только куда там! Фашисты, засевшие в подвале, яростно отстреливались, переговоры ни к чему не приводили. Неустроев попался, обнялся, а говорить некогда: «Выручай, Коля... Пожар надо загасить, иначе труба дело... А мы уж с подвалами как-нибудь сами разберемся. Действуй!»

Самсонов собрал своих людей. Как, чем бороться с огнем? Гидрантов и воды нет, багров и песка тоже. Плащ-палатками, прикладами автоматов, кто чем мог, гасили... Солдаты обжигали себе лица и руки, горела одежда, кто-то от удущья терял сознание. А внизу наши пехотинцы штурмовали подземелья. После серии атак и переговоров гарнизон выбросил белый флаг.

Кто-то крикнул: «Конец рейху, братва! Ура, победа!». Стреляли в воздух, обнимали друг друга, кого-то подкидывали, кричали. А потом многие тут же ложились на ступеньки лестниц, на столы, стулья, на пол — страшно хотелось спать, спать, спать...

И тут меня подзывает полковник Зипченко, уже официально назначенный комендантом рейхстага: «Ну, Самсонов... спасибо! Силенки еще есть? Вживайся в новую роль — заступишь на сутки дежурным по рейхстагу... И смотри, чтоб был порядок! Мало ли чего...»

Нужно было, во-первых, принять меры предосторожности: масса помещений, анфилады комнат, не изученные толком подвалы... Архив — в нем важные документы. То тут, то там оживал пожар. Бывало, и постреливали. На всех ходах и выходах мы расставили посты, назначили часовых и дневальных. Кроме того, надо было организовать ночлег и питание бойцов. Голова кругом!.. Мы ходили по зданию, запоминали расположение комнат и залов, внимательно проверяли помещения. Я как-то в одиночку спустился в подвал и получил нагоняй от начальства — всякое могло случиться... А затем в рейхстаг прибыла группа высших начальников нашей 3-й Ударной армии, среди них командир 79-го стрелкового корпуса С. Н. Переверткин и генерал В. М. Шатилов, командир нашей 150-й Идрицкой дивизии. Как положено, я встретил их и четко доложил: «Товарищ генерал! Рейхстаг взят. За время моего дежурства происшествий не было. Дежурный по рейхстагу старший лейтенант Самсонов».

Генерал Переверткин внимательно на меня посмотрел, пожал руку, а потом не удержался — крепко обнял и прижал... Трудно передать волнение тех минут. Неустроев быстро построил свой батальон, подтянулись солдаты из других подразделений. И знаете, сердце не выдержало, защемило: стояли уставшие, обожженные, поборовшие врага и саму смерть простые люди, победители... Командир корпуса даже говорить не сразу смог и только произнес:

— С победой вас, дорогие мои солдаты... С великим праздником!

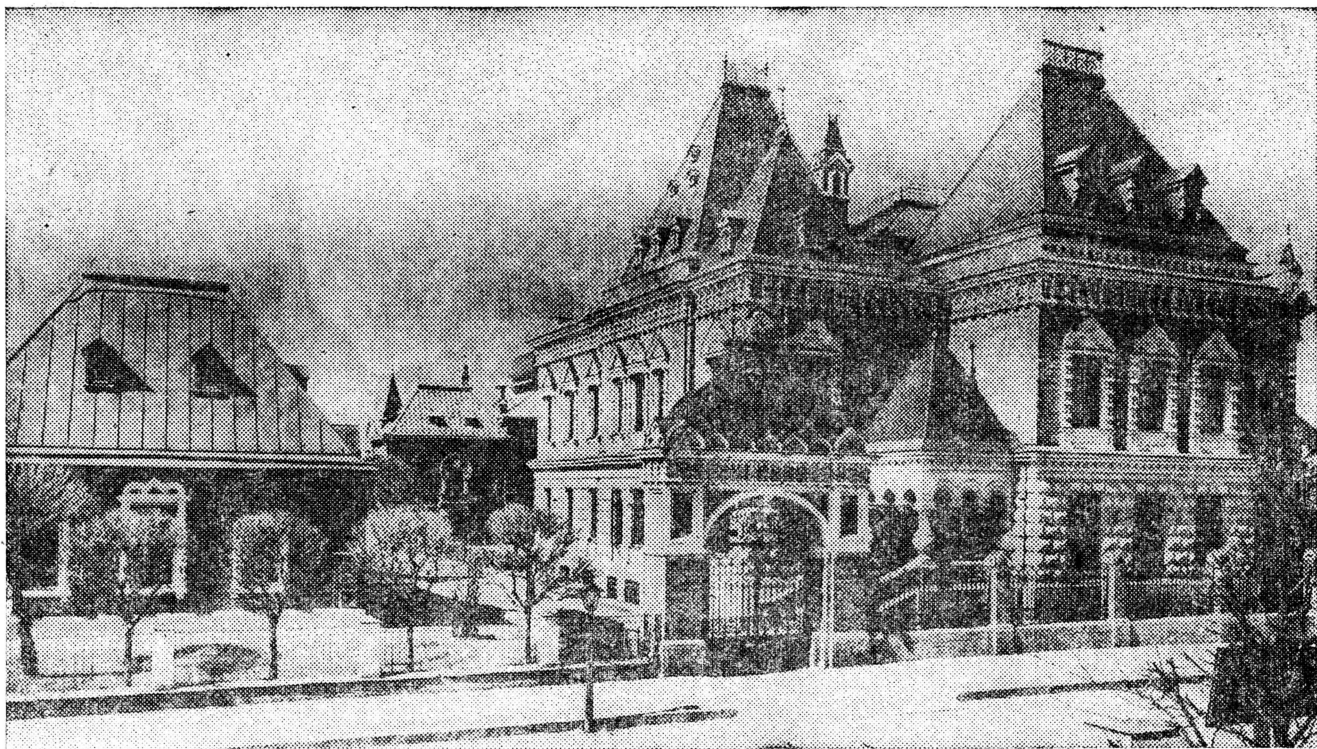
Трижды прокатилось под сводами рейхстага русское «ура!».

3 мая, когда прибыла комендантская рота, Самсонов сдал свое дежурство. И так устал, закрутился, что даже не удосужился поставить свою роспись на стенах, о чем впоследствии немало жалел. А его родной 756-й стрелковый полк сначала отвели на отдых в какой-то берлинский парк, затем — под Магдебург. Война закончилась...

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ. Самсонов Николай Васильевич, инженер-строитель. Работает в проектной организации в Свердловске. Трудовой стаж — 43 года. Инициативен, классный специалист. Был старшим инженером, руководителем группы, главным инженером проекта. Награжден орденом «Знак Почета».

Николай Васильевич бодр, подвижен, активен, несмотря на свои семьдесят лет. Переписывается с боевыми друзьями.

Самсонову еще по-прежнему снится война, лица друзей. От нее, наверное, фронтовикам никогда не уйти...

Сказка Щукина

Марина ХРИПКО,
научный сотрудник
Государственной
Исторического музея

В Москве, на Малой Грузинской улице, стоят, утопая в зелени, два нарядных терема. Сейчас здесь находится Государственный биологический музей. Построены дома в конце прошлого столетия купцом и великолепным коллекционером П. И. Щукиным. Здесь он жил, тут хранилась его знаменитая коллекция...

Происхождение, воспитание, собирательская деятельность П. И. Щукина во многом типичны для среды русских коллекционеров дореволюционного времени.

Петр Щукин родился в Москве в 1853 году, был третьим ребенком в большой семье купца первой гильдии Ивана Щукина. Заботливый отец семейства, человек достаточно широких взглядов, Иван Щукин стремился дать детям разностороннее образование. Занятия с домашними преподавателями дополнялись посещениями картинных галерей братьев Третьяковых и мецената, издателя и коллекционера К. Т. Солдатенкова. Близкие родственные узы связывали Щукиных с семьей Боткиных, из которой вышли писатели, ученые, любители художеств, собиратели. Словом, среда, в которой воспитывались Петр и его

братья, прививала интерес к культуре и искусству и в то же время готовила к коммерческой деятельности. Десятилетний Петр Щукин был отдан в закрытую немецкую школу в Выборге, затем учился в пансионе Гирста в Петербурге. В девятнадцать лет началась для него коммерческая выучка: он был послан отцом за границу, где служил волонтером (то есть без жалованья) в торговых домах Берлина и Лиона. В 1876 году, поступив на службу в комиссионерский дом «Р. Д. Варбург и К» в Лионе, Петр вечерами бродил по лавочкам букинистов, скупал книги и гравюры, которые и легли в основу его библиотеки и коллекции.

В 1878 году отец основал новую фирму, сделав совладельцами сыновей Николая, Сергея и вернувшегося в Россию Петра. Торговали мануфактурой в Москве, на Чижовском подворье и в Юшковском переулке. Возвратившись на родину, Петр продолжал собирательскую деятельность. Основным источником пополнения коллекции была антикварная торговля. Книги он покупал в магазинах Глазунова, Готье и Лангу, у букинистов А. А. Астапова, П. Л. Байкова, С. Т. Большакова, выезжал из Парижа и Берлина.

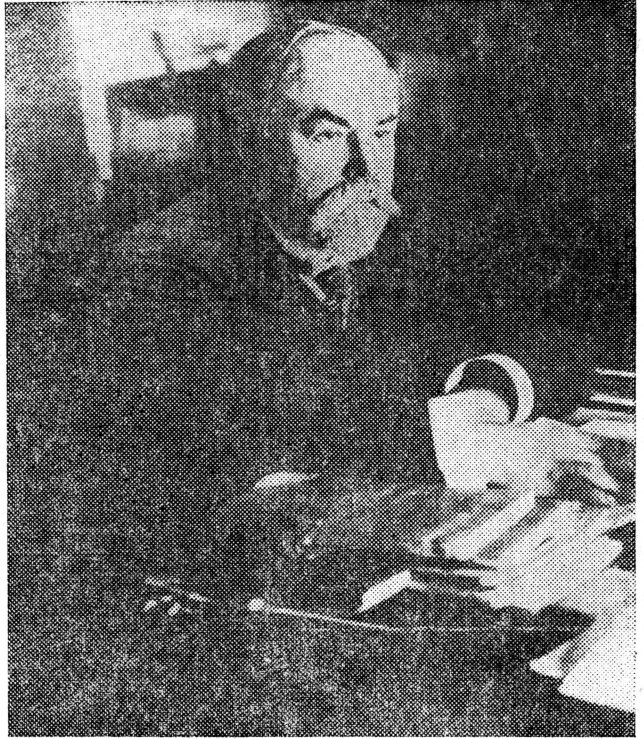
Бывая по торговым делам на Нижегородской ярмарке, Петр посещал местных антикваров; привозил также многое из-за границы — из Испании, Португалии, Англии, Италии, Франции. Однако коллекция вначале складывалась сумбурно. Здесь были французские и немецкие книги и гравюры, фотографии актрис и писателей, офорты и литографии, старинные персидские занавески и русские букинистические книги, древнерусские монеты и картины французских импрессионистов, тканые польские кушаки и японские вещи.

Но постепенно интересы собирателя сосредоточились на памятниках русской старины. Начало этой коллекции положил серебряный ковш, «жалованный императрицей Елизаветой Петровной атаману Яицкого войска Федору Андрееву сыну Бородину в 1761 году», приобретенный Щукиным на Нижегородской ярмарке. Коллекционирование иностранных вещей приобрело иной характер. По признанию самого Щукина, собирая иностранные вещи, он хотел «наглядно показать, какое влияние имели Восток и Запад на русскую культуру». Выкристаллизовывались интересы собирателя, складывалось ядро коллекции.

Дошедшее до наших дней собрание П. И. Щукина отражает быт былой России. Оно не богато шедеврами, но содержит, по определению И. Грабаря, настоящие жемчужины. К ним, безусловно, относится «шитый воздух», датированный 1389 годом, с указанием имени заказащицы — княгини Марии Александровны, дочери тверского князя Александра Михайловича и третьей жены московского князя Симеона Гордого. Спас, икона Московской школы первой половины XVI века. Коллекция шитых жемчугом женских головных уборов. Фрагмент русской набойки XVII века с изображением птицы Сириня. Замечательная коллекция жалованных ковшей, которая позволяет проследить эволюцию русского серебряного дела. Самый старый ковш — жалованный царями Иоанном и Петром Алексеевичами голове Ярославского кружечного двора Стефану Иванову сыну Кучумову в 1685 году. Есть в коллекции ковши медные, деревянные, украшенные финифтью. Ендовы, кубки, чарки, сковорода царя Иоанна Алексеевича. Среди серебряных стаканов выделяется стакан, гравированный известнейшим мастером XVII века Василием Андреевым.

Коллекция быстро разрасталась. Весной 1892 года Щукин начал постройку музея на Малой Грузинской улице. Здание, спроектированное в псевдорусском стиле, позднее получило название Старого музея. Проект его был на архитектурной выставке в Петербурге, рисунок музея публиковался даже в одном английском журнале. К строительству собиратель отнесся пристрастно: два раза ездил вместе с архитекторами и художником в Ярославль и Ростов. Просматривал архивные документы, старинные гравюры. Результат: здание было украшено барельефами из радомского песчаника, на фризах и в ширинках — пестрые рельефные изразцы. Шатровые кровли крыльца и башни главного входа — зеленая поливная черепица. Купол и все остальные крыши — железо в виде шашек красного и зеленого цвета. Подвеска на крыльце Старого музея повторяет подвеску церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Балкон бокового фасада — балкон дома Романовых в Москве. Решетка на внутренней лестнице — копия решетки церкви Николы Мокрого в Ярославле. Потолок библиотеки — это небесный свод с золотым солнцем и серебряным полумесяцем. Расписные своды входа в верхнем этаже... На них — родословное древо, причем орлы в рамках заимствованы из пергаментной жалованной грамоты, данной в 1710 году Петром I Якову Брюсу и находящейся в щукинском собрании.

В 1898 году было построено еще одно здание, так называемый Новый музей, который одновременно был

П. И. Щукин

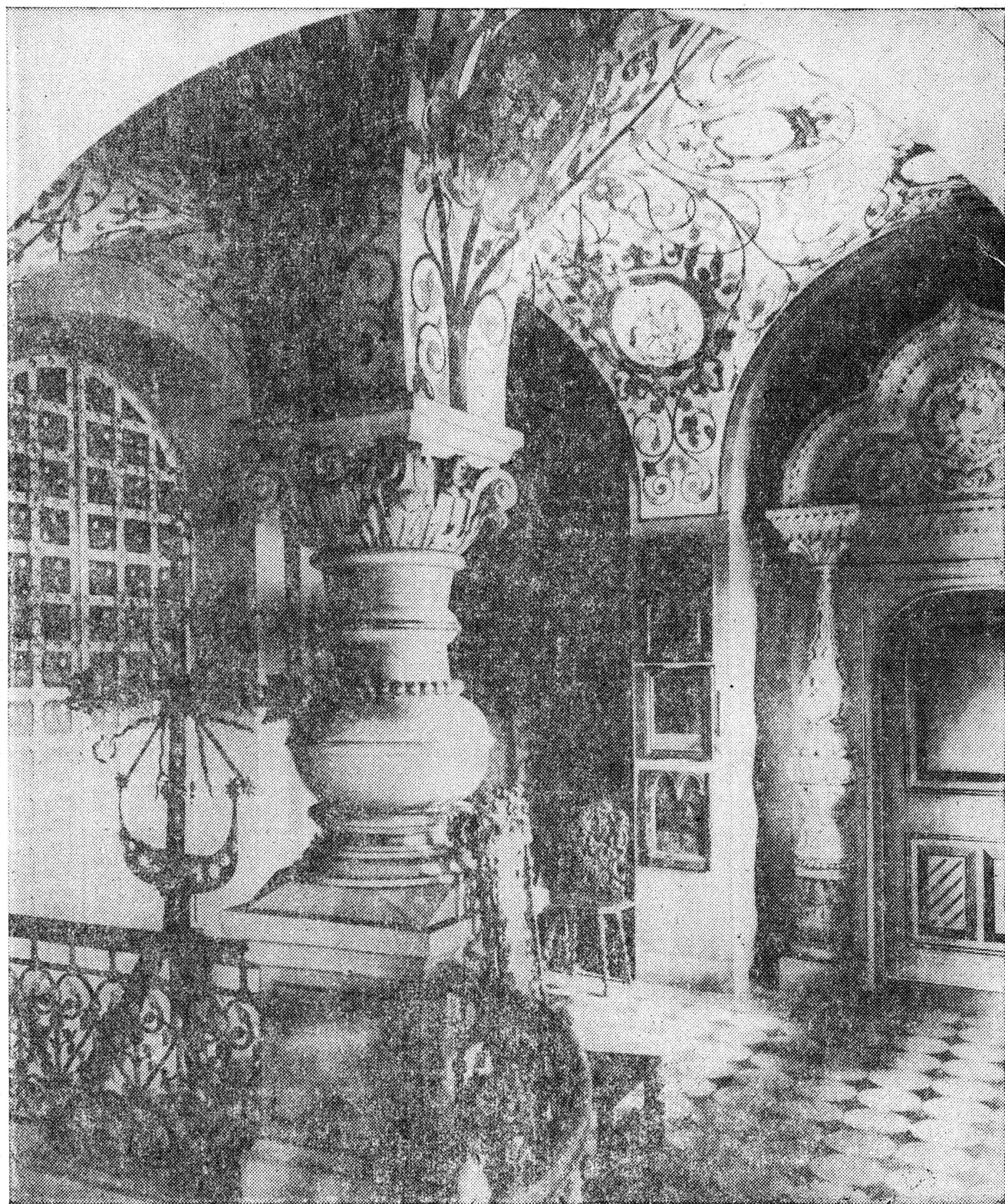
и жилым домом. Совершенно в духе времени был оформлен интерьер «русского терема»: столовая в стиле Возрождения, гостиная — в стиле рококо, спальня — в стиле Людовика XVI, а все вместе представляло собой типичный пример эклектического стиля конца прошлого века. Оба здания соединены подземным переходом. В 1905 году напротив Нового музея был построен одноэтажный музейный склад.

Многочисленные экспонаты были размещены в залах довольно хаотично, не говоря уже о подвалах-запасниках, где громоздились корзины и сундуки, наполненные архивными документами.

В 1895 году музей П. И. Щукина был открыт для исследователей, художников, любителей старины. Здесь писал этюды В. Суриков, работая над картиной «Стенька Разин». В. Серов копировал персидские миниатюры для театрального занавеса. А. Васнецов срисовывал изображения построек с планов Москвы XVII века. В архиве работал И. Грабарь. Знаком с собранием был художник В. Верещагин, советовавший Щукину превратить восхищавшее его собрание в музей русского прикладного искусства: «...Ваше собрание, — писал он в письме в 1894 году, — может быть поучительнее Третьяковского, если Вы проведете развитие родного искусства от грубейшего орнамента до изображений в живописи и скульптуре родных людей, природы и истории их... Собрание будет целою наглядною школою родного искусства...»

При всем дилетантизме собирательства четко определилось желание Щукина «служить своей коллекцией учебно-образовательным целям». Чтобы предоставить материал специалистам, Щукин занялся изданием сборников архивных документов и описей отдельных коллекций.

В 1891 году П. И. Щукин написал завещание, в котором дом Старого музея вместе с мебелью и художе-

ственными предметами завещал братьям. «Все вещи, имеющие для него интерес и заключающиеся в особом инвентаре», предназначались Историческому музею. В это время передача частных собраний государству становится довольно частым явлением в среде передовых коллекционеров. Крупный коллекционер А. П. Бахрушин утверждал, что собиратели «должны пристраивать свои собрания еще при жизни, назначая их в тот или другой музей, в то или другое учреждение, но никоим образом не оставлять в наследие даже самым близким родственникам, например, детям, — потому что все это пойдет в продажу розницей, за что попало». Появляются коллекционеры, которые жертвуют свои собрания при жизни. Почин положил П. М. Третьяков, подарив в 1892 году свою галерею Московской городской думе. В 1897 году М. И. Тенишева передала свое художественное собрание Русскому музею. Постепенно и у Щукина формируется мысль не о завещании, а о передаче в дар своего собрания. Весной 1905 года Щукин подарил Историческому музею «все собственное свое недвижимое владение, в котором помещался музей... с жилым домом и другими жилыми и нежилыми строениями, со всею их обстановкой». С этих пор музей должен был называться Отделением императорского Российского Исторического музея — музеем Петра Ивановича Щукина. Щукин сохранял за собой право пожизненного владения недвижимым имуществом, принимая на свой счет все связанные с этим хозяйственные расходы. Знаком русской старины И. Е. Забелин пожертвование Щукина назвал подвигом, «превосходящим своим значением и широтой все другие подобные подвиги». В отличие от многих дарителей, которые ограничивали доступ к своим коллекциям, Щукин охотно принимал посетителей. Коллекция его влилась в собрание Исторического музея, обогатив практически все фондовые отделы: оружия, стекла и керамики, изобразительных материалов, письменных источников, драгоценных металлов, тканей, дерева. В отчете Исторического музея за 1905 год сказано, что щукинская коллекция русского серебра и количеством и качеством превосходит музейное собрание.

Коллекция Петра Ивановича Щукина как нельзя лучше характеризует противоречивую натуру собирателя. Прежде всего размах, достойный представителя богатой купеческой фамилии — отсюда обширная тематика коллекции. Целеустремленность. Она привела Щукина к созданию одной из лучших коллекций русских древностей. Чудаковатость, которая сказалась как в комплектовании собрания (по утверждению И. Грабаря, архивные документы Щукину привозили возами), так и в его размещении.

Щукин оставил интересные мемуары. Из них мы узнаем не только о московских коллекционерах, частных музеях, антикварной торговле, но и о нравах купечества и дворянства, о жизни на подмосковных дачах, об устройстве уличного освещения, о меню трактиров и ресторанов, — одним словом, о множестве подробностей старой Москвы. И конечно же, воспоминания дают представление об их авторе — человеке твердого характера, скрытном, но добродушном, не лишенном чувства юмора, любознательном. Всегадная тяга к знаниям была одной из характернейших черт личности Щукина. В Петербурге он слушал лекции по русской истории Н. И. Костомарова. За границей — лекции Гельмгольца по экспериментальной физике. В Москве занимался в Чертковской библиотеке. В Петре Ивановиче сочеталась основательность русского купца с настойчивостью собирателя частиц духовной культуры России.

Знаки из Иркутска

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ,
ответственный секретарь
Горьковского областного клуба экслибристов

С каждым годом все более популярны экслибрисы (книжные знаки). Эти изящные гравюры — не только знаки собственности, а знаки высокой культуры книголюбца, знаки большой любви и уважения к нашему мудрому другу и учителю — книге, своеобразное дополнение к ее художественному оформлению.

единственно верное решение. Простота, единство прифта и изобразительных элементов делают гравюры на пластике Олега Беседина запоминающимися, неповторимыми.

Среди счастливых обладателей книжных знаков, родившихся под штихелем иркутского художника, — врачи и архитекторы, журналисты и рабочие, педагоги и студенты из многих городов нашей страны, а также из Болгарии и ГДР.

Думаю, что читатели «Уральского следопыта» по достоинству оценят три экслибриса Олега Беседина. Один из них предназначен для библиотеки Горьковского областного клуба экслибристов, а два других — для личных книг директора одного из книжных магазинов в Ульяновске Е. Васильевой и автослесаря из Мирного Ю. Черных.

Над созданием экслибрисов плодотворно работают много художников. И среди них — молодой графник Иркутского художественно-рекламного комбината, архитектор по образованию, Олег Беседин. Восхищает совершенство работ талантливого мастера. Не один день разрабатывает Олег сюжет каждого экслибриса. Отвергаются десятки вариантов, казалось бы, уже безупречной композиции, прежде чем придет окончательное,

РАСТЕНИЯ- КРАСИТЕЛИ

Иван БЕЛЯЕВ

Рисунки С. Мальшева

Многие ныне увлекаются вязанием на спицах, плетением макраме, изготовлением ковров и тканьем половиков. И часто у людей возникает желание покрасить свое изделие в тот или иной цвет, да так, чтобы краска радовала глаз, была чистой и долговечной. И тут вспоминают о растительных красках, начинают расспрашивать бабушек о способах крашения тканей в старину...

Крестьянки растили лен, обрабатывали его на примитивных мялках, трепалах и чесалах, а после под протяжные песни долгими зимними вечерами пряли куделю, ставили кросны и ткали на них понитчину, пестрядь, чижовину, сермяжник, сукно для онуч и многое другое, названья чему теперь не помнят даже и старики. Труд этот был тяжел и ценился настолько дешево, что, как писал П. П. Бажов, работа порой не оправдывала даже расходов на керосин. В этих условиях поневоле приходилось не идти на дополнительные издержки и не покупать краски, а искать их около себя, под рукой. Кора деревьев, травы, луковая шелуха, соки цветов, листьев, плодов и даже тухлые березовые пни шли в дело.

Химическая промышленность в наши дни предлагает большой выбор самых разнообразных красителей. Но, как ни удивительно, они не могут удовлетворить, например, любителей коврокчества. В этом деле необходим набор красок самых различных цветов и оттенков, к тому же краски должны быть долговечными, нелиняющими и невыгорающими от солнечных лучей. И поэтому, прежде чем начать ткать ковер, любители долго ищут средства для крашения шерсти, придирчиво опробывают их на небольших мотках пряжи и кусках вытканного полотна и только потом уже приступают к работе.

Из своего детства помню, как требовательно относилась моя бабушка Татьяна Михайловна к кра-

шению пряжи и вытканых ею первосортных холстов на рубашки, дубаса и подштанники. Был у нее специальный сундучок, который заботливо хранился в клетке и в котором, как теперь помню, лежали пучки трав, сера, квасцы, купорос и другие протравы.

Дни крашения пряжи и холстов были праздниками. Бабушка доставала свой сундучок с протравами, мочила, варила, парила мотки льна и шерсти, раскатывала трубы холста и погружала их в большие кипящие чугуны. И густо тянуло в такие дни из нашей избы запахом распаренных трав и мокрой крашенины.

Нам, ребятишкам, доставляло огромную радость развешивать теплую, парящую пряжу по вешалам: круглым, ровно и гладко оструганным жердям сантиметров десяти в диаметре, которые, как обычно в домах Зауралья, крепятся над печью, полатами и входной дверью. Сушатся на этих вешалах и лопотина, и портянки, и рукавицы. И постирушки, и белье, принесенное зимой с мороза, досушивают на вешале.

В исторических описаниях быта крестьян Зауралья и Западной Сибири упоминается, что чаще всего встречалась одежда серого, белого, черного и синего цветов, окрашенная ольховою корою, сандалом, серпухою... Праздничная одежда была нарядной и цветастой, но и здесь употреблялись, в основном, растительные краски.

В старинных книгах приводятся сотни рецептов крашения тканей, кож, дерева и других материалов. Сотни же рецептов утрачены навсегда — мастера хранили в тайне свои секреты...

Растения, содержащие красящие вещества, собирают в подходящее для этого время, сушат на открытом воздухе в тени и экстрагируют краситель кипячением в умягченной воде — дождевой, снеговой, ключевой. Жесткую воду

применять нельзя, так как красящее вещество может выпасть в осадок. Обычно добавляют питьевую соду — чайную ложку на литр воды. Полученный раствор процеживают и упаривают. В полученный концентрированный экстракт добавляют уксусную кислоту до слабокислой реакции и в таком виде используют чаще всего без каких-либо закрепителей, так как получаемые экстракты содержат в достаточном количестве дубильные вещества, способствующие закреплению красящего вещества на волокне ткани.

Изделия перед крашением стирают и полощут. Посуду лучше брать эмалированную, такого размера, чтобы в нее вместился раствор объемом не менее, чем в 20 раз больший массы окрашиваемого материала: чем больше объем раствора, тем ровнее окрашивается материал.

Чтобы краска лучше пристала к материи и при последующей стирке не линяла, материю можно предварительно проварить в протраве из раствора квасцов, железного купороса и медного купороса, кваса, щелока. Можно красить как без протравления, так и с предварительным, одновременным и последующим протравливанием. При различных протравах и разных способах травления одно и то же растение дает различные цвета окрашивания.

Шерсть, например, наиболее легко поддается окраске, однако большинство природных красителей на нее не действует, поэтому ее сначала травят в каком-нибудь соленом растворе, промывают, а потом уже красят. Однажды мы с женой окрашивали шерстяные носки и шарф настоем душицы с протравой алюмокалиевыми квасцами и получили прекрасный оранжево-розовый цвет, стойкий к стирке и выгоранию.

Красящие вещества желтого цвета содержат береза, крушина, липа, полынь, толокнянка. Если вы

имеете листья и стебли картофеля, то лимонно-желтый цвет вы можете получить только лишь в том случае, если воспользуетесь протравой из раствора какой-либо соли олова.

Описания, какие растения дают какой цвет с какими протравами и без протрав, очень длинными полу-чаются. Чтобы не утомлять читателя, приведу по алфавиту наиболее распространенные растения и лишь те цвета, которые можно получить без протравливания или с протравливанием в растворах квасцов, железного и медного купоросов.

Абрикос. Из пережженных косточек получается черная краска.

Бальзамин. Раньше в Туркестане толкли его корень и употребляли для окраски ногтей и концов пальцев в желтый цвет.

Береза. По В. Я. Федорову, сырьем для крашения служат листья, ветви, кора и старые ислетшие пни.

Окрашивание листьями березы. Темно-бежевый цвет получается без протравы. Можно добиться зелено-вато-серого цвета, если в отвар красителя добавить железный купорос. Светло-зеленовато-коричневый цвет дает травление материала медным купоросом. Для получения зеленого цвета материал предварительно мочат в растворе медного купороса, затем кипятят в красильном отваре, куда добавляют квасцы. Чтобы получить желтый цвет, на 100 г шерсти берут 22 г квасцов и 500 г листьев березы, которые отваривают 3—4 часа. В растворе квасцов материал кипятят 30 минут, затем перекладывают в отвар листьев, доводят до кипения и кипятят около часа. Прополаскивают и сушат.

Серовато-зеленый цвет получают из листьев березы, зеленовато-синий темный цвет шерсти — из листьев березы, индиго и квасцов. На 100 г шерсти берут 100 г листьев березы, отваривают их 3—4 часа, процеживают. Добавляют в отвар квасцы и тщательно перемешивают. Опускают в краситель материал и кипятят 30 минут. В чистой прохладной воде разводят настой индиго. Окрашенный листьями березы

материал опускают в индиго и кипятят 30 минут. Затем материал вынимают и в настое индиго добавляют отвар подмаренника. В этой смеси материал кипятят еще 30 минут.

Зеленовато-синий цвет дает 1 г индиго и 200 г листьев березы на 100 г шерсти.

В чистую воду выливают индиго и тщательно его перемешивают. Воду нагревают, когда она становится теплой, в нее опускают материал и кипятят его 30 минут. Затем материал перекладывают в отвар из листьев березы и кипятят в течение часа. Такая же в принципе технология применяется для получения светло-зеленого цвета. На 100 г шерсти — 200 г листьев березы, 10 г квасцов, 0,7 г настоя индиго. Предварительно в растворе квасцов материал кипятят 30 минут.

Синеvато-зеленый темный цвет шерсти можно получить из 13 г листьев березы, 2 г железного купороса, 2,7 г настоя индиго, 16 г квасцов.

Шерсть кипятят в растворе квасцов 30 минут, затем окрашивают в растворе индиго в синий цвет и еще красят в отваре березовых листьев 30 минут. Протравливают в растворе железного купороса.

Темно-зеленый цвет для шерсти можно получить из 500 г листьев березы, 2 г медного купороса, 2,7 г индиго и квасцов.

Шерсть кипятят в растворе квасцов 30 минут, затем окрашивают в растворе индиго и в заключение опускают в отвар березовых листьев и кипятят 30 минут с последующим травлением в растворе медного купороса.

Красно-желтый цвет для 100 г хлопчатобумажной ткани дает 500 г сухих листьев березы и 13 г квасцов.

Листья березы кипятят час, добавляют в отвар квасцов, когда квасцы растворятся, кладут в раствор материал и кипятят 30—60 минут. Затем материал вынимают, сушат не выжимая. После сушки вымачивают в слабом щелоке.

Розовато-бежевый цвет получают из 500 г коры березы на каждые 100 г материала. Кору предвари-

тельно вымачивают 24 часа, затем кипятят 4 часа. Материал кипятят в отваре коры березы без травления.

Темно-коричневый цвет материал приобретает, если перед крашением его предварительно протравить железным купоросом.

Серовато-зеленый цвет материалу придает крашение корой с одновременной протравкой медным купоросом в течение часа.

Этот длинный рецепт приводит-ся специально для того, чтобы показать в качестве примера, на что способно все растение или отдельные его части при применении той или иной технологии окрашивания. Высказанное относится не только к березе, но и ко многим растениям-красителям.

Боярышник кроваво-красный — старое народное средство крашения. Листву и кору раньше применяли для окраски тканей в красно-коричневый тон. Красили лен, хлопок, шерсть. Иногда использовали и молодые ветви. В качестве протравы применяли квасцы.

Бузина травянистая. Красящее вещество красного цвета извлекают из спелых ягод. В качестве протравы применяют соли алюминия. Краситель пригоден для крашения шерсти и шелка.

Бузина кустарниковая. Из листьев извлекают красящее вещество зеленого цвета, из спелых ягод — оливкового цвета.

Бузина сибирская. Считается старым красильным веществом. Сырьем служили ягоды и кора. Плоды применяли для окраски шелка, из них получали черновато-синюю краску, из коры — желтую и коричневую.

На примере с бузиной видно, как растения одного и того же рода, но разного вида дают то красную, то зеленую, то синюю, то желтую и коричневую краски.

Вайда красильная. Из «Полного русского иллюстрированного словаря-травника и цветника, составленного по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской» (1898—1901) видно, что раньше из листьев вайды приготавливали известную кубовую краску. Засевали

осенью и весной: вайда озимая и яровая. Едва листья начинали желтеть, их срезывали от самого корня. Производили это в течение лета раза три. Срезанные листья промывали, вялили слегка в тенистых местах на воздухе, мололи или растирали и в виде теста, скатанного в шары и высушенного, продавали на красильные фабрики.

З. В. Коробцова в статье «Эта интересная усьма», опубликованной в журнале «Сельская новь», пишет, что при смазывании бровей соком вайды волосы чернеют, а сами брови приобретали густоту. Вайда красильная — это двулетнее травянистое растение 25—400 см высотой. Жительница юга вайда неприхотлива и прекрасно переносит климат среднерусской полосы. Листья у нее продолговатые, сизо-зеленые, сидячие. Соцветие метельчатое, лепестки желтые. Стручочки повислые, на тонких ножках, клиновидно-овальные, черно-синего цвета. Сок получают, прокручивая листья в ладнях и выжимая их в чашку. Сначала он зеленый, затем чернеет. Высушенные листья, или басму, применяют для окраски волос. А раньше из листьев получали краску индиго для шерсти.

На Урале по скалистым склонам, по щебнистым и глинистым обрывам растет вайда ребристая, однако о красильных свойствах ее нет сведений, и интересно было бы найти это растение и испытать его в качестве красителя.

Воронец колосистый. Черные ягоды этого растения вместе с квасцами дают очень хорошие чернила.

Вороний глаз четырехлистный. Из сваренных листьев, собранных еще до цвета, получается хорошая желтая краска, которой можно окрашивать нитки и холстину, приготовляя их надлежащим образом с квасцами. Из незрелых и толченых ягод можно также получить зеленую краску.

Горец птичий, спорыш. Является очень ценным красителем. При различных протравках дает кремовое, ярко-желтое, светло-зеленое окрашивание. Корни дают синюю краску.

Горец змеиный. Корневища дают черную краску для окраски шерсти.

Душица обыкновенная. Из цветов ее вываривают довольно хорошую пурпуровую краску, годную для окрашивания шерстяных тканей.

Дымянка лекарственная. Дымянку считают одним из лучших красильных растений для сообщения шерстяным тканям чистого и прочного желтого цвета.

Дрок красильный. Растение дает довольно яркую желтую краску.

Добывают ее следующим образом. Собирают растения во время цвета, срезают серпом или ножом ветви с листьями и, высушив их, сберегают в сухом месте. Желтую краску дают все части растения, из которого готовят красильный отвар. В него погружают ткани, желая их окрасить в желтый цвет.

Зверобой обыкновенный. Цветы его доставляют желтую и красную краски, окрашивающие лен, шерсть и шелк в красный и желтый цвета.

Календула. В цветах содержит красящее вещество, используемое для окраски различных материалов в желтый цвет, а также для подкрашивания масла.

Крушина ломкая. Незрелые костянки доставляют желтую краску, а зрелые — зеленую.

Лапчатка прямостоячая — калган. Из корней получают краску красного, пунцового и желтого цвета.

Лук репчатый. При квасцовой протраве ткань окрашивается в желтый цвет с очень красивым золотистым оттенком. Для закрепления красителя на волокне к раствору добавляют поваренную соль, сернокислый или уксуснокислый натрий. Отваром шелухи лука красят волосы в золотистый цвет.

Малина обыкновенная. Отвары листьев маличника и ежевики в поташе окрашивают волосы в черный цвет.

Манжетка. По Н. М. Верзилу, из листьев и корней манжетки можно добыть серо-зеленую краску. Свежие корни измельчают ножом, всыпают в сосуд из расчета 40 г корней на 100 г воды и ставят на огонь. Кипятят минут двадцать, затем процеживают через тряпочку и выпаривают до густоты. В полученном отваре для пробы окрашивают бумагу или кусочек материи. Чтобы краска лучше пристала к материи и при стирке не линяла, материю предварительно протравливают в растворе квасцов или железного купороса, сушат, а потом кипятят в краске.

Облепиха. Плоды облепихи широко используют для получения желтой краски. Листья и молодые побеги облепихи могут быть использованы для приготовления черной краски.

Ольха. Содержит красящее вещество в листьях, коре и молодых ветвях. Краска из ольхи для шерсти и льна имеет много красивых оттенков. Наструганную кору настаивают два дня, а затем настой процеживают и в нем кипятят материю в течение двадцати минут.

Подмаренник настоящий и под-

маренник северный. Их корни, подобно корням марены красильной, окрашивают довольно хорошо в красный цвет различные ткани, хотя не составляют ценного красильного материала для промышленности и применяются чаще в домашнем обиходе.

Румянка лекарственная (анхуза). Листья употребляются для окрашивания в зеленый цвет. Корень растения (главным образом его кора) содержит в себе красящее вещество, легко растворяющееся в различных маслах, окрашивая их в красивый красный цвет. Краска эта совершенно безвредная, потому и употреблялась раньше в аптеках и на парфюмерных фабриках для окрашивания различных помад и жидкостей.

Таволга. В листьях содержит красящее вещество черного цвета. Отваром всего растения в народе красят в различные тона и при разных протравах получают желтую и красную краски.

Толокнянка. Листья, богатые дубильным веществом, употребляются на дубление кож, особенно сафьяна, и на окраску кож в серый и черный цвета.

Хвоц полевой. Раньше отваром из его корней, собранных весной, красили шерсть в серо-желтые тона.

Хвоц болотный. Раньше из его стеблей добывали зеленую краску.

Черемуха. Красящее вещество находится в коре и в ветках. Получают бурую и зеленую краски.

Кроме того, следующие растения содержат красящие вещества. Желтого цвета — василек (в стеблях и листьях), вербейник обыкновенный (в листьях), гравилат городской (в корнях), липа (в опавших листьях), крапива (в корнях), полынь, пупавка красильная (в цветах), череда. Зеленого цвета — конопля (в листьях), крапива (в листьях), можжевельник (ягоды), тополь (в коре, ветках и листьях при протраве из железного купороса), щавель (в листьях). Синего цвета — ясень (кора), гречиха (в листьях), черника (ягоды), шалфей. Коричневого цвета — вишня, слива (в ветках и листьях), груша (в коре), репчатый лук, ольха. Красного цвета — кровохлебка (в корнях), крушина (в молодых ветках), мак (в цветах), свекла (в плодах и ботве). Серого цвета — ель (кора), толокнянка (в листьях). Фиолетового цвета — ежевика (в сушеных ягодах).

Для окраски в черный цвет применяют концентрированные экстрак-

ты, получаемые из коры, веток или листьев дуба, ивы, ели, пихты, лиственницы и других пород деревьев, содержащих значительное количество дубильных веществ. В качестве протрав применяют железный купорос или хромпик с добавлением или без добавления медного купороса. Медный купорос делает окраску темнее и увеличивает ее прочность к действию света.

Есть еще много растений (живокость, горечавки, земляника, лишайники и другие), из которых при той или иной технологии крашения, при различных концентрациях отваров и протравливания можно получить краски самого широкого спектра цветов. Нужен только опыт, знание основных принципов получения красящих веществ из растительных-красителей и желание. Здесь не требуется какого-то сложного оборудования, точных приборов.

Красить можно не только ткани, одежду, домашнюю утварь, оружие, но и пищу.

Летом можно подкрасить кулинарные изделия в красный цвет, если взять соки красных ягод. На зиму нетрудно заготовить красивый яркий мальвин. Этот краситель в большом количестве находится в цветках дикой и культурной мальвы. Свежие или сухие цветки без чашечек и стеблей обрабатывают водой с небольшой добавкой уксуса. Раствор получается красно-фиолетового цвета. Чтобы цвет стал интенсивнее, часть раствора можно выпарить. Этот краситель безвкусен и совершенно безвреден. Воспользуйтесь им, и ваши блюда станут намного нарядней.

Если вы решите окрасить какой-либо материал растительным красителем, прежде обязательно проверьте красящие свойства на кусочке чистой ткани, так как содержание красителя в растении точно установить нельзя, концентрацию отвара придется каждый раз подбирать опытным путем.

Зеденеет ли молодая листва, горят ли осенним пожаром осины, падает ли грустно на сырую землю желтый березовый лист — все эти краски можно запечатлеть, если окрасить ткани в цвета природы. Трудлюбие и любознательность, желание увидеть и узнать новое, открыть для себя одну из доселе неизвестных тайн природы — все это применится и осуществится, если человек захочет заяться крашением растениями.

РУБРИКУ ВЕДЕТ
ПИСАТЕЛЬ БОРИС РЯБИНИН

Фото И. Горячева

Тысяча писем

И ЕЩЁ ОДНО...

На одной из очередных пачек писем в редакции «Уральского следопыта» написали: «Надо посоветоваться с Б. С. и дать в очередной (ближайшей!) подборке короткое, твердое примечание: а) ни редакция, ни Рябинин советов — где взять собаку — не дают; б) то же относительно дрессировки, лечения и т. д.».

Однако не все так просто, как кажется: ведь письма идут и идут, их сотни, наверное, уж целая тысяча... Бесспорно, это лучшее свидетельство того, насколько животные интересуют человека, близки и дороги ему («меньшие братья»!), и тем не менее...

Попытаемся все же быть пострже в разборе читательской почты...

Саша Медведева из города Первоуральска пишет, что у нее много друзей, которые мечтают завести щенка, но щенки, по их мнению, стоят очень дорого, щенок немецкой овчарки с родословной стоит 120—150 рублей, многих такая цена не устраивает; а сколько должны стоить по государственной цене восточно-европейская и немецкая овчарки? Щенки колли без родословной стоят не меньше 100 рублей... Также — где можно приобрести книгу по служебному собаководству?

Ну, во-первых, Саша, немецкая и восточно-европейская овчарки — это одно и то же, запомни. Одна порода. Покупать надо в клубе служебного собаководства, а без родословной, у случайных продавцов, вообще не следует покупать, потом пожалеешь (без родословной

не пойдет на выставку, не попадет в племенную книгу, будет обидно за собаку).

Саша также хочет знать особые признаки овчарки, какие должны быть уши, хвост и прочее, в каком возрасте и сколько команд должна знать собака... Вопросов тьма. Чем тратить время на письма, не лучше ли обратиться в библиотеку?

Та же Саша (она сейчас как бы представляет многих таких, как она) в другом письме интересуется уже не овчаркой, а фокстерьером. Из этого можно заключить: она сама еще не решила, какая порода ей больше нравится, кого заводит. (Грех многих. Подобная неопределенность звучит и в других письмах). А потому — ответ: сперва выясни хорошенько — кого ты хочешь, а тогда уж узнавай насчет цены и всего остального. Это очень важно — знать, чего хочешь. Иначе ошибок и разочарований не избежать, а это, в конечном счете, отражается на животном. И потому-то, повторяю, покупайте только через клубы ДОСААФ, если собака служебной породы, или через любительское общество, а также через Общество охотников (если собака охотничья). Там получишь и всю необходимую консультацию, узнаешь все, что тебя интересует. Адрес Свердловского клуба служебного собаководства: Торфяной переулок, 10. Телефон 23-41-53.

Ну а где взять (купить) книги? В магазине, где же еще. Не спорим: книг по собаководству не хватает, но с этим нужно обращаться не в редакцию и не к писателю, кото-

рый такие книги пишет, а в издательство, которое книги издает.

И, конечно, ни редакция, ни писатель не смогут выслать открытки, книги, значки, марки, календары, журналы про собак, как просит Коля Кочетков из города Учалы (Башкирская АССР), обещая немедленно прислать за все это деньги.

Милые ребята! То, что вы обещаете тотчас возместить стоимость всего, что вы просите прислать вам, говорит о вашей порядочности, однако же поймите: у нас этого ничего нет, мы — редакция и авторы — этим не торгуем...

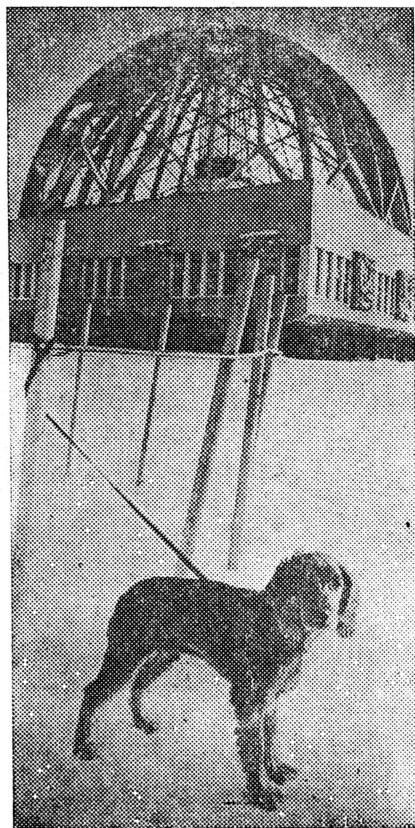
Особый вопрос: родители против собаки и не позволяют ее завести. Нет, и все тут! Что делать? Ленинградка Надя Харитонова из-за этого даже хотела оставить родителей и уйти из дома, но в последний момент передумала. Мы искренне сочувствуем Наде. Но, может быть, у родителей тоже есть какие-то соображения на сей счет, трудно судить, не выслушав обе стороны. Плохо когда мама, желая отделаться от собаки, привязывает ее у магазина, а сама уходит — в расчете, что найдется кто-нибудь добрый, возьмет животное; или, придумав такую версию, в действительности сама сбывает собаку с рук, — так проделала, если верить Наде, ее родительница. Лгать всегда плохо, и за ложь, конечно, мы осуждаем Надину маму. Никогда не надо так делать, слышите, мамы! (Вот доселе этого Надя и хотела бросить родительский дом.)

«Больше обращайтесь к родителям, чтобы они поняли, наконец,

что желание иметь собаку это не блажь, не роскошь, а естественное стремление ребенка к общению с живой природой, потребность в настоящем верном друге». Так пишет Надя. Так написали и многие другие. Мы понимаем их. Но надо понять и старших: иногда ими руководят не какие-то меркантильные расчеты или просто нелюбовь к животным; бывают и серьезные причины, которые ведут к отказу. Не забудьте также, друзья, что, беря животное, вы берете на себя и все заботы о нем.

Многие спрашивают про лечение животных. Но мы же не «скорая помощь». Для этого есть ветеринарные лечебницы.

Александра Нижникова из Волгограда жалуется, что у них в городе эпидемия гепатита, в семье горе — погиб щенок Зита. Мы посоветовались со специалистами, они нам сказали: гепатит — заболевание печени — бывает от разных причин, в частности, от жирной пищи. Запущенный не поправишь. Как лечить? Желчегонное, травы — бессмертник, тысячелистник. Алмагель — в период обострения. Пища: кефир двухдневной давности, обезжиренный отвар. Исключить гельминтоз (то есть проверить на глисты, и если окажется, избавиться от них). Раньше, когда собаки ели больше мяса, не было

этих болезней. То есть случались, но реже.

Мы даем это коротенькое наставление, поскольку Александра очень просила, но, повторяем, в каждом конкретном случае обязательно обращайтесь к врачам. К ВРАЧАМ! Нужно, чтобы животное было здоровым, крепким и не маялось недугами.

Растрогало письмо пермички Тани Новичковой:

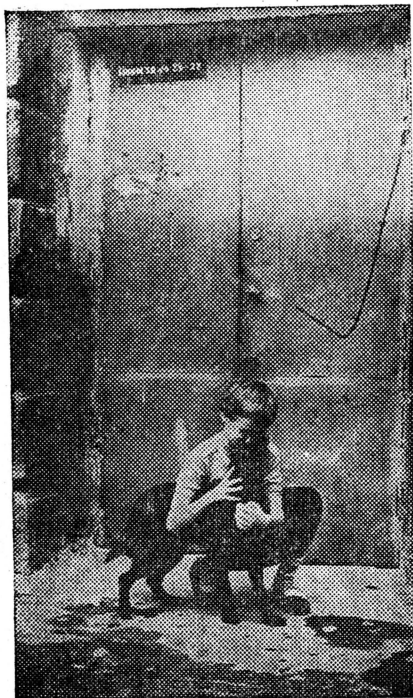
«Я знаю, как много Вам приходит писем, как много ребят, а порой и взрослых людей, интересуются собаководством. И всем нужен совет, нужна помощь. Но писем колоссальное количество, и чтобы ответить каждому читателю, мне кажется, Вам нужно очень много времени. Не могу ли я Вам чем-нибудь помочь? У меня есть к Вам одна огромная просьба. Не могли бы Вы пересылать мне некоторую, хотя бы небольшую, часть писем? Я с удовольствием буду отвечать на них и постараюсь, чтобы советы мои были полезными и смогли предостеречь ребят от возможных ошибок в воспитании четвероногого друга...» (Дальше Таня сообщает о

себе: ей 15 лет, собаководством занимается с девяти лет, дома есть небольшая библиотека по собаководству, у нее много друзей-собаководов, ребят и взрослых. Также собирает значки, марки, фотографии с изображением собак. Дома ей категорически не разрешают иметь собаку, так она два года помогала в питомнике...)

Вот уж истинно: тысяча писем и — одно письмо. Одно —особицу. Сразу видно: доброе сердце и отзывчивая душа.

Спасибо, Таня, ты нас очень тронула! К сожалению, приходится отказаться от твоих услуг, отвечать надо все-таки самим, но за готовность помочь — спасибо. Подобные предложения приходят не часто, и поэтому такое письмо особенно дорого. Еще раз спасибо!

Ну, и в заключение (еще раз): «Хочу собаку!», «Хочу собаку!» — звучит во всех письмах. Подай им собаку, а какую и для чего — порой и сам (или сама) не знает. Так не годится. Прежде чем обзавестись животным, сначала подготовь себя к этому важному шагу. Вон как Таня: даже в питомнике поработала. Ну, в питомнике работать каждому не обязательно, но знать, что к чему, — надо.

МАСКАРАД с участием ЛИМОННИЦЫ

Юрий ЛИННИК

Рисунки Г. Копыриной

Лимонница весной: на фоне цветущей пвы, над разливами гусяного лука. Лимонница осенью: среди золотых берез, в соседстве с осотом и ястребиной. В апреле она рифмуется с волчьим лыком, а в сентябре мы видим ее на синих соцветьях сивца.

Два времени года.

И в каждом из них бабочка рождает созвучья, гармонии. Люблю ее цвет: нежно-золотистый у мужских и зеленовато-белый у женских особей. Люблю ее абрис: будто это скрипичная мелодия выразила себя через линию.

И ведь без лекала наведен изумительный контур. Плавные изгибы, изящные заострения, — тут ничего нельзя поправить, тут все органично и совершенно. Лишь большой художник мог бы найти подобный силуэт. И найти найтием, а не рассудком.

Красота линии у лимонницы совсем не похожа на абстрактную красоту математических кривых. Это красота живая, одухотворенная! Что-то очень знакомое, где-то уже виденное угадывается в самом характере текучей линии. В самом ее ритме, во всех ее прогибах и поворотах.

Да, да, крылья очень похожи на листья. Будто выкраивал их один мастер. Уловленное сходство нельзя уточнить. Лист вяза? Лист майника? Нет, все не то, — не получается полного совмещения контуров.

Но надо ли этого добиваться? Ты явно на ложном пути, ибо забыл, что бабочки не копиисты. Зачем им натуралистическое подобие? Они создают нечто очень и очень похожее на образ. А образ предполагает обобщение, типизацию.

Возможность превращений, метаморфоз...

Без этого качества мир лишился бы красоты. Вот корни поэзии,

вот начало мифа. И лимонница в этом плане — факт поэзии: она суть живая метафора листа. В ней соединены два качества: условность и точность.

Условность — понятна: перед нами игра, артистическое перевоплощение, все же не меняющее сущности явления. Бабочка остается бабочкой, хотя и блистательно входит в роль листа. Сколь точно она передает в этой игре детали, подробности! Вот на это стоит обратить внимание.

Жилкование крыльев... Кажется бы, деталь чисто конструктивная. Но у лимонницы она подчинена единой целевой установке: подчеркивается, тонко акцентируется сходство с жилкованием листьев. Или вот эти оранжевые пятнышки на крыльях. Уж совсем микроскопическая подробность! Но и она работает на целое: подобный крап часто видишь на листьях. В метафорическом ключе можно сказать так: лимонница увидела листья острым художническим глазом. Она сумела передать самое главное, сущностное, не упуская при этом и достоверных подробностей.

Биолог С. С. Четвериков сказал о лимоннице кратко и точно: «начало мимикрии». Другие бабочки пошли еще дальше в уподоблении листьям. Достаточно вспомнить знаменитую Каллиму. Но лимонница дорога мне золотым чувством меры: не впадая в натурализм, она ведет игру на чисто условном сходстве. Это ближе искусству, чем полная мимикрия Каллимы.

Дух растительной стихии растворен в лимоннице. Люблю эту бабочку саму по себе, но люблю еще и за то, что она открывает мне новое в красоте растений.

Лесные мотивы на крыльях бабочек... Они возникают с экологической закономерностью, ведь палитра крыльев часто отражает палитру среды. Лесные бабочки вто-

рят краскам своего окружения, и делают это с тонким искусством, достойным восхищения.

Смотрите: юный художник пишет березовую рощу. Белые стволы, черные крапины на них, — все это вновь возникает на холсте. А совсем рядом с художником, незамеченная им, сидит маленькая бабочка. Ее крылья — как картина. И на картине этой мы видим ту же гамму: белые стволы, черные крапины на них.

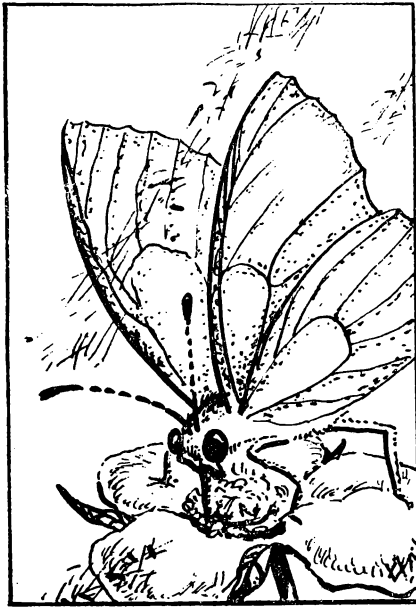
Это березовая пяденица. Присмотрись к ней, молодой живописец. И без всякой ревности признай: кое в чем бабочка пошла дальше искусства. Что ж, это понятно: природу невозможно превзойти. Но попробуй перенять у пяденицы эту поразительную тонкость в передаче колорита березовой коры. Перед нами особая точность, я бы назвал ее обобщенной. Словно крылья стали фокусом некоей линзы, и сюда стянулись лучи от всех берез России.

Можно сказать так: здесь передан не отдельный фрагмент коры, а выражена сама сущность березы, ее лирическая стихия, ее душа. Это преувеличение. И все же осмелюсь поставить скромную пяденицу в один ряд с холстами больших мастеров. Даже чуть приподнять над этим рядом...

Березы Куинджи, Левитана, Нестерова... Одушевленные, опозитивированные березы... А тут всего лишь крылышки с черно-белой пестрядью. Ну что в них особенного? И все же присмотритесь, присмотритесь внимательней к ним. Какое точное здесь письмо! И какая сложная техника. Ее правомерно сближить с приемами художников-импрессионистов. Вспомните березы Грабаря: там такая же обобщенность, такая же фактурность в передаче березовых стволов.

И вот что больше всего поражает: здесь природа живописует

природу. Задолго до возникновения искусства мир уже отразился в крыльях бабочек! Понятно, что это отражение не имело эстетического смысла, что оно преследовало чисто утилитарные цели. И все же совершенство этого отражения вызывает у нас эстетическую реакцию.

Окраска березовой пяденицы имеет защитное значение. Бабочка сливается с корой дерева, становится неразличимой. Это своеобразная гримировка, причем поразительно искусная. И да не покажется такое объяснение прозаическим! Все равно над березовой пяденицей вижу ореол поэзии. Ведь как это чудесно: увидеть на крыльях бабочек образ нашего самого родного, самого русского дерева.

А теперь из березняка перейдем в бор. Здесь сейчас ранняя весна,—тает снег, поют яблочки. Обходя лужу с талой водой, вы видите барахтающегося мотылька. Надо помочь маленькому существу! Подняв бабочку на ладони, вы удивляетесь: ну прямо чешуйка сосновой коры. Легко понять, что это совка. Два пятнышка на крыльях — круглое и почковидное — сразу говорят об этом.

Подуйте на мотылька,—обсушите его. И когда он полетит, проследите за ним. Вот он садится на сосну,—и словно исчезает в ней. Нет, не найдете теперь сосновую совку! Покровительственная окраска растворила ее на стволе дерева.

И все же давайте приглядим-

ся к этому стволу. Правда, с новой целью: попробуем понять, из чего складывается ее цветовая гамма. Вот фоновый цвет самой коры. И на него наложены серые, желтые, коричневые, зеленоватые мазки! Это лишайники. Их вклад в единую палитру леса огромен. Обычно мы проходим мимо этих скромных растений. Но мысленно сотрите с наших скал лишай и леканору, но смойте с деревьев каспаторию и гипогимнию, и вы увидите, как потускнеет мир, как наш север утратит свое поэтическое обаяние.

Приглядитесь к лишайникам! В них много красоты, много фантастики. Часто мы приходим к природе через искусство. Но пусть в данном случае нашим проводником будут бабочки, отразившие на своих крыльях удивительный мир лишайников.

Вот три совки: Диптера альпийская, Бриофила настенная, Дихония апрельская. Между ними нет прямых родственных связей. Но сходство их сразу бросается в глаза. И оно вполне объяснимо: у бабочек-художниц один общий объект изображения — лишайник. Я даже берусь определить его с точностью до рода,—это стилизованный образ голубовато-зеленых и оливково-коричневых пармелий. Кружевные розетки этого лишайника украшают северные валуны. Непременно найдешь его и на стволах самых разных деревьев.

Лес неисчерпаемо разнообразен. И населяющие его бабочки как бы разделили свои задачи: каждая отражает тот или иной аспект этого разнообразия. Стоит ли пенять бабочкам за то, что они подчас очень узко видят мир? Во-первых, этого требует специализация: каждый вид может совершенно передать лишь одно частное сечение леса, например, цвет коры или форму сучка. Во-вторых, мы ведь можем синтезировать эти аспекты и грани в один целостный образ! И воздать должное бабочкам: совокупно они создают замечательно полную и яркую картину леса.

Развитие бабочки — это цепь превращений. У серпокрылки мы видим, по словам исследователя И. Порчинского, превращение в превращении. После линьки гусеница радикально меняет свой облик. Теперь она как две капли воды похожа на березовую сережку. Вспомните этот столбик сухих семян: узловатый, бугристый; семена идут неровно,—часть сильно сдвинулась в сторону.

И вот все эти подробности виртуозно передаются гусеницей! Она

учит нас микрорепренту,—учит чувству детали. Как-то по-новому я теперь вижу сухие березовые сережки. Гусеница заострила мой взгляд, и я хочу воздать ей должное за мастерство воплощения.

Две ипостаси гусеницы: это и есть малое превращение в большом превращении. Но вот происходит окукливание, и мы видим новую ступень метаморфозы. Перед нами черно-коричневая куколка. Она глинявитая, словно лаком покрыта. Разве не похожа она на почку, таящую под лакированным кожущком будущий лист?

Серпокрылка будто и впрямь хочет в своих превращениях вторить развитию дерева. За почкой — лист, за куколкой — бабочка. Что же, и тут обнаруживается изумительный параллелизм! Крылья у бабочки явно вторят абрису листьев. Серпокрылка сухолиственная это сходство доводит до предела. Посмотришь — и сразу скажешь: это воспроизведение сухого березового листа.

Сережка, почка, лист... Все эти реалии дерева воплощены серпокрылкой. Жизнь бабочки связана чаще всего с березой. Вот и хочется сказать: серпокрылка внесла свою большую лепту в раскрытие ее образа.

С особым тщанием бабочки на все лады варьируют форму и окраску листьев. Почему-то особый интерес они питают к уже засох-

шим листьям. Впрочем, это нетрудно понять: ведь на фоне жухлого листового опада протекает жизнь бабочек. Как же не стараться воплотить цвет этого фона?

Но иногда изображение листьев бабочками кажется самоцельным, не имеющим приспособительного значения. Вот крылохвостка бузиновая, например. Ее интереснейшие куколки запомнились мне с детства. Бывало, заготавливаешь ягоды бузины для стрельбы из дудок и вдруг замечаешь в недрах пахучего куста слэбную систему паутиных трапезий. Подобные сетевые конструкции ты видел под куполом цирка. Но каково их назначение здесь?

Приглядевшись, замечаешь следующее: на паутином подвесе — как бы в кисейной авоське — виднеется куколка. Она искусно замаскирована, — в паутину вплетены кусочки сухих листьев.

Из этой куколки в самой середине лета выйдет нежно-золотистая бабочка. Сколько у нее звуучий с лимонницей! Не только окраска, не только контуры близки, — тут как бы одно стилизованное начало, один канон. А ведь систематически это очень далекие виды: лимонница — белянка, крылохвостка — пяденица.

Как известно, пяденицы являются мастерами покровительственной окраски. Но на каком фоне может потеряться эта крылохвостка? Ведь до золотой осени еще далеко, во-

круг свежая зелень, пестрота цветов.

Но тут мы излишне полагаемся на свое непосредственное восприятие. И не учитываем некоторых тонких эффектов, известных лишь опытным наблюдателям. Желтый окрас у бабочек обладает замечательными оптическими свойствами. Отражая зеленые лучи, идущие от растений, он как бы растворяет бабочку. Перенесите крылохвостку в тенистую липовую аллею, и зеленые рефлексы преобразят ее крылья, перекрасят их.

Но вот окраска совки желтой действительно приурочена к осени.

Бывало, идешь по сквознящему осиннику, и шуришат у тебя под ногами свежий опад, и плавно снижаются золотые листья. Понимаешь: ничто не может их вернуть обратно на ветки. Таков печальный закон необратимости.

И вдруг происходит невероятное: среди полного безветрия один опавший лист круто взмывает вверх! И поднимается выше опустевших крон, и быстро пронесится над стеклянной опушкой.

Подношу к глазам бинокль и вижу совсем неожиданный. Это бабочка летит над листопадным лесом. Янгарное, золотое, медное — все это в ее окраске. И лилового чуть добавлено к осенней палитре, и паутино-серого, с жемчужным отливом.

Понимаю: эта бабочка — душа листопада.

А у этой бабочки прозрачные

крылья. Странная черта для чешуекрылых! Другое дело — стрекозы, пчелы. А это ведь все-таки бабочка. И тем не менее на каркас жилак у нее натянута чистая слюда. Сквозящая, просвечивающая. Без всяких рисунков, без единого мазка.

Впервые увидев стекляшницу, ты и не примешь ее за бабочку. Это же явно оса! Точнее говоря, гигантский шершень. Черно-желтое тело, характерное жужжанье — все типично осное, — какие тут еще вопросы?

Ты ошибся: это не шершень. Но порадуйся своей ошибке! Порадуйся за великую мудрость жизни. Ведь все в облике стекляшницы как раз и рассчитано на твою ошибку. Для тебя промах — для бабочки успех.

Перед нами изумительное по своей тонкости и сложности явление мимикрии. Да, бабочка здесь подражает шершню! И сходство это оказывается биологически выгодным: кто решится клонуть огромную страшную осу? И вот замаскированная под шершня бабочка благополучно минует опасность.

Осы и бабочки, да, между ними пропасть различий! Но мимикрия наводит мост через эту пропасть. Как возникает подобное сходство? Как выглядели предки стекляшницы?

На эти вопросы еще нельзя ответить однозначно. Пока же удивляйся: природа тебя приглашает в свой театр, роль шершня поручено исполнять бабочке.

Неизвестный океан

РУБЕЖИ ОТЕЧЕСТВА

Юрий БОРИСИХИН

Фото автора и О. Капорейко

Самый маленький из океанов — Ледовитый — нередко кажется нам, русским, самым большим, потому что мы считаем его территорию полем давних, обширных, дерзких, завораживающих исторических деяний России: всем памятны походы от дежневского до плавания атомного ледокола «Арктика» на Северный полюс...

Нас совсем не огорчает, что Ледовитый меньше Тихого океана в 42 раза. Уважение вызывает факт, что пройти себя сквозным путем Ледовитый позволил человеку только в прошлом веке, а за одну навигацию (сезон) — в 1932 году — ледоколу «Сибиряков». И в каком еще океане могло быть такое, что целый архипелаг — Северная Земля — исследован только пятьдесят лет назад. Тогда же удалось открыть мощные донные хребты и только приблизиться к пониманию самых общих закономерностей жизни колоссального объема льда (около двух тысяч кубоклометров!).

Почти половина территории России обслуживается Северным морским путем. В десять раз за последние десять лет

По трем океанам — Ледовитому, Тихому, Атлантическому — проходит морская граница СССР.

Значительная часть ее — более 10000 километров — пролегает в труднодоступных водах, льдах, по архипелагам самого северного и сурового из океанов — Ледовитого...

По разрешению Министерства морского флота СССР, администрации Главсевморпути в плановом рейсе арктической навигации на судне усиленно-ледового класса «Кузьма Минин» участвовали корреспонденты «Уральского следопыта». Вот маршрут его, проходящий вдоль северных водных границ СССР: Мурманск — Баренцево море — пролив Югорский Шар — Карское море — пролив Вилькицкого — море Лаптевых — пролив Санникова — Восточно-Сибирское море — Чаунская губа — порт Певек.

Публикуем первый из репортажей об арктическом плавании.

возросли здесь перевозки. Только на Ямале, скажем, бурится 150 тысяч метров скважин. А для средней скважины в 3,5 тысячи метров требуется семь тысяч тонн груза. Наш «Кузьма Минин» — по тоннажу второй среди арктических судов — осиливает именно такой груз... Посчитайте, сколько нужно рейсов!

Сейчас на трассу Северного морского пути выходит пока сравнительно мало судов. Пока, ибо и доля Арктики составляет в национальной экономике только два процента... А минеральных и энергетических ресурсов, которые можно и должно здесь взять, — половина из имеющихся у страны в наличии... Только неохотно отдает их Арктика.

Запомнились слова И. Папанина, дважды Героя Советского Союза, начальника полярной станции «Северный полюс-1»:

— Первый раз в северные моря я вышел пятьдесят лет назад. Последний — в июле 1981 года, когда встречал уральскую шестерку полярной экспедиции «Советская Россия». И всегда выходил, как в неизвестный океан. Чтобы понять его, надо уметь смотреть глазами помора, капитана, матроса...

Грузим на борт «Кузьмы Минина» посылки ледоколам: бычки хвосты для супов — атомщикам, помидоры, молодую картошку — для «Киева», почту — «Капитану Дранищину», красную икру, растворимый кофе — для капитанского пред-

ставительства (часто из Арктики суда уходят в заграничные рейсы). Стараемся на погрузке, ибо мы, журналисты, внесены в список экипажа.

«Кузьма Минин» — судно красивое, недавней постройки, класса «УЛ», то есть усиленного ледового, неограниченного района плавания, 160 метров длиной, высотой с семизэтажный дом.

Собирались мы тщательно, всю теплую одежду взяли, которая в зимнем походе по Арктике не подводила, болотные сапоги, если волны станут перекатываться через палубу, а здесь — кондиционеры, двухкомнатные каюты, спортзал, сауна, а на чай экипаж собирается в наглаженных рубашках.

Так вышло, что постоянно капитану Александру Ревенко дали отпуск, а заступил на его пост 33-летний Александр Кременчугский, тоже капитан дальнего плавания, бывший игрок баскетбольной команды «Алга», с большущей, естественно, пятерней, в которой телефонная трубка управления почти исчезает.

Фрагмент старинной карты России

Капитан «Кузьмы Минина» идет впервые в большой арктический рейс. И не только он: три четверти команды судна впервые увидят восток Арктики.

Клинообразное тело судна из узкого Кольского залива, по нашим ощущениям, очень скоро выстрелило на открытую воду, она расширилась, стало море.

Студеное море, «окиян-море»... Английский мореплаватель Барроу, который в XVII веке гостил у поморов, писал: «Мы ежедневно видели, как по заливу спускалось много русских, экипаж которых состоял из 24 человек до 40. (На атомоходе «Ленин» — 200 человек! — Ю. Б.) Плыва по ветру, все лодки опережали нас и часто приспускали паруса, ожидая нас...» Так умели ходить на судах, где «вместо якоря был большой камень на явовом кляче (канате), паруса шиты из полувделанных шкур, в кочах не было ни одного гвоздя, ни атома железа». Шли они только по ветру, не имели возможности маневра, и потому летописец замечал горько: «немногие прииде обратно...»

Быстро темнеет. Успеваю записать: «Округа меняется чуть не ежесекундно: лениво-гладкая, исеченная рябью, суетная, голубовато-вольная, отбеленная...» А у поморов существовало до 100 определенных состояний воды: большаца, быстрина, окротень, избет воды, палья вода, скротеня, перетреб, полнова, зажив...

Капитан морщится. Видимость упала совершенно. А это означает

шторм. Близкий пролив заповстреливал льдинами. Двадцатитычетонный «Кузьма Минин», сталкиваясь с ними, постанывает, покрывает и, когда те уходят под киль, словно выгибается.

Эхолот показывает: мелко. Значит, настойчивый северо-восточный ветер не только забил льдинами Карские Ворота, но и выгнал воду из Югорского Шара, обмелив его. Впереди темный рукав пролива. «Кузьма Минин» издаст вдруг недоверчиво-недовольный крик-выдох: капитан чуть дольше обычного не отпускает красный рычаг sireны.

...Арктику трудно уловить словом. Силюсь найти сравнение туману — его мышастому шевелению, в чем-то опасному отслоению.

В пустынности этой ищешь сравнение с живым... В детстве видел, как стригут овцу: ее, бедную, страдальчески вздрагивающую, роняют на полный бок; машинка, кузнечиком жвакающая, блестящая, отваливает слой обезжизневшей шерсти... Плывет мимо туман — стриженосерстной вал такой же, а вот туман, похожий на мокрый, серый пастушеский плащ, с которого стекает влага, иной — просто неопределенный, вязкий... Какой сонм туманов!..

При видимости 100—200 метров прошли 900 миль по Баренце-

ву морю. Оно вело себя достойно. Волна спала. Просто ведь океан ничего не выкажет. Века понадобились, чтобы он заговорил. О том, что Русская равнина пошла здесь внаклон, накопила море с двухкилометровых ледников Кольской земли. О том, что сюда из Атлантики Нордкапская ветвь Гольфстрима несет 35 тысяч кубоклометров воды, подогретой до +12 градусов. О том, что Баренцево море, хмурое и холодное на вид, кипит жизнью: вес планктонных организмов, питающих полтора ста видов рыб, достигает 50 миллионов тонн.

О чем еще молчишь, Баренцево? Какую тайну приоткроешь? На каждого, вышедшего в дорогу, у природы есть тайна — это я точно знаю. Вот и здесь природа, как бы храня тайны теплых ветров, отгородила Карское море от Баренцева подковой архипелага Новая Земля...

...С полукруглого капитанского мостика, всегда светлого благодаря чистым стеклам с подогревом, хорошо виден ледакол. Светло еще и от льдин. Они выцукло лучатся и кажется, что пролив наполнен прозрачными шарами.

Наше судно и ледакол сближаются. Эта ситуация — кому с кем встретиться — запланирована заранее. Обычно в феврале-марте собираются на совещание сотрудники научно-исследовательского института Арктики и Антарктики, представители Министерства морского флота СССР, арктических управлений по гидрометеорологии и контролю за природной средой. На нем детально обсуждается план морских операций в северных морях. В основу ложатся заявки грузоотправителей, нужды полярных поселков, наличие транспортного и ледакольного флота, авиационное обеспечение и, конечно же, долгосрочный ледовый прогноз. А он гласит, что нынче ожидается «повышенный фон ледовитости с естественными трудностями для мореплавания и ранними сроками замерзания». Потому-то нынче сухогрузный флот и представлен более мощными судами, вот почему и наш «Кузьма Минин» с его двенадцатитысячной силовой установкой отправлялся впервые в дальний арктический рейс.

Какая ясность полярного дня! В час ночи океан дарит рассвет. Льда как бы нет — течет золото, точнее, лавина золотоспелая. На

сгибе волны — сталь! В спаде — голубое! Нельзя не ставить восклицания. Краски не земные — океанские. Для обозначения их не так много сыскано слов...

Судно и ледокол тихонько двинули вместе, оба темные от черночугунных лавгов. «Кузьма Минин», пытаясь лавировать, принимал удары льда.

Темный рукав пролива распался, остался позади; раскинувшаяся бликующая гладь со сметанными пятнами льда — Карское море. Не обманул нас антициклон, желанный гость с Северного полюса. Застопорили ход. «Капитан Драпичин» легко развернулся, ловким маневром встал рядом, метрах в пяти. Ему перебросили почту и он быстро ушел в туманный пролив. Мы остались одни во всем видимом море: лед, теперь освещенный, обступил судно близко, до видного смерзшегося крупняка снежного наста. Едва на солнечный палец антициклона набегает малейшая тень тумана, как льдины, отдельно горящие цветные камешки, притухают, чтобы вспыхнуть затем с еще пущей силой. Зрелище исключительное. В арктическом снеге нет пыли, и от прикосновения солнечного луча каждая крупинка его ошеломляет многоцветьем.

Что есть лед на планете? Вообще, в океане девяносто семь процентов всей земной воды. В трех оставшихся процентах — больше половины льда. Но если и он растопится весь, уровень мирового океана повысится сразу на 60 метров, и планету ожидает потоп. Вот что может наделать ледовая шапка земли. Собственно, насчет ледовой шапки тоже надо уточнить: часть льда вечна, но края, как листы календаря, отрывные: громадные, в несколько тысяч квадратных километров, ледовые поля отрываются и по воле течений и ветра надвигаются на берег, заступая путь кораблям. Карское море удалено от теплых ветров Баренцева, но когда мощность воздушного потока превышает высоту островных хребтов Новой Земли, то на восточных склонах образуется ураганный воздухопад, который забивает море, как мешок, льдом, и ухваченные им мелкие суда уносятся в океан. Там они вмерзают, начинается сжатие... Так или чуть иначе исчезли полярные экспедиции Седова, Русанова, Брусилова...

Потому-то радиограмма штаба морских операций западного сектора дала ориентировку держаться мыса Харасавэй, то есть ближе к берегу.

Льды, льды... Можно понять испуг генерала Зиновьева, ответившего на записку русского промышленника Сидорова «О средствах вырвать Север из его бедственного положения», пожертвовавшего более миллиона рублей на изыскание пути из Европы в Сибирь через Енисей или Обь: «Так как на Севере постоянные льды, и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наоборот... Такие идеи могут проводить только помешанные...»

А теперь вот надо понять, как же на третьем году революции стали готовить дерзкий поход Карским морем через устье Енисея за сибирским хлебом?! Флота для ледовых плаваний почти не было. И, главное, угля... Его в количестве 3500 тонн доставили советские водолазы с потопленных в войну пароходов... Пробежите еще раз эту строчку: тысячи тонн топлива в холодном океане доставали из затопленных трюмов!.. За карскими операциями Ленин следил лично. Сохранилась его записка управляющему делами Совета Народных Комиссаров, касающаяся снаряжения Карской экспедиции:

«Запросите факты, проверьте их. Проверьте лично и дважды. Потом поговорить по прямому поводу... Без всего этого я не поверю ч(то) делу «обеспечение» (Ленинский сборник, XX, стр. 282). Более 8600 тонн муки, 1700 тонн других грузов и на 12 миллионов рублей пушнина доставили тогда суда в Архангельск. Передистнем страничку истории и вспомним, что в этих водах в 1942 году разбойничал фашистский линкор, в упор расстреливая беззащитные бревенчатые домики полярных станций, пока на пути не встал ледокол «Сибиряков». Он, прошедший первым в мире Северным морским путем в одну навигацию, не мог сделать что-либо иное, чем дать бой, погнать, но отвлек на себя огонь.

В том экипаже сражался земляк — Павел Борисихин. Перед отплытием я был на родине. Он стоит твой дом, Павел. Стоит и тополь. Родится картошка. Все помнят земляки. Прими от них поклон.

...«Кузьма Минин», распахивая лед, вез северянам груз. Он называется генеральным, то есть главным, для людей.

Знаменитый полярный путешественник Хансен прошел по Карскому морю, Енисею до Дальнего Востока, возвращался через Урал. Побывал в Екатеринбурге. Он писал: «...Я побывал в музее, познакомился с геологией этой сказочно богатой страны. Каких-каких только сокровищ не содержит ее недра! ...Здесь к новому морскому пути в Сибирь отнеслись с интересом, хотя для Екатеринбурга этот путь не может иметь значения...» Ошибка вышла. Еще какое значение имеет! Потому как иные недра заговорили — воли и силы человеческой...

Многих путешественников сбивало с толку Карское море...

Почему, например, еще Литке, президент Географического общества России, четырежды покушавшийся на подходы к Новой Земле, вдруг уверился в тщетности попыток. Добро бы только он... Ему открывалась удача: после описи южных берегов Новой Земли он заметил: «Неожиданная безледность Карского моря представляла, по-видимому, удобный случай осмотреть восточный берег Новой Земли, никем еще не виданный... Предприятие было заманчиво, но я не знал, благозвучно ли на него покуситься...» Не решившись сам, не верил в решительность других. Его приговор: «морские сообще-

ния с Сибирью принадлежат к числу вещей невозможных...»

Так и считалось... И вот адмирал Макаров первый высказывает иное мнение: ключ к покорению Ледовитого океана есть понимание свойств проливов. «Ледоколами можно пройти не только через них, но и к Северному полюсу...» Но резолюция на докладной записке неумолима: «...идея адмирала Макарова не может служить на пользу флоту...» Вот куда аукнулся скептицизм Литке. Макаров, однако, добивается своего: летом 1899 года первый в мире ледокол, названный «Ермаком», вышел в трудное плавание до Шпицбергена...

А теперь в море Лаптевых через пролив Вилькицкого нас вел первый в мире атомоход «Ленин». Подробно о нем и проводке — в следующем репортаже; скажу только, что трое суток, пока караван судов (в проливе нас поджидали балкер «Капитан Кудлай», сухогрузы «Ямалес», «Беломорлес»), натянутый струной, то рвался, то змеился, то заходил полукругом у самой северной точки Евразии — мысе Челюскин, трое суток ни на секунду не останавливалась работа. Лед, хряская, стена, лопаешь, скрежеща, хлопая, усугубал...

Вот и море Лаптевых. Самое суровое. Еще надежнее, чем Карское, заслонено от тепла Атлантики полуостровом Таймыр и Североморским архипелагом. Помню твои холода — примороженный, в бухте Тикси, видел, как почти на глазах при сорокапятиградусном морозе от дыхания цветет изморозь. Мы шли на собаках по вечному, как нам тогда казалось, льду от устья Оленька через губу Буорхая. И даже намек на жизнь окрест нет — только скрипоток нарт. Ночь не тесно облекала океан: тонкая, если не сантиметровая, полоска мерцания от моря показала нам окружившие планеты! Я поклялся: никогда не приеду в Якутию летом — сохраню фантастическое видение...

А сегодня темнеет горизонт, отражая далекие льды. Или, может, землю? В первом арктическом плавании ледокола «Ермак» вместе с адмиралом Макаровым был молодой ученый Толль. Уже тогда он вынашивал план экспедиции на кусок суши, который предстал перед ним 13 августа 1886 года... Не раз вчитывался я в эти строки, определившие судьбу ученого: «Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могурурях, мы в направлении на E 14—18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова (промысловик, впервые

увидевший загадочный материк — авт.) подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карте пунктирную линию и подписать над ней: Земля Санникова...»

Никто больше не видел Земли Санникова. Никогда. И хотя совпадение, разумеется, случайное, но все же... Тоже 13 августа, по спустя почти сто лет, всматриваясь я в том же направлении (проверил градус секстантом), но море Лаптевых было черным, льдины как бы прятались между волн; остров Котельный с уменьшенными, миниатюрно вычерченными горушками, прожилками ледничков казался плывающим сооружением. И больше ничего.

Академия наук организовала для отыскания этой земли специальную экспедицию, которой надлежало также пройти Беринговым проливом в Тихий океан. Смелые замыслы! Арктика непредсказуема: любые тщательно выверенные планы она разрушает там, где ей вздумается. Полярное судно «Заря» с экипажем и двадцатью собаками на борту 31 июля 1900 года под командованием Толля прошло Югорским Шаром в Карское море, но около острова Диксон, затертое льдами, зазимовало в Таймырском проливе. На мысе Челюскин оставили продовольствие для будущей санной поездки в обход самой северной точки Евразии. Но склад не обозначили достаточно серьезной меткой, и весной, под глубоким снегом, отыскать его не смогли. Любопытно, что через 73 года склад все-таки обнаружили. Группа полярных путешественников во главе с Дмитрием Шаро привезла металлическую банку в редакцию «Комсо-

вольской правды». Иван Дмитриевич Папанин, которому была оказана честь первым вскрыть полярную посылку из прошлого века, рассказал в одной из бесед:

— Смотрю, посыпалась на ватман крупа. Овсянка, хлопья. Запах здоровый. Едва удержался, чтобы щепотку не отправить за щеку...

Да, позже лабораторные анализы показали, что продукты, пролежавшие в вечной мерзлоте три четверти века, сохранили витамины, калорийность.

Предполагают, что Толль и его спутники погибли при переходе на Новосибирские острова по неокрепшему льду. Не разрешился тогда вопрос о Земле Санникова... Так что же осталось нам? Остался гимн отваге и человеческой дерзости. Нас не могут не влечь судьбы людей, имеющих цель такой величины и силы, за которую можно заплатить самой жизнью. Толль говорил своему боцману Никифору Бегичеву: «Я не знаю, может ли существовать на свете большее счастье, нежели счастье исследователя, открывающего землю, на которую не ступала нога человека. Ты не знаешь еще, сможешь ли вернуться на родину, чтобы поведать о своем открытии. Но ты идешь, выбиваясь из последних сил, потому что идея сильнее тебя. Рожденная человеком, она удесятерит его силы, она вливает в жилы энергию. Не знаю, боцман, сможешь ли постичь эту радость...» Постиг эту радость боцман. Позднее Никифор Бегичев станет известнейшим человеком в Арктике. Он первым исследовал в море Лаптевых остров, названный его именем, впервые после Норденшельда посетил остров Преображения, открыл каменный уголь и признаки

жидкой нефти... Я был на этом маленьком острове в океане, льды шалашом обложили его, и он, чуть косощелч — южная его сторона выше, — являет северный форпост страны. Теперь Таймыр дает нефть. Начальник Хатангской нефтегазозазведочной экспедиции Н. Симановский показывал карту, где обозначены флажками уралмашевские буровые.

...А «Кузьма Минин» попал в оборот. Округлый Новосибирский ледовый массив, похожий на дисковую пилу, под мощным дуновением закручивался в море Лаптевых по часовой стрелке. Гигантский зубец захватил нас и потащил на мель острова Котельного, «Кузьма Минин» рванулся было, но в одном из маневров его вынесло на предельски низко сидящую многослойную льдину, она приняла судно, и винт бесполезно бешено бил воду. Как неуклюж беспомощный корабль! Кругом стояли монолиты полей. И один из них, как вал, несло на нас! Не сразу почувствовал шевеление, но внутри корабля насосы перекачивали воду гигантских цистерн с правого борта на левый, с левого на правый. Судно, переваливаясь, проламывало себе полынья. Ночью еще одно поле, покрытое, как оспой, черными промоннами от таящих торосов, захлопнуло отступление. Мы — в ловушке. Капитан Кременчугский ждал ответа на запрос о действиях. Теперь он был в восточном секторе Арктики как бы в гостях, и просьба о консультации была и данью вежливости. Послали на помощь ледокол. Но он не смог пробиться. ледокол винт и сам лег в дрейф. Все шло нормаль-

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБИШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРЬКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в.
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 29.01.86 г. Подписано к печати 10.03.86 г. НС 11028. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,76. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 385 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 471. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

Баренцево море.

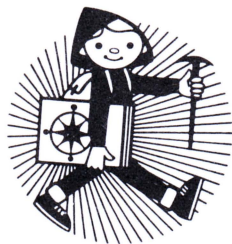

Пролив Вилькицкого отделяет самую северную точку Азии мыс Челюскина от архипелага Северная Земля. На горизонте атомоход «Ленин».

но: завтраки в полвосьмого, вахты, вечернее кино, спортзал, не было только движения вперед. О втором ледоколе не могло теперь идти речи. Прошел день — надо было дожидаться новой информации об обстановке... О, этот из вежливости потерянный день! Многие бы позже отдали за него «мининцы». Капитан решил выбирать сам. По темным разломам, едва улавливаемым трещинам отходили к югу, устью Колымы. Оттуда можно пробиваться в Восточно-Сибирское море, где чисто до самого Певека. Но проливом Санникова суда класса «УЛ» не ходили! Если капитан рискнет, а не пройдет, сядет на мель — лучше не думать об этом варианте. Если же будет ждать — где гарантия, что обстановка не станет еще более сложной?

Записываю в дневник: «Солнце слепо-золотое. Дымная полынья устья Колымы. Ледокол «Красин» отбуксировался в Тикси. Упала всякая надежда на помощь. Десятибалльный лед. Идем один узел в час, тридцать миль в сутки. Это меньше скорости пешехода. С запада судов нет. Топлива может не хватить. Пролив Санникова — туманная труба. Ни на метр нельзя отклониться... Вчера — чистая вода, сегодня путь заступает огромное поле... Три дня — в осторожной, ювелирной работе. В полном тумане подошли к Чаудской губе. Сводка погоды с Чукотки. Море свежее после дождей. Зеленая вода».

В заливе стояли два огромных

Рубежи ОТЕЧЕСТВА

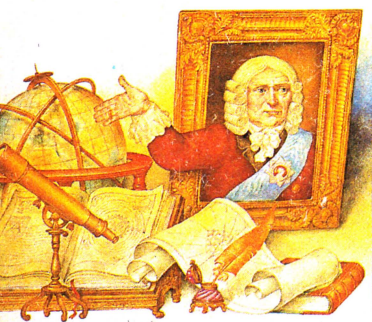
Капитан «Кузьмы Минина» Александр Кременчугский (слева) принимает гостя с атомохода «Ленин» Давида капитана Владимира Давидьянца.

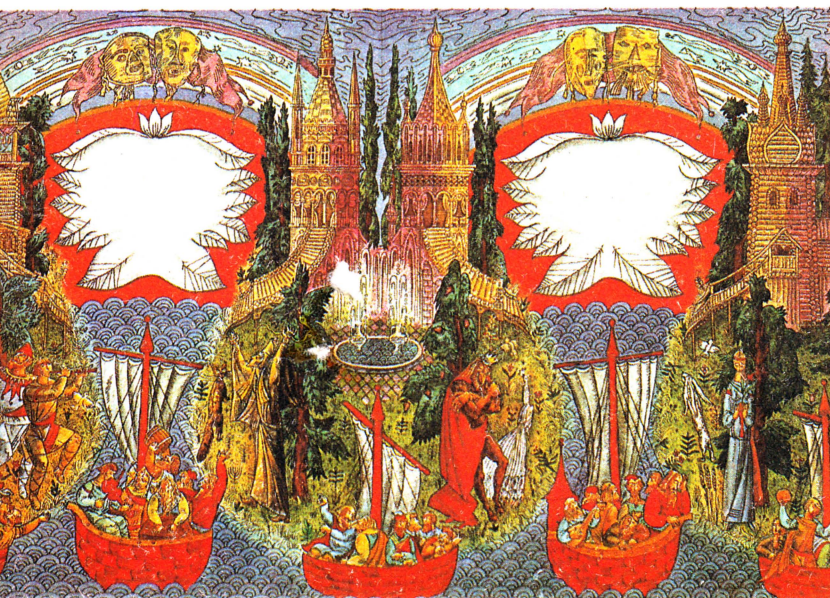
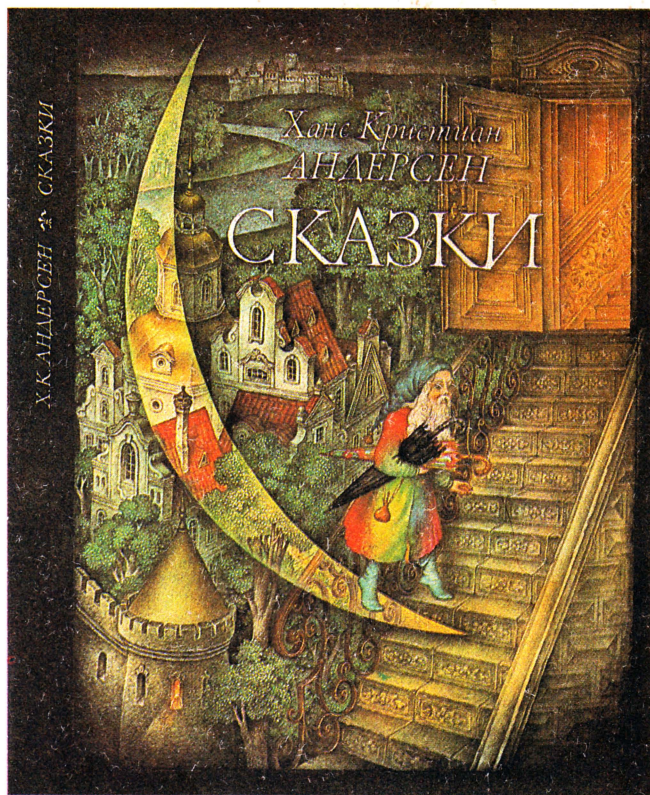
красных сухогруза из Владивостока. «Кузьма Минин» опоздал на сутки — на разгрузку «морковок» уйдет неделя. Рейс муромчанам не засчитают как удавшийся. Все эти дни экипаж, я чувствовал, работал в ритме, требующем особой отдачи. Кто виноват, что на сей раз Арктика не оказалась союзницей. Но повезло дальневосточникам — они досрочно выполнили план навигации. Потом, позже, в штабе морских операций восточного сектора Арктики сказали, что в истории этой навигации определенно останется строка о первом и успешном проходе судна класса «Кузьмы Минина» через пролив Санникова, и вопрос о рейсах таких судов в отдаленные точки Арктики решится, видимо, положительно.

А я вот хотел написать просто об океане — воде его, льде, небе, воздухе... Нет, неотрывен он от деяний человека, который на рубежах Родины этих тысячеверстных не имеет права быть созерцателем. И он работает. И борется, если Ледовитый ставит препоны. Иногда кто-то проигрывает, но все-таки на шаг, но движется вперед.

...Мы прощались с «Кузьмой Мининим». Катер увозил нас в Певек. Высоко, с черной стены борта нам махали руками. «Мининцы» еще не знали, что Айонский ледовый массив захлопнул возвратную тропу, а в проливах, из-за раннего похолодания, обстановка усложняется с каждым часом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ И ОБЛОЖКА «СКАЗОК» Г. АНДЕРСЕНА.
С. Ковалев, г. Пермь.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СКАЗКЕ С. АКСАКОВА
«АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК». В. Сафронов, г. Челябинск.

ГРАФИКА

6-я ЗОНАЛЬНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ»
в г. Свердловске

Слайды И. Горячева

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1986, № 5, 1—337.